

ЗАШИЌИ А. ВЕШТАКОВИЌ МЕРЗАЦА

РОМАНЪ

Издательство Русское Творчество
БЕРЛИНЪ

А. ВЕТЛУГИНЪ

ЗАПИСКИ
МЕРЗАВЦА

МОМЕНТЫ ЖИЗНИ
ЮРИЯ БЫСТРИЦКАГО

Всѣ права сохранены за авторомъ.
Alle Rechte vorbehalten, insbesondere das Übersetzungsrecht.

РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ Е. А. ГУТОВА
BERLIN S. 14, DRESDENERSTRASSE 82-83.

СЕРГЬЮ ЕСЕНИНУ
и
АЛЕКСАНДРУ КУСИКОВУ

I

Справка о Быстрицкомъ
Юріи Павловичѣ и объ его запискахъ

Не думаю, чтобы Юрій Быстрицкій посѣтоваль на откровенность моего заглавія. Какъ часто въ минуты своей тяжелой болтливости любилъ онъ повторять: «Если-бы у всей послѣвоенной сволочи было свое особое собирательное лицо — повѣрьте, никакіе моралисты не разлучили бы меня съ вѣчностью»...

Мечтательный, какъ убійца, влюбленный въ сла·дости, какъ женщина, на всѣхъ этапахъ изумительной карьеры онъ тщательно холилъ свои узкія бѣлыя руки съ перстнями на безымянныхъ пальцахъ и въ самыхъ рискованныхъ положеніяхъ старался оставаться безупречнымъ джентльменомъ. «Я люблю деньги — потому что только деньги даютъ возможность быть джентльменомъ»...

Въ общемъ, это былъ человѣкъ, котораго никто не любилъ.

Говорю «быль», потому что какой-то вѣрный голосъ шепчетъ мнѣ о его долгожданной смерти.

Въ зацвѣтающихъ ли лугахъ англійскаго нагорья, на дюнахъ ли Нормандіи или еще гдѣ — куда только ни швыряла, ни метала судьба Юрія Быстрицкаго — старый добрый офицерскій ноганъ нашель наконецъ правильное примѣненіе и — жестокія узкія губы, громадныя мечтательныя глаза, маленькія дѣвичьи уши — все это развѣялось, сгорѣло, исчезло.

Въ нашей общей унылой комнатѣ, въ нашемъ общемъ засаленномъ саквояжѣ нашель я эти безконечно разрозненныя, безконечно запутанныя записи трагическаго существованія. Ничего не прибавляю, ничего не измѣняю, а особливо ничего не выпускаю. Если онъ живъ — мораль его убьетъ; если онъ мертвъ — мораль его заставитъ встрепунуться отъ злости, воскреснуть и снова потянуть ненавистную канитель. *Tout abrégé d'un bon livre est un sot abrégé . . .*

«Хорошей» — книгу Юрія Быстрицкаго можно назвать въ томъ смыслѣ, какъ хорошо все то, что исходитъ отъ людей, рисковавшихъ своей головой и не жалѣвшихъ чужихъ головъ. «Хорошъ» былъ бы дневникъ адмирала Колчака. «Хороши» были бы записи террористовъ-смертниковъ. Впрочемъ — и этого не нужно скрывать и съ этимъ врядъ ли стоитъ бороться — выживающее большинство предпочитаетъ скучать иначе.

Берлинъ 23 февраля 1922.

А. Ветлугинъ.

II

О, сверкающее ртутью платье...

Я становлюсь животнымъ мечтательнымъ. Когда-то — еще и гимназіи не было и докторъ Купферманъ еще плѣнялъ меня рассказами о подвигахъ своихъ въ войну семьдесятъ осьмого года — я любилъ больше всего на свѣтѣ иллюстрированные проспекты пароходныхъ компаній. Съ благоговѣніемъ твердилъ непонятныя слова: «имѣется собственная динамо-машина»..«вдоль всего спордека—для послѣобѣденной сіесты разставлены особой конструкціи лонгъ-чезы»... «въ барѣ кліенты Кэнаръ-Лайнъ найдутъ несравненные коктейли».. И я слюнилъ бархатистыя истрепанныя страницы и во рту было сладко, какъ отъ предчувствія припрятанной крафтовской конфеты, и ночью я бредилъ коктейлями, лонгъ-чезами, таинственнымъ Кэнаръ-Лайнъ. Коктейли снились маленькими человѣчками въ кружевныхъ камзолахъ и бархатныхъ штанахъ; лонгъ-чезы хихикали и потирали сморщенные ладони — въ нихъ я узнавалъ старыхъ друзей гномовъ. Но самымъ изуми-

тельнымъ былъ Кэнаръ-Лайнъ. Громадный старикъ съ бородой Аладина онъ просовывалъ голову въ люки потолка и по его желанію лонгъ-чезы становились добрыми и протягивали мнѣ коробки конфетъ, груды пистолетовъ, мѣшечки золота.

Доктора Купфермана уже десять лѣтъ какъ снесли на тѣнистое еврейское кладбище — и шапка съ лоснящимся верхомъ, съ выцвѣтшимъ краснымъ околышемъ, предметъ его тихой величавой гордости, пропала неизвѣстно куда. Отъ лежанія въ лонгъ-чезахъ у меня и сплинъ, и геморой; отъ питья коктейлей дрожать руки и сердце замираетъ: разъ, два, три, пауза роковая, четыре, пять, шесть, снова пауза, а все вмѣстѣ *angina pectoris*. Звучно, но непріятно. Не оправдалъ надеждъ и Кэнаръ-Лайнъ. Видитъ Богъ, какъ мало подарковъ получилъ я отъ него за годы шатанья...

И лишь мечтательность слюняваго мальчика въ бархатныхъ штанишкахъ снова возвращается. Обрывки фразъ, отзвуки музыки заполняютъ паузы предательскаго пульса.

«О сверкающее ртутью платье, которое развѣвается на поворотахъ крѣпостныхъ сводовъ»...

Какое платье? Гдѣ и когда въ моей жизни поворачивали крѣпостные своды? До изнеможенія напрягаю память, до боли тру лобъ, ни черта... Главное, фразу то знаю. Вычиталъ ее еще въ той зелененькой книжкѣ, что попалась мнѣ въ городѣ

вають трескучими звонками; голя маленькія дѣвочки съ накрашеними губами и развѣвающимися волосами за ноги хватають горляющихъ англичанъ.

Въ номерѣ нестерпимо жарко, хотя раскрыты оба окна. На простыняхъ стаи клоповъ, хотя честно израсходована коробка персидскаго порошка. Въ грязномъ вонючемъ умывальникѣ шумный праздникъ проворныхъ таракановъ. Я раздѣваюсь, въ одной рубашкѣ подхожу къ окну, долго созерцаю улицу и бѣлый парусными лодками портъ. Потомъ отупѣвъ отъ жары, звонковъ, международной ругани примачиваюсь у колченогаго стола и пишу ненужныя записки не любимой забытой жизни.

За тонкой перегородкой стонуть отъ любви кровати и съ трескомъ вылетаютъ пробки...

III

ДОМЪ ДѢТСТВА

1.

Городишка нашъ степной, воровской и шустрый. Когда желѣзную дорогу строили, инженеры запросили обычную промессу. Купеческое словіе заупрямилось и шишъ показало. Инженеры, люди просвѣщенные, сослались на неудобство прокладки профиля и обошли насъ на цѣлыхъ пять съ половиной верстъ. Только потомъ ужъ какое-то высокое начальство проѣзжало, съ купцами объдало, инженеровъ матомъ обложило и порадовало насъ вѣткой. Купечеству тоже пальца въ ротъ не клади. У однихъ дѣды — бѣглые, съ Волги, съ Оки дралу давали, пробирались Новороссійскими степями и открывали лабазики, лавченки, б.....и

У другихъ — и такихъ большинство, предки — персидскіе армяне. Ковыряли ножемъ на Кавказѣ, тюрьмы не стали дожидаться и тоже въ степи. Сперва съ обезьяной ходили по дворамъ

купеческимъ и дворянскимъ. «Эй Машка, покажи-какъ пьяная баба валяется...» Машка оскаливала острые желтые зубы, худощавыми лапами чесала задъ и по грязи каталась. Потомъ заморскіе гости сообразили, что обезьяна звѣрь не большой, ничего за ея спиной не упрячешь — и завели медвѣдя. Поставили клѣтку, за входъ по пятаку. Медвѣдь реветъ, пруты ломаетъ и воздухъ портитъ, ибо на всю медвѣжиную братію крѣпка поговорка: «Зарекался медвѣдь въ берлогѣ не...» Купцы посмѣиваются, краюху, обмазанную дегтемъ, въ клѣтку просовываютъ, а подъ клѣткой (потомъ уже выяснилось) былъ потайной ходъ въ погребъ, гдѣ персидскими армянами, специалистами и любителями, выдѣлывались государственныя ассигнаціи сторублеваго и пятидесятирублеваго достоинства... Пока начальство раскачалось и разнюхало, какимъ запахомъ изъ медвѣжьей клѣтки пахнетъ — ассигнаціи персидскія докатились до Архангельска и Красноярска, Варшавы и Владивостока.. Армяне понастроили трехъэтажные дома, пооткрывали большущіе магазины. Когда у человѣка домъ да магазинъ въ придачу... его какъ-то несподручно въ тюрьму сажать... Начальство тѣмъ болѣе свою долю сполна востребовало. У армянъ дѣти повыростали, въ университетъ поступили... Городъ росъ и росъ. Появились банки, затрещалъ телефонъ, меценатъ армянскій театръ открылъ. Такъ и пошло. Толь-

ко на долго осталось прозвище — «медвѣжи деньги». Сядемъ, бывало, обѣдать, мать начинаетъ кряхтѣть, что у Поповьянца на масло гривенникъ прикинули. Отецъ кулакомъ по столу двинетъ, прибавитъ крѣпкое матерное слово: «Ничего, ничего и на медвѣжи деньги, такъ ихъ и такъ, своя управа явится...» Любилъ отецъ сочный лексиконъ, хотя и окончилъ Санктпетербургскую военно-хирургическую академію и въ дипломѣ у него значилось, что упомянутый лекаръ Павелъ Быстрицкій есть „*vir doctissimus et sapientissimus*“, хотя и издалъ онъ немало брошюрокъ описывавшихъ его неслыханные успѣхи въ дѣлѣ излеченія страждущаго человечества. На восьмомъ году, когда вошелъ во вкусъ чтенія и поглотилъ всѣ книги, имѣвшіяся въ домѣ отъ Елены Молоховець до 26 правилъ шведской гимнастики, раскопалъ я однажды у матери на пузатомъ орѣховомъ комодѣ брошюрку отца. Читаю и ничего не понимаю. «Весной 1895 года обратился ко мнѣ пациентъ З. Сложенія сильнаго, въ легкихъ и сердцѣ процесса не замѣчено. Жалуется на отсутствіе правильныхъ сношеній...»

— Папа, что такое правильныя сношенія?..

— Это значить, что дуракамъ носъ совать куда ихъ не звали, не полагается. А если они суть, имъ уши обрываютъ...

Мать вмѣсто отвѣта за ухо дернула и руками замахала; дворникъ Тимофей, косноязычный, оспой изрытый бѣлоруссъ, поковырялъ въ носу, сплюнулъ, подумалъ и заоралъ на вшиваго кобеля Бульку:

— Ты, что жъ, волкъ тебя зарѣжь, крысы изорта кусокъ вырываютъ, а ты за кусками гоняешь..

А больше не у кого спрашивать, не у кухарки же Агафьи? Да она все равно съ утра пьяная и грозить на обѣдъ плюнуть и въ монастырь уйти...

Скучно на нашемъ дворѣ, петрушки не заходятъ, нищихъ метлой выгоняютъ, дагестанскихъ мастеровъ, лудильщиковъ самоварныхъ сперва пускали и я съ трепетомъ ихъ чекмени разглядывалъ, но прошлой осенью одинъ чумазый въ чекменѣ и папахѣ, пока самоваръ чинилъ, дюжину ложекъ Фаберже съ материнскаго приданаго стянулъ. Съ тѣхъ поръ ворота на заперѣ, однѣ крысы изъ сарая въ погребъ перебѣгаютъ, да Булька, на крысъ поглядывая, лѣниво изъ конуры ворчить... Играть мнѣ не съ кѣмъ, не во что, и родители мои игръ не поощряютъ. Нашелъ я какъ-то на чердакѣ кожаный футляръ отъ зонтика, напихалъ въ него бумаги, привязалъ гвозди и въ дикомъ восторгѣ самъ съ собой началъ въ войну играть. Будто непріятель въ наши закрытыя ворота ломится, а мнѣ поручена защита крѣпости. Булька лаетъ неистово, бѣжить за мной, я размахиваю импровизированнымъ ружьемъ, строю

полки, отдаю приказанія, топаю по лѣстницѣ такъ, что гнилой щебень пылью подымается, запираю и отпираю ворота, дѣлаю вылазки, обливаю смолой вражескія колонны, отбиваю безпре-
станные штурмы.

Нѣтъ, на нашемъ дворѣ, — думаю я, носясь по лѣстницамъ, не такъ ужъ худо. О, здѣсь много тайнъ! Что, если начать раскопки въ углу, подъ сорнымъ ящикомъ. Быть можетъ, тамъ зарыты сокровища или имѣется потайной ходъ къ складамъ оружія. Последняя мысль овладѣла мною въ моментъ, я швырнулъ футляръ отъ зонтика, выпросилъ у соннаго Тимофея лопату и пошелъ копать. Картофельная шелуха, коробка изъ подъ сардинъ, головка протухшей капусты... Ничего, ничего, я не унываю. По началу всегда трудно кладъ найти, потомъ смотришь и заблестить...

Въ это время мать вышла на крыльцо и шипящимъ шопотомъ сказала: «Юрій, ты что-жъ о двухъ головахъ? У отца пріемъ, а ты такъ разво-
зился, что стекла дрожать. Въ сору копаешься, жаль, что штаны чистые. Пошелъ бы лучше книжку почиталь. Отъ игръ ничего путнаго не будетъ. Ты, мальчикъ, долженъ помнить, чей ты сынъ. Твой отецъ — врачъ, первое лицо въ городѣ. Иди сейчасъ же наверхъ и руки вымой.»

2.

Гости къ намъ рѣдко ходять. У отца характеръ тяжелый, мать расхотѣлась на угощенье не любить. По воскресеньямъ является докторъ Купферманъ, снимаетъ шапку съ краснымъ околышемъ, вытираетъ лысину клѣтчатымъ съ горошинами платкомъ и говоритъ: « А *propos*, коллега, я вамъ собирался рассказать любопытный случай...» Отецъ мой Купфермана презираетъ и за глаза вралею зоветь, но изъ уваженія къ Купфермановскимъ семидесяти двумъ годамъ и чину надворнаго совѣтника рассказы выслушиваетъ. Разказовъ у Купфермана три: какъ къ нему, въ тысяча восемьдесятъ третьемъ году, пришелъ солдатъ съ иглой въ глазу и какъ онъ иглу магнитными щипцами вытаскивалъ, какъ въ битвѣ подъ Филиппополемъ онъ на полѣ битвы сдѣлалъ простымъ ножомъ вскрытіе брюшины; и какъ, наконецъ, въ году семьдесятъ четвертомъ въ Парижѣ у Шарко онъ читалъ докладъ, вызвавшій овацію французскихъ коллегъ. Со времени доклада онъ полюбилъ слово «а *propos* ». У Купфермана сахарная болѣзнь, а потому по воскресеньямъ у насъ вмѣсто сладкаго антоновскія яблоки и разговоры о процентѣ сахара въ Купфермановской мочѣ. Причемъ и отецъ мой и Купферманъ въ ражѣ приходятъ и никакъ насчетъ какихъ-то нитей сговориться не могутъ. Отецъ краснѣетъ,

пыжится, рветъ усы и говоритъ: «Простите, коллега, но такой игнорантизмъ въ вашихъ устахъ:» Купферманъ хватаетъ шапку, теряетъ пенснэ и возмущенно хрипитъ о самонадѣянныхъ молодыхъ людяхъ... Шапку у него отбираютъ, самого его съ величайшими трудностями снова усаживаютъ за столъ, а я незамѣтно исчезаю, для «близира» кручусь нѣсколько секундъ по двору, шмыгъ въ калитку и мчусь туда, куда мнѣ ходить строго запрещено. За кварталъ отъ насъ уже степь. На травѣ и вдоль грунтовой дороги разбиты лари, балагаиы, шалаши. Такъ называемый «Новый Базаръ». Крестьянскіе возы скрипятъ, зеленѣютъ капустой, краснѣютъ помидорами, бураками, морковью. Казачки пучеглазья, курносыя, съ обвѣтренными лицами приносятъ куръ, индюшекъ, яйца, масла и во весь голосъ расхваливаютъ свой товаръ.

— Подь, у васъ, мать моя въ хородѣ въ жисть не достанешь...

3.

Птицы кудахчутъ, лошади ржутъ, а въ канавахъ уже разлеглись пьяные мужики. Ибо тутъ же на базарѣ помѣщается зданіе съ двуглавымъ орломъ — питейная лавка. Сюда-то я и бѣгу повстрѣчать своего покровителя и пріятеля Сашу Богуславскаго. Саша знаетъ все и про все расска-

зываетъ. Онъ и правильныя сношенія объяснилъ мнѣ и многое другое, о чемъ дома ни гу-гу. Сашѣ лѣтъ тридцать, а можетъ и всѣ сорокъ. На главныя улицы онъ не любитъ ходить, тамъ лабазъ его отца, богатѣйшаго купца, который сына за пьянство изъ дома выгналъ и въ духовной наслѣдства лишилъ. Еслибъ не подачки знакомыхъ, Саша бы съ голода пропалъ. Съ утра онъ уже толчется на кухняхъ купеческихъ. Тамъ краюху хлѣба съ масломъ дадутъ, тамъ кофію хлебнетъ, тамъ пообѣдаетъ, а тамъ и двугривенный выпроситъ. Монета закладывается за нижнюю губу (чтобъ товарищи въ дорогѣ не отняли) и Саша мчится въ монополюку. Шкаликъ онъ выпиваетъ безъ закуски и посуду прячетъ въ карманъ. Когда двадцать пустыхъ наберется — въ обмѣнъ одинъ полный даютъ. Двадцати шкаликовъ онъ еще никогда не собралъ. То на улицѣ упадетъ и разобьетъ, то подъ вечеръ проберется къ отцовскому двору и швырнетъ шкаликомъ въ окно кабинета, гдѣ старикъ предъ образами на счетахъ щелкаетъ, а то у базарной торговки за порожнюю посудину выпроситъ ломоть ржаного хлѣба. Съ Сашей мы еще съ прошлой зимы подружились. Онъ къ намъ, бывало, всю зиму ходилъ и мать моя съ разговорами безконечными дарила ему то старые отцовскіе штаны, то пару въ конецъ истоптанныхъ ботинокъ. А кухарка Агафья, когда мать въ комнаты уйдетъ, схватитъ краюху хлѣба, масломъ по-

мажетъ, сунетъ второпяхъ Сашѣ въ руку и говоритъ: «Иди-жь, иди окаянный, когда тебя черти въ адъ унесутъ...» Саша шепотомъ о чемъ - то еще пробуетъ ее просить, но тутъ Агафья возмущается и его за дверь выставляетъ. Разъ ни Агафьи, ни матери дома не было, я одинъ въ кухнѣ сидѣлъ и на безмѣннѣ кубики свои взвѣшивалъ. Саша заглянулъ въ окно, увидѣлъ меня и пальцемъ поманилъ.

— А что, малышъ, еслибы въ этотъ шкафъ заглянуть...

Я смѣло раскрылъ Агафьинъ стѣнной шкафъ и любезно пригласилъ для его осмотра Сашу. Саша вихремъ метнулся къ верхней полкѣ, схватилъ бутылку, запечатанную сургучной печатью, потрепалъ меня по плечу и былъ таковъ... Вотъ крику было: Агафья хотѣла въ полицію идти, мать на Тимофея орала, что это онъ не досмотрѣлъ, а отецъ строго на строго приказалъ Сашу больше ни подъ какимъ видомъ ко двору на пушечный выстрѣлъ не подпускать. Мнѣ безъ Саши не въ могу, не съ кѣмъ поговорить, не у кого насчетъ непонятныхъ вещей справиться. Условились мы съ нимъ сборнымъ мѣстомъ считать монопольку. А чтобъ никто меня не замѣтилъ, я сперва по базару долго хожу, будто пряникъ высматриваю, и обходомъ черезъ двѣ улицы къ пьяному зданію пробираюсь. За обѣдомъ, когда мать заглянется въ окно, не идетъ ли изъ лечебницы отецъ, я сей-

часъ-же, какъ говорить Саша, «полнымъ кентеромъ», въ карманъ либо кофлету, либо кусокъ селетки. Кроме того, по Сашиному совѣту въ пятомъ часу дня, во время отцовскаго отдыха, отправляюсь въ кабинетъ и роюсь въ карманахъ парусиноваго пиджака, куда отецъ частенько мѣдь бросаетъ.

— Пятаковъ никогда не бери — учить меня Саша, пятакъ на тѣлѣ чувствуется. Ты норови двѣ штуки по копѣйкѣ или одинъ трехкопѣечникъ...

Я такъ и дѣлаю и ничего, сходитъ. Но зато и Саша въ долгу не остается. По два часа онъ мнѣ рассказываетъ о городахъ, гдѣ онъ съ отцомъ своимъ по дѣламъ бывали, о пароходахъ, на которыхъ они ѣздили, о театрахъ, о гаваняхъ, объ устройствѣ хлѣбныхъ ссыпокъ. Чего-чего только не видѣлъ Саша. Я ему разъ принесъ проспекты свои драгоцѣнные, такъ онъ посмотрѣлъ и оказывается, на этихъ самыхъ пароходахъ много разъ ѣздилъ.

— Погоди, погоди, Юрій, вотъ отецъ мой помретъ, всѣ деньги мнѣ оставитъ, ты къ тому времени вырастешь и поѣдемъ мы, братецъ ты мой, въ городъ Каиръ. Тамъ финиковъ въ лавкахъ не покупаютъ, а прямо съ деревьевъ рвутъ, тамъ на ананасы и плевать не хотятъ, а дынями однихъ ишаковъ кормятъ...

Въ городѣ Гамбургѣ Саша также обезьяну видѣлъ, которая во фракѣ и манишкѣ ходила, падэ-

спань съ дамами танцовала и рыбу безъ ножа ѣла. Саша увѣряетъ, будто онъ эту обезьяну за тысячу двѣсти рублей купилъ и въ отдѣльномъ вагонѣ везъ, только на русской границѣ пришли жандармы, обезьяну отобрали, а Сашѣ морду побили и на документѣ печать съзакорючкой поставили... Есть у `Саши одинъ товарищъ, съ которымъ они вмѣстѣ ночлега ищутъ. Длинный, нескладный, веснушчатый, бородой до глазъ обросъ, ходитъ и лѣтомъ и зимой въ рваномъ ватномъ пальто со съѣденнымъ молью воротникомъ. Штаны у него рѣдко бываютъ, большей частью онъ пальто на голомъ тѣлѣ носитъ. Сидѣлецъ монопошки называетъ его почему-то «Товарищъ Клейстеровъ», хотя фамилія его Гнилозубовъ и самъ онъ не изъ рабочихъ а изъ черкасскихъ чиновниковъ.

— Товарищъ Клейстеровъ, нѣтъ ли у васъ новенькихъ карточекъ? кричитъ сидѣлецъ — я бы васъ коухой угостилъ...

Гнилозубовъ роется въ карманахъ, достаетъ засаленныя карточки и протягиваетъ сидѣльцу. Тотъ какъ захочетъ... слюна брызжетъ. Смотритъ не меньше получаса, пока босые покупатели шумѣть не начинаютъ... И наливаетъ Гнилозубову коуху особой перцовой, которая въ банкѣ изъ подъ варенья содержится. Одинъ разъ, когда Саши не было, а ждать его долго пришлось, я Гнилозубова робко попросилъ:

— Нельзя ли мнѣ ваши карточки посмотрѣть.

Онъ на меня грозно метнулъ —

— А что ты мнѣ за это сдѣлаешь...

— У насъ сегодня холодная телятина на ужинѣ, хотите я вамъ кусокъ украду...

— Телятина, говоришь... Ну, ладно. Не люблю я правда телячьяго запаха. Не то навозомъ, не то мамкой потной пахнетъ. Ну ужъ для Сашинаго пріятеля...

Долго я разглядывалъ карточки и никакъ не могъ понять, почему сидѣлецъ такъ смѣялся. Что ни карточка — голые люди, что-то другъ съ другомъ дѣлають, а что — неизвѣстно. Гнилозубовъ сталъ было объяснять, но видить, я глазами хлопаю и лобъ тру, бросилъ и сказалъ:

— Вырастешь, за дѣвками бѣгать начнешь, все поймешь...

Саша пришелъ, про карточки узналъ и очень разсердился:

— Ты, Гнилозубовъ дуракъ, въ ребенка половыя понятія другимъ путемъ надо внѣдрять...

— Что такое половыя понятія?, спросилъ я Сашу.

Саша покряхтѣлъ, поигралъ, позвенѣлъ пустымъ шкаликомъ и понесъ такую околесину, что я домой, какъ во снѣ ушелъ.

Къ отцу съ матерью съ этого дня я началъ относиться враждебно. Все они мнѣ врутъ и слушать ихъ больше невозможно.

Весной меня отдали въ казенную классическую гимназію и тамъ къ концу первой же четверти я все узналъ и всѣ карточки понялъ.

IV

Древо жизни

... Видно въ городѣ нашемъ въ самомъ воздухѣ заключались микробы коммерческіе. Отецъ мой — врачъ, мать — дѣвица благороднаго званія; о ней въ домовой книгѣ записано: «дворянка, занимается домашнимъ хозяйствомъ». Во всемъ роду нашемъ купцовъ не было. И только я одинъ попалъ во власть искусамъ торговли.

Въ пятомъ классѣ я былъ, когда меня изъ гимназіи выгнали «за превращеніе учителей въ лошадей»... Никого я въ лошадей не превращалъ, дѣло совсѣмъ простое. Время весеннее, степь отъ пьянаго базара въ многоцвѣтномъ уборѣ, въ классахъ скучища, вонища, сонная одурь. Учусь я отлично, схватываю налету, а вотъ сидѣть и слушать, какъ товарищей тупоголовыхъ въ сотый разъ о суммѣ угловъ въ треугольникѣ спрашиваютъ... Нѣтъ, ужъ покорно благодарю. Задумалъ я организовать тотализаторъ, точь въ точь, какъ на нашемъ донскомъ ипподромѣ, гдѣ уже съ десяти лѣтъ каждое воскресенье бывалъ. Лошадей въ гимназіи

нѣтъ, но въ аудіенць-залу выходятъ шесть дверей шести классовъ... Значить, послѣ второго звонка черезъ залу шесть учителей шествуютъ. Кто первымъ въ залу по лѣстницѣ подымется — тотъ и выигралъ. Ставка — гривенникъ. Десять процентовъ удерживаются въ пользу содержателей — то есть въ пользу мою и товарища моего по партѣ Никогоса Вартаньяна — парня къ наукамъ неспособнаго, но со смекалкой быстрой и безошибочной.

Первыя двѣ недѣли предпріятіе мое процвѣтало. Ежедневно къ обѣду у меня и Вартаньяна оказывалось въ карманѣ по хрустящей пятеркѣ. Ежедневно вечеромъ, обвязавъ свѣтлыя гимназическія пуговицы темными лоскутами и сорвавъ гербъ съ фуражки, отправлялись мы въ билліардную «Самсунъ», выпивали по бутылкѣ кахетинскаго, пожирали по нѣсколько порцій шашлыка, а потомъ до полуночи мѣлили кіи, щелкали шарами и въ виду общаго къ намъ уваженія допускались къ участию въ знаменитѣйшей игрѣ «батифонъ». На столѣ два шара. Полагается своимъ шаромъ загнать въ лузу шаръ противника. Играютъ двое, остальные мажутъ. Подслѣповатый таперь запузываетъ «Вальсъ надъ волнами», «Кэкъ - Уокъ», «Черные гусары», билліардная плыветъ въ сизомъ дымѣ Асмоловскихъ папиросъ, багровые казачьи офицеры безъ кителей, разстегнувъ пояса шароваръ, засучивъ рукава, цокаютъ шарами, а мы съ Никого-

сомъ млѣемъ отъ радости въ густой толпѣ мазильщиковъ... Тутъ и старый отцовскій пациентъ, помощникъ городского бухгалтера — Иванъ Степановичъ Мазировъ, о которомъ отецъ каждой весной за обѣдомъ освѣдомляетъ мать: «Сегодня опять Мазировъ приходилъ. Снова захворалъ»... Тутъ и непримиримые враги нашей классической гимназіи —обладатели желтыхъ кантовъ, реалисты, тутъ и лицо съ гигантскимъ носомъ, неповторимымъ по количеству бородавокъ, Христофоръ Христофоровичъ Дастархановъ піонеръ шантаннаго дѣла на Югѣ Россіи, нерѣдко промелькнетъ и лисичья мордочка «внѣкласснаго надзора», и тогда мы съ Никогосомъ немедленно безъ куртокъ устремляемся на дворъ и стоимъ въ холодномъ ретирадѣ до тѣхъ поръ, пока «Кацо Артемъ» не постучитъ въ дверь:

— Послушай, твой сволочь смылся, очень интересный игра идетъ... Дастарханъ вторую Катку размѣнялъ. Хозяинъ очень боится, не фальшивый ли...

Снова закуриваемъ «Дюбекъ-лимонный» и снова съ замираніемъ сердечнымъ слѣдимъ за исходомъ игры. Исходъ для насъ почти всегда плачевенъ. Къ первому часу ночи въ карманѣ пустое портмонэ и можно итти домой. Жалко немного, что играли мы неправильно. Ставить бы на коротконогаго есаула, а мы соблазнились могучими бѣлыми бицепсама веселаго сотника...

Ну, ничего, завтра съ утра интересная «записка»: въ шестомъ классѣ письменный по алгебрѣ, а въ третьемъ русская диктовка. Словесникъ и математикъ оба еще до звонка въ классы отправятся чтобъ тетради раздать. Игра будетъ сильная. Кто изъ двухъ раньше въ залѣ появится?

... Дома еще не спать. Мать заказываетъ Агафѣ обѣдъ на завтра, отецъ только что вернулся съ визитовъ, сидитъ въ халатѣ, отрывистыми глотками пьетъ крѣпкій холодный чай и вдумчиво раскладываетъ на столѣ рѣдкія пятерки, засаленныя трешки, порванныя рублевки, кучку серебра — дневной урожай, снятый съ нивы страждущаго человѣчества. При моемъ появленіи онъ, не подымая головы, лѣниво спрашиваетъ:

— Шатаешься все? Въ какомъ кабакѣ былъ?

— Ничего не въ кабакѣ. Просто сидѣли съ товарищемъ, готовились къ завтрашнему письменному...

— Ну, смотри, смотри, какъ бы за эти подготовки ты изъ гимназіи не вылетѣлъ...

Быстро раздѣваюсь, ложусь въ постель, зажигаю свѣчу и начинаю готовить уроки. Исторія? Успѣю прочесть на перемѣнѣ. Двѣ задачи по алгебрѣ? Спишу у Власова. Русскій? Выучить наизусть воспитаніе Онѣгина. Это и учить нечего, съ восьми лѣтъ знаю. Законъ Божій? Батюшка завтра обѣщаль не спрашивать, а продолжать споръ о безсмертіи души... Остается латынь. Облокотясь о

тумбочку, выписываю десятокъ словъ, въ секунду пробѣгаю подстрочникъ и тушу свѣчу...

Мы вышли съ Никогосомъ изъ «Самсуна». На улицѣ тьма и пустота. За полъ квартала отъ насъ мигаетъ одинокій фонарь и Никогосъ говоритъ мнѣ: «Смотри Юра, тамъ какой-то человѣкъ стоитъ»... Мнѣ страшно, я хочу бѣжать, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, мы узнаемъ Дастарханова. Христофоръ Христофоровичъ стоитъ у фонаря, носъ его освѣщенъ во всей красѣ. Не то Дастархановъ пьянъ, не то отъ усталости шатается. Мы почтительно снимаемъ шапки, онъ смотритъ на насъ и говоритъ: «Ходите мальчики посмотрѣть моихъ звѣздочекъ»?... Мы шли, шли. Вышли за городъ, миновали бойни. «Господи — думаю я — вотъ-то дома мнѣ скандалъ устроить, когда я на разсвѣтѣ вернусь»... А Дастархановъ все идетъ и все молчитъ. У маленькаго деревяннаго домишки онъ останавливается, грозно прикладываетъ палецъ къ губамъ и отворяетъ калитку.

... Мы крадемся за Дастархановымъ по винтовой лѣстницѣ. Вотъ такъ штука, домъ одноэтажный, а въ лѣстницѣ тридцать ступеней. Еще одна дверь и мы попадаемъ въ большую комнату, завѣшанную коврами. У камина на креслахъ сидятъ какія то тѣни. Дастархановъ зажигаетъ электрическую люстру и кричитъ: «Гимназистики пришли. Дѣвочки, займитесь»... Съ кресла, что подальше, вскакиваетъ высокая рѣзвая женщина въ пеньюарѣ.

Безъ долгихъ разговоровъ она хватаетъ меня за руку и сажаетъ вмѣстѣ съ собой на одно кресло. Я смущаюсь, она звонко хохочетъ и начинаетъ меня цѣловать. Отъ нея идетъ сладкій, волнующій запахъ. Она притиснула меня лицомъ къ своему голому плечу. И отъ запаха духовъ, отъ запаха женскаго тѣла у меня кружится голова. Я впиваюсь въ это бѣлое покатое плечо и жадно его кусаю, кусаю, кусаю...

Освѣщеніе становится все сильнѣй и сильнѣй, оно рѣжетъ глаза, оно грѣетъ затылокъ... Апрельское солнце снопами прорѣзаетъ ситцевую гардину. Я протираю глаза, сбрасываю одѣяло и вижу искусанную мокрую подушку. Столовая кукушка выкрикиваетъ восемь.

— Эй, кронпринцъ, вставай! кричитъ отецъ, проходя мимо моей двери...

Я мигомъ вспоминаю о предстоящихъ сегодня крупныхъ оборотахъ тотализатора, ополаскиваю лицо, хватаю книгоноску и мчусь въ гимназію. Никогось уже на посту — въ крошечной гардеробной, гдѣ сторожа сохраняютъ швабры, мѣль, чернила, онъ возсѣдаетъ на подоконникѣ и продаетъ билеты. Къ нему не протолпишься. Состязаніе словесника и математика, двухъ испытанныхъ фаворитовъ, взволновало всю гимназію. Не только изъ нашихъ верхнихъ классовъ, но и со второго, и съ перваго этажа явились мазильщики. Дрожащіе первоклассники пожертвовали завтракомъ и пред-

почли полученный на котлету гривенникъ истра-
тить на билетъ нашего тототки. Великовозраст-
ный семиклассникъ Канделаки, про котораго вся
гимназія почтительно шепчетъ, что онъ живетъ
съ кассиршей «Театра-Миніатюръ», купилъ сразу
двадцать билетовъ.

У входа въ гардеробную очередь, курносый над-
зиратель верхняго зала ничего понять не можетъ.

— Чего вы господа хотите отъ Вартапова и
Быстрицкаго? спрашиваетъ онъ толпу.

«Господа» молчатъ. Тогда надзиратель рѣши-
тельно направляется въ гардеробную. «Вѣрные лю-
ди» устраиваютъ у дверей свалку (номеръ разра-
ботанный и подготовленный заранее); пока надзи-
ратель разнимаетъ борцовъ, деньги спрятаны въ
карманъ, билеты въ «Алгебру» Киселева, а гости
изъ нижнихъ двухъ этажей бѣгомъ спасаются по
черной лѣстницѣ. Въ гардеробной взорамъ надзи-
рателя представляется мирная картина. Обняв-
шись и наступая другъ другу на ноги, толпа гимна-
зистовъ повторяетъ уроки — кто долбитъ:
*„Gallia est omnis divisa in partes
tres“*, кто чертитъ на стѣнѣ Пифагоровы шта-
ны, кто со рвеніемъ декламируетъ воспитаніе Онѣ-
гина... Курносый человѣкъ подозрительно огляды-
вается и нюхаетъ воздухъ: нѣтъ, табакомъ не
пахнетъ... Что за притча? «Вы бы господа въ залъ
лучше сидѣли, чѣмъ за швабры прятаться»... Че-
резъ минуту продажа возобновляется—и до звон-

ка мы съ Никогосомъ заработали не то по два, не то по два съ половиной «процентныхъ» отчислений. Никогда еще за обѣ недѣли существованія тотализатора наши дѣла не принимали такого блестящаго оборота. Я даю себѣ слово прекратить ходить въ билліардную и... два съ половиной въ урокъ, въ среднемъ десять рублей за день, триста за мѣсяць, до каникулъ еще два мѣсяца... Уйду въ Швейцарію и пройду ее вдоль и поперекъ, съ мѣшкомъ за плечами, въ сѣрыхъ высокихъ гетрахъ, въ короткихъ полосатыхъ штанахъ, съ огромнымъ альпенштокомъ, точь въ точь какъ на Н... проспектѣ О-ва Интерлакенскихъ дачевладѣльцевъ... У Никогоса глаза подернулись поволокой и губы влажны: я знаю его мечты. Купить жеребца и на погибель всѣмъ реалистамъ и гимназистамъ скакать предъ балкономъ Неллочки Волховитовой.

Дребезжитъ первый звонокъ и, будто потолокъ обрушился, топотъ сотенъ ногъ раздается въ залѣ. Гулъ несмѣтныхъ голосовъ, въ которомъ тонетъ визгливый дискантъ курносаго Ивана Ивановича. Въ нашемъ классѣ, находящемся на самомъ краю аудіенцъ-зала, въ свою очередь начинается волненіе. Парта за партой, кліенты тотализатора выскакиваютъ въ залъ... Предчувствуется нѣчто ужасное. Спѣшимъ и мы съ Никогосомъ. Олимпийскіе боги!

Всѣ шесть классовъ въ залѣ. Галдежъ неслыханный.

— Неправильно, не считается, Петръ Семеновичъ еще до перваго звонка пришелъ. Выигралъ Александръ Михайловичъ... Жульничество, бей Быстрицкаго...

По срединѣ толпы недоумѣвающей словесникъ Александръ Михайловичъ и багровый усачъ, математикъ Петръ Семеновичъ.

Оба возмущены.:

— Что за бунтъ? Что считается, что не считается? Почему всѣ въ залѣ? — оретъ математикъ.

И изъ толпы какой-то предатель злобно визжитъ:

— Спросите Быстрицкаго и Вартапова, они все объяснятъ...

Въ этотъ моментъ, задыхаясь, потерявъ очки, въ развѣвающимся сюртукѣ — влетаетъ директоръ. Сердце у меня останавливается, я слышу уже голосъ Немезиды...

Вся гимназія была «задержана» до сумерокъ. Разслѣдованіе продолжалось шесть часовъ. И когда единогласныя показанія нашихъ передрефившихъ кліентовъ съ полной непрерываемостью установили зловѣщую истину — импровизированный педагогическій совѣтъ постановилъ: «Учениковъ пятаго основнаго класса Никогоса Вартапова и Юрія Быстрицкаго за возмутительное поведеніе и развращеніе товарищей изъ гимназіи исключить, перваго навсегда, втораго во вниманіе къ блестящимъ его успѣхамъ до конца учебнаго года»...

Мать въ продолженіе часа багровѣла пятнами и пыталась плакать, но заботы по хозяйству и новое повышеніе базарныхъ цѣнъ спасли ея душевное равновѣсіе. Отецъ отнесся къ моему изгнанію изъ гимназіи съ полнымъ спокойствіемъ вольнопрактикующаго врача.

— Что-жь, братъ, — вздохнулъ онъ за вечернимъ подсчитываніемъ добычи — дѣло твое собственное. Въ пятнадцать лѣтъ сѣчь поздно. Не хочешь кончать гимназію, предпочитаешь босячить? Только знай одно; на меня не надѣйся. Еще два года покормлю тебя и потомъ самъ изыскивай средства существованія. Нынче голоштанная братія экзами пробавляется, можетъ и ты на революціонномъ поприщѣ преуспѣешь...

Всю весну и все лѣто я наслаждался неслыханной свободой. Не надо рано вставать, не надо просиживать по пяти часовъ на партѣ, не надо въ жару таскать толстенькую книгоноску.. Плохо одно: нѣтъ денегъ на посѣщеніе билліардной. Но и тутъ не растерялся. Пошелъ къ букинисту и продалъ всѣ, сколько было у меня учебниковъ. За учебниками послѣдовалъ энциклопедическій словарь, обрывавшійся въ нашемъ домѣ на словѣ «роза», потому что послѣ пятьдесятъ второго тома отецъ категорически отказался уплачивать ежемѣсячные взносы фирмѣ «Брокгаузъ-Ефронъ». Потомъ наступила очередь «Земли и Человѣчества» въ переплетахъ, тисненыхъ золотомъ. Потомъ - въ

сырую темноту книжной лавчонки нырнули Пушкинъ и Достоевскій, Мопассанъ и Шпильгагенъ, Луи Буссенаръ. Этимъ исчерпались запасы нашей библіотеки, а такъ какъ сотникъ продолжалъ проигрывать есаулу и такъ какъ появились у меня новые чрезвычайные расходы, то послѣ двухъ дней нервной головоломки я вспомнилъ о пустыхъ бутылкахъ, праздно прозябавшихъ въ погребѣ.

Старый знакомецъ, сидѣлецъ монополюшки, согласился принимать каждую пивную бутылку по двѣ копѣйки, каждую винную по три. Въ сумеркахъ бралъ я свою книгоноску, торжественно объявлялъ, что иду готовиться къ осеннимъ экзаменамъ, спускался въ погребъ, набиралъ, сколько могло влѣзть, бутылокъ... и черезъ часъ, съ нѣсколькими двугривенными въ карманѣ, садился на конку и ѣхалъ въ армянскій пригородъ, гдѣ проживалъ Никогосъ Вартаповъ.

Этимъ лѣтомъ началась моя юность. Этимъ лѣтомъ съ Никогосомъ Вартаповымъ мы зачастили на Ваточную улицу, гдѣ горѣли красные фонари, ржали рысаки и изъ открытыхъ оконъ доносились звуки неизбѣжнаго вальса «Надъ волнами».

Въ августѣ началась полоса эксовъ; налетъ на казначейство, налетъ на Взаимный Кредитъ, налетъ на мельницу братьевъ Никаноровыхъ и т. д. По утрамъ богатые горожане получали угрожающія письма и улицы зеленѣли закрытыми ставнями, сквозь которыя иногда можно было увидѣть еще

болѣ зеленя лица. По ночамъ раздавались тревожные свистки. Сторожа, пугаясь звука собственнаго голоса, оторопѣвъ, кричали «слу-шай» и неистово стучали колотушками по заборамъ. Съ окраинъ въ беззвѣздную жаркую ночь рѣзко доносился топоть казачьихъ копытъ. Отецъ возвращался домой злой и блѣдный. Богачи убѣгали изъ города и въ рядахъ его пациентовъ осталась одна шантрапа.

— Д-да — стискивалъ онъ зубы — хорошенькая заваривается каша. Кронпринцу лафа, не видать что-то, чтобъ къ осени возобновились занятія...

Въ концѣ августа, въ одиннадцать часовъ ночи мы съ Никогосомъ отправились въ нашъ постоянный полтиничный домъ. Разошлись по комнатамъ, заказали Калинкинскаго пива. Но пива пить не пришлось. Въ коридорѣ зазвенѣли шпоры, забарабанили во всѣ двери, и началась комедія.

— Вашъ паспортъ, молодой юноша, — пробасилъ усатый приставъ. Я сконфуженно направляюсь къ креслу и достаю изъ кармана тужурки гимназическій билетъ.

— Такъ-съ, такъ-съ, очень замѣчательно. Питомецъ классической гимназіи, сынъ врача и все пр. въ подобающемъ мѣстѣ. Городовой, проводи юношу Быстрицкаго домой и попроси родителей поутру явиться за его билетомъ во вторую часть... За одно протелефонируй и директору классической гимназіи»

Съ помощью городского я натягиваю куртку, забираю злочастную книгоноску и въ сопровождае- нии звона шпоръ выползаю въ коридоръ. При вы- ходѣ, на деревянной площадкѣ, подь самымъ крас- нымъ фонаремъ, стоитъ Никогось. Городовой дер- житъ его за рукавъ, но мой славный компаньонъ невозмутимъ.

Онъ успѣваетъ похлопать меня по плечу и кри- чить мнѣ вслѣдъ.

— Э, слушай, не робѣй. Приѣзжай завтра на ссыпку. Будутъ двѣ дѣвочки, выпьемъ, пахова- римъ . . .

Мы идемъ по немощеной улицѣ. Городовой, придерживая шашку, лихо перепрыгиваетъ лужи, а мнѣ все равно. Я шагаю, не глядя, не думая о грязи. Послѣдніе остатки мужества покинули меня. Я чувствую, что предстоитъ катастрофа, что ея не избѣжать, какъ не избѣжать той новой страш- ной жизни, которая начнется для меня раньше, чѣмъ солнце выльзетъ изъ оврага и высушитъ улицу нищенскаго разврата. Прощай Никогось! Прощай нерадостное дѣтство!

Городовой бубнить у меня надъ ухомъ. О томъ, что нынче служба тяжка стала. Объ эксакъ не- устрашимыхъ, распоровшихъ наемни брюхо стар- шему помошнику. О, томъ, что видать — анти- христъ идетъ. И еще о многомъ. А я все проща- юсь, прощаюсь съ каждымъ стародавнимъ знако-

мымъ. Площадка предъ Новымъ Соборомъ. Сюда я ходилъ съ покойной Феклой и она мнѣ кричала:

— Юрчикъ, не залѣзай, дорогой, на клумбы. Сто-рожь сердчатъ будетъ... Паперть собора. Здѣсь, бывало, по утрамъ продавали изумительные бублики съ макомъ, медовыя коврижки, кислосладкій пеклеванный хлѣбъ. Коммерческій клубъ. Здѣсь, въ полдень, въ часы репетицій оркестра, забирались мы гурьбой подъ парусиновый навѣсъ и передразнивали свирѣпаго флейтиста. Вотъ наконецъ и базаръ. Прощай, прощай, единственная отграда и дѣтства и отрочества. Кстати, Саши давно уже не видно. Не померъ ли отъ холеры, черезчуръ ужъ обжирался зелеными огурцами. Еще полсотни шаговъ и я дома. Въ горлѣ у меня слезы. Я кусаю губы, сжимаю кулаки и неожиданная, свирѣпая, неукротимая злоба горячей струей приливаетъ къ сердцу, стучить въ вискахъ, шепчетъ:

— Мсти за все!

Кому мстить? За что мстить? Имъ, имъ, отцу за презрительность, матери за глупость...

И ночныя предчувствія не обманули. Былъ скандалъ съ отцомъ и матерью, скандалъ планетарныхъ размѣровъ, съ боемъ посуды, съ истерикой, угрозами, поднятіемъ кулаковъ. Былъ скандалъ въ гимназіи. Этотъ полегче, въ два счета собрался педагогическій совѣтъ и гимназистъ Юрій Быстрицкій больше не значился въ спискахъ классической гимназіи...

Короткая августовская ночь, уже ясны контуры дворовыхъ строеній, уже Булька вылѣзла изъ конуры и лаесть, не открывая глазъ. Уже Тимофѣй что-то скребетъ и кого-то монотонно бранить. Я сижу на кровати, въ курткѣ, въ шапкѣ, оцѣпенѣлый, злой, растерянный. Книгоноска липнетъ во вспотѣвшей рукѣ, но нѣтъ силъ бросить ее на столъ. Все равно, все равно, тѣмъ хуже для нихъ. Жизнь окончилась. Отравлюсь карболовой кислотой, понесутъ меня на кладбище. Гимназическій батюшка, вздохнувъ, облачится въ торжественную мантию и станетъ вспоминать наши споры о безсмертіи души. Никогось Вартаповъ подѣдетъ на рысачкѣ и возложитъ вѣнокъ изъ пахучихъ туберозъ. Кухарка Агафья придетъ пьяная къ матери и скажетъ:

«Замучили вы, барыня, паныче»...

Паціенты отцовскіе исполнятся презрѣніемъ къ учителю и позовутъ другого врача. Въ городѣ поползутъ слухи, зашепчутся, закудахчутъ, пальцами укажутъ на нашъ домъ... О, они почувствуютъ, они на долго запомнятъ!..

Столовая кукушка выкрикиваетъ семь. Отецъ, шаркая туфлями, идетъ по коридору...

Ну, а потомъ? Что будетъ черезъ два-три мѣсяца послѣ моей смерти? Кто меня вспомнитъ и кто забудетъ? Очень обидно, что жизнь будетъ такая же, какая была и при мнѣ. Въ «Самсунѣ» щелка-

ютъ кіями, мажутъ на сотника и есаула, Христофоръ Христофоровичъ вмѣсто соломенной шляпы одѣлъ котелокъ, базаръ заваленъ капустой и башмачою... Да, обидно. Нѣтъ, къ черту карболовую кислоту. Надо жить, чтобы мстить своимъ врагамъ. Вотъ такъ, какъ слѣлалъ Монте-Кристо пріѣхалъ во Францію и со всѣми расправился. Отецъ хочетъ меня отправить въ Новороссійскіе въ тамошнюю гимназію? Отлично, я поступлю на американскій пароходъ, уѣду въ Аргентину или въ Австралію, заработаю много денегъ, измѣню наружность, вернусь въ нашъ городъ и поселюсь въ Большой Московской Гостиницѣ... Неужели это сынъ доктора Быстрицкаго? Ахъ, какой богачъ, вотъ счастливый. Отецъ придетъ мириться:

— Юрій, прости и помоги!

Я отвѣчу:

— Помочь пожалуйста, но простить не могу. Возьми этотъ бумажникъ; въ немъ сто тысячъ рублей, но уходи. Я не могу тебя видѣть...

Онъ робко возьметъ бумажникъ и скажетъ:

— А матерью ты тоже не интересуешься?

— Нисколько, иди, иди!..

Поѣздъ 2 К мчится изъ Москвы. Поѣздъ 2 К за тридцать шесть часовъ перевозитъ своихъ пассажировъ — толстеннаго купца, субтильную кокетку, очкатаго чиновника, браваго гвардейца — изъ сердца Россіи въ житницу Россіи. Отъ рас-

плавленныхъ московскихъ асфальтовъ — въ цвѣтушую русскую Ривьеру. Въ нашемъ городишкѣ 2 К останавливается лишь на мигъ. Не успѣли еще втиснуть меня въ вагонъ, не успѣлъ Тимофей въ окно швырнуть мой драный чемоданъ, какъ багровый оберъ засуетился, прогоняя провожающихъ. Засвистѣли, загудѣли... Мы уже ѣдемъ. Мимо красной шапки дежурнаго, мимо одеревянѣвшаго лица отца и слезливыхъ глазъ матери.

Здравствуй, новая жизнь, гимназистъ Быстрицкій мѣняетъ мѣсто жительства, отправляется въ Новороссійскъ—жить у своего двоюроднаго дяди, крупнаго хлѣбнаго экспортера, учиться въ Новороссійской гимназіи, послѣднемъ прибѣжищѣ изгнанныхъ гимназистовъ, реалистовъ, коммерсантовъ.

О, милая Владикавказская дорога! Сколько земель исколесилъ я за послѣдніе годы. Сколько разныхъ морей лазурными полосками отражалось въ зеркальныхъ окнахъ моего вагона. Но, ты моя первая любовь, мое вѣрное спасеніе отъ хандры, отчаянія, мыслей самоубійственныхъ. Батайскъ, Кущевка, Тихорѣцкая. Степь купается въ закатномъ кубанскомъ солнцѣ. На стогахъ свѣже-скошеннаго сѣна рѣзвятся огромныя овчарки. Босоногіе казачата хоромъ, по командѣ завывають: «газетъ, газетъ, газетъ», степенные ихъ отцы чешутъ бритые затылки и пристальнымъ обожжен-

нымъ взглядомъ провожаютъ вихрь синихъ вагоновъ. Сонные телеграфисты въ цвѣтныхъ косовороткахъ сгорбились надъ аппаратомъ Морзе и безостановочно, безстрастно выстукиваютъ пѣснь русской судьбы. На станціи давка мохнатыхъ бурокъ, тщетно пытающихся проникнуть въ привилегированный поѣздъ.

— Куда прешь?! Не видишь, плацкартный...

И 2 К уже гремитъ подъ черноморскимъ туннелемъ, наполняя сердца радостнымъ предчувствіемъ близкаго моря. Еще верста, еще поворотъ, выйдешь на площадку, отдышишься отъ вагоннаго смрада — слѣва за кручей заласкаетъ взоръ спокойная громада Чернаго моря. Нѣтъ силъ у огненного шара разомъ нырнуть и карминомъ окрасить фіолетовыя волны. На всѣхъ парахъ уходитъ сѣрый профиль миноносца, вырастаютъ очертанія Новороссійскаго элеватора, возникаетъ загроможденный портъ, зеленѣютъ купы вокзальной рощи... Въ стеклянномъ павильонѣ межъ чемодановъ, дѣтей, ручной клади возсѣдаютъ моряки въ бѣлоснѣжныхъ кителяхъ, и жиръ котлетъ растворяется въ обильныхъ фужерахъ густо-краснаго джанхотскаго лафита...

Такимъ увидѣлъ я тебя въ первый разъ, мирный городъ Новороссійскъ. О такомъ я мечталъ въ другіе годы на расплавленномъ Сѣверѣ. Такимъ не суждено мнѣ сохранить въ памяти городъ стозѣв-

ной подлости, кладбище русскихъ репутацій, гибнущій Новороссійскъ девятьсотъ двадцатаго.

И какъ мы надъ трупомъ ребенка рыдаемъ,
Какъ мукѣ сказать не умѣемъ — усни!
Такъ въ скорбную мы красоту превращаемъ
Минувшіе дни...

V

Первый нордъ-остъ

Славный человекъ — Новороссійскій дядя. Отъ зари до зари возится на берегу, въ конторѣ, въ таможнѣ, въ банкахъ. Коротконогій, лысый, отъ живота къ груди шире, чѣмъ отъ плеча къ плечу, съ лицомъ и голосомъ скопца — катится онъ какимъ-то неугомоннымъ шаромъ.

— Петръ, на Серебряковскую въ банкъ!

Петръ погоняетъ каурую кобылу, хлещетъ ее кнутомъ, цокаетъ языкомъ, а дядѣ все мало.

— Губишь ты меня, Петръ, чтобы тебѣ не увидѣть родителей. Въ банкъ опоздаю, по міру пойду...

— Николай Степановичъ, шибче никакъ невозможно. Что-жъ, ей кобылѣ гвоздь въ за... загнать, евоная сила не автомобильная.

— Я тебѣ самому въ за... гвоздь загоню, тогда поѣдешь...

И дядя не выдерживаетъ, вскакиваетъ на подножку, держится за ремень и черезъ плечо Петра парусиновымъ зонтикомъ лупаситъ многострадальную кобылу.

Въ банкѣ ореть на бухгалтера:

— Разскажете мамашѣ вашей, а мнѣ чтобъ такихъ учетовъ не было.

На берегу распатронить грековъ-продавцовъ зерна:

— Пиндосы окаянные, опять въ мѣшки г... понапхали, охъ ужъ доберусь я до вашихъ слабыхъ частей. Возьму я васъ за... — какъ это называется...

Солнце жжетъ, элеваторъ гудитъ, англійскіе матросы далеко, далеко къ самому концу мола заплыли и кричатъ своимъ товаришамъ: „come an, come an“, на бережку раскинулись заплывшими боками мѣстныя дамы.

Не очень фигуристы новороссійскія дамы. У той, что и послѣ седьмыхъ родовъ «Мусей» называютъ, задъ какъ у воронежскаго битюга, а Тата — юная дамочка — когда въ воду съ мостика кидается, лодки шарахаются и черпаютъ бортомъ. Однѣхъ грудей пуда полтора.

Охъ, и размариваетъ на берегу. Дядя лѣзетъ въ карманъ, вытаскиваетъ засморканный гигантскій платокъ, вытираетъ лобъ и струями изъ платка потъ выжимаетъ. Отъ грековъ, отъ банка, отъ каурой кобылы, отъ созерцанія Мусинаго за да и Татиныхъ грудей, пуще всего отъ тарактѣнья элеваторнаго тянетъ не то на крошку, не то на чай съ лимономъ. Снова въ четыре руки

хлещутъ они съ Петромъ каурюю кобылу. Съ гротомомъ растворяется наша парадная дверь и черезъ всѣ комнаты дискантомъ пронзительнымъ визжитъ дядя:

— Жоржетка, быть или не быть, окрошка въ столовой или чай съ лимономъ въ саду...

Съ дядей я быстро подружился. Дядю я начинаю по настоящему любить. Суетливый, ругатель, богохульникъ, но душу мою сразу раскусилъ. Въ первую же минуту на вокзалѣ Новороссійскомъ шепнулъ мнѣ на ухо:

— Не грусти, парнишка, на то и ба..., чтобъ изъ-за нихъ гимназистовъ изъ гимназіи вышибали...

Правда, сейчасъ-же сдѣлалъ страшное лицо, выкатилъ глаза, поднялъ кулаки и завопилъ:

— Только уговоръ, меня слушаться, какъ Саваоа. Я и Кузькину мать въ случаѣ чего заморить могу.

Въ гимназіи, по случаю забастовокъ и тревожнаго времени, занятія не налаживаются. Пока что я присматриваюсь къ городу, знакомлюсь съ будущими товарищами, захоживаю въ дядину контору, гдѣ отъ матерной брани топоръ въ воздухѣ виситъ...

Живемъ мы на бульварѣ, въ просторномъ двухъ-этажномъ особнякѣ съ садомъ, съ огородомъ, со стоячимъ прудомъ. Окна зала выходятъ на море,

и когда по вечерамъ зацвѣтаетъ бухта освѣщенными мачтами, когда по бульвару съ гиканьемъ, свистомъ, пѣснями повалить международная матросня, начинается и у насъ веселье. Ровно въ девять часовъ появляется первый посѣтитель, Дмитрій Ивановичъ Констанаки, родомъ изъ Аѳинъ, но о Греціи и слышать не хочетъ.

— Я человекъ русскій, зарабатываю русскія деньги, живемъ съ русскими дѣвочками.

Констанаки ровесникъ дяди, тоже перевалилъ за пятьдесятъ, однако на видъ ему и сорока не дашь. Усы и шевелюру красить до черноты вороньяго крыла, ослѣпительное шелковое бѣлье, яркіе галстуки, желтые ботинки, свѣтло-сѣрый костюмъ, трость чернаго дерева со слоновымъ набалдашникомъ, благоуханье крѣпчайшихъ духовъ. Чтобъ вытравить запахъ амбара, мѣшковъ, дегтя, онъ по цѣлому флакону выливаетъ на пиджакъ; постоишь съ нимъ рядомъ и съ непривычки голова какъ отъ туберозѣ закружится. Въ дѣлѣ Констанаки — звѣрь. Мужиковъ обвѣшиваетъ, по векселямъ не платитъ, не разъ уже перевертывалъ шубу и по міру пускалъ компаньоновъ... Внѣ дѣла Констанаки — джентльмень англійской складки. Стоя на верандѣ коммерческаго собранія, на зависть врагамъ и къ унынію кредиторовъ, десятирублевой зажигаетъ длиннѣйшую „соропа сорона“ въ тифозной комнатѣ, гдѣ почетные члены клуба рѣжутся въ желѣзку, Констанаки

играетъ только „banco“ и при томъ „tout seul“, на женщинъ — а у него каждую ночь новыя женщины — ничего не жалѣеть. Груши-дюшесъ въ декабрьскій нордъ-остъ? Заказывай... Шампанское 1895 года, Редереръ? Жарь. На счастье четвертной? Получай сотню... Когда Констанаки начинаетъ дядѣ о своихъ похожденияхъ рассказывать, дядя хватается за голову:

— Опять, говоришь, вчера тысячу пропустилъ?

— Не ты, братъ, пропустилъ, а я. Мнѣ завтра у тебя мѣшки покупать надо... Вѣдь, на меня сукинъ сынъ свои пити-мити переложилъ!..

Дмитрій Ивановичъ обнажаетъ золотые зубы и радостно крутитъ усы.

Часовъ до десяти мы сидимъ на верандѣ за чайнымъ столомъ. Разговоръ больше о дѣлахъ, а если не о дѣлахъ, то въ тонахъ приличныхъ. Въ одиннадцатомъ часу слышится стукъ садовой калитки, дядя стремительно кидается къ зеркалу и, поправляя пунцовый галстукъ, полный какихъ-то радужныхъ мыслей, бросаетъ въ мою сторону.

— Ну, Жоржетка. Теперь смойся, братъ, въ свою комнатку. Этотъ виноградъ тебѣ еще не по зубамъ...

— Дядя, я только полчаса?

— Ни полминуты.

Но на верандѣ уже зашуршали юбки, дядя забылъ о моемъ существованіи и я остаюсь на своемъ мѣстѣ...

Обычно ихъ трое: Мурочка изъ Палэ-Кристалъ, Жоли-Мари изъ «Кафе-де-Пари», что на Серебряковской, и Амалія Ансовна Штатгальтеръ, артистка и премьерша мѣстнаго зимняго театра. Мурочка — толстенькая, кругленькая болтушка съ мелкими-мелкими зубками. Констанаки обращается съ ней покровительственно. Не успѣетъ она войти, Дмитрій Ивановичъ уже подхватилъ ее, посадилъ на свои колѣна, расцѣловаль и умильно просить:

— Ну, дѣвоцка, покажи-ка ты «смотрите тамъ, смотрите здѣсь»...

Мурочка пытается сдѣлать удивленное лицо, прыгиваетъ съ колѣнъ Дмитрія Ивановича и подбѣгаетъ къ столу.

— Николай Степановичъ, опять горячій куличъ?! Я его въ ротъ взять не могу...

Дмитрій Ивановичъ снова сажаетъ ее на колѣни и треплетъ ея пышную прическу:

— Ты же вообще ничего мягкаго въ ротъ не берешь.

На этомъ мѣстѣ вся компанія раздражается хохотомъ. Я понимаю только приблизительно смыслъ словъ Дмитрія Ивановича, но чтобъ не отставать и не показаться мальчишкой, тоже смѣюсь. Въ особенный восторгъ приходитъ дядя. Онъ давится чаемъ, шея у него багровѣетъ:

— Ай да грекъ, ужъ онъ скажетъ, хоть бы при племянникѣ постѣснялся... Жоржетка, сигналъ поданъ, густякъ пошелъ, немедленно спать:

Тутъ вступается Анна Ансовна. Она треплетъ меня по щекѣ — ея большой бѣлой, тонкой рукой и просить дядю:

— Николай Степановичъ, ради меня пусть Юрочка посидитъ, а вы Констанаки не смѣйте говорить гадости...

Дядя безпомощно разводитъ руками:

— Ну, разъ у него такая августѣйшая покровительница, ничего не попишешь. Юрій, цѣлуй руку и благодари...

Я чувствую, какъ густая краска бросается мнѣ въ лицо; не подымая глазъ, я подхожу къ Аннѣ Ансовнѣ и прижимаюсь сухими треснувшими губами къ рукѣ, пахнувшей безконечно запоминающимися, безконечно одуряющими духами...

Въ Анну Ансовну я влюбился съ перваго взгляда. Она мнѣ снится почти каждую ночь и уже съ утра я нетерпѣливо жду того часа, когда она придетъ къ намъ пить чай. Дядя и Дмитрій Ивановичъ увѣряють, что Жоли-Мари много интереснѣе Анны Ансовны, но у меня свои соображенія. Жоли-Мари — жгучая брюнетка, худющая, маленькая, со злыми глазами. А Анна Ансовна... Когда я на нее смотрю, я вспоминаю картинку, приложенную къ нашему гимназическому изданію Овидіевскихъ

метаморфозъ — Діана-Охотница... Ни у одной женщины въ Новороссійскѣ нѣтъ такихъ стройныхъ сильныхъ ногъ, такой волнующей походки, такихъ изумительныхъ волосъ цвѣта поспѣвающей соломѣ, отъ которыхъ кожа на плечахъ и на шеѣ кажется еще бѣлѣй, еще нѣжнѣй. Анна Ансовна такая высокая, что когда она идетъ со мной по улицѣ, я чувствую себя почти карапузомъ, хотя для своихъ пятнадцати лѣтъ я достаточно вытянутая жердь. Объ Аннѣ Ансовнѣ въ городѣ рассказываютъ множество гадостей, будто ея спеціальность — развращать подростковъ, будто изъ Одессы она была вынуждена уѣхать по требованію городского головы, сына котораго она якобы довела до нервнаго разстройства. Дмитрій Ивановичъ, знающій все и о всѣхъ, объ Аннѣ Ансовнѣ отзывается внушительно.

— Это женщина серьезная, кажется, голыми руками ее возьмешь, а начни дарить, банкротомъ станешь...

Ко мнѣ Анна Ансовна замѣтно благоволитъ. Гуляю однажды днемъ въ городскомъ скверѣ съ прыщавенькой гимназисткой, вдругъ слышу знакомый голосъ меня зоветъ: «Юрочка, Юрочка»... Оборачиваюсь и вижу бѣлый съ разводами шелковый зонтикъ, сквозь который просвѣчиваетъ золото единственныхъ волосъ.

— Юрочка, — говоритъ Анна Ансовна — во первыхъ, не гуляйте съ маленькими дѣвочками;

отъ нихъ чернилами пахнетъ и у нихъ панталончики падаютъ, а во вторыхъ, отойдемъ въ сторону и помогите мнѣ изъ-за пазухи крестъ извлечь. У меня цѣпочка разорвалась, словомъ цѣлое несчастье...

Мы пошли на заднюю аллею. Анна Ансовна сѣла на скамейку и смѣется, а я робко шарю у нея подъ кофточкой, ищу крестъ, но руки дрожатъ и натываются на упругую, небольшую, почти дѣвичью грудь.

— Смѣлѣй, смѣлѣй Юрочка!

Пока я крестъ ищу, обхватила меня рукой и сжала межъ своихъ колѣнъ... Потомъ вдругъ перестала смѣяться, нахмурилась, точно кого-то замѣтила:

— Ну, довольно Юрочка! неровень часъ, въ обморокъ упадете. Маршъ домой учиться и чтобъ я васъ больше съ гимназистками не встрѣчала. Я вамъ въ матери гожусь, могу и уши нарвать...

Я, какъ ошпаренный, метнулся, а она вслѣдъ снова смѣется и кричитъ — Быстрѣй, быстрѣй. Смотрите, догоню, ноги у меня длинныя...

Мукъ моей нѣтъ конца. При видѣ Анны Ансовны въ сердцѣ моемъ и восторгъ и жестокость. Всеми міру отрубить головы, остаться съ ней одинъ на одинъ, посадить ее на тронъ, рабомъ подползти къ ея ногамъ и цѣловать то мѣсто, что

надъ чулкомъ бѣлѣетъ, когда она въ дождь переходя улицу, поднимаетъ юбку...

Вечернія чаепитія въ дядиномъ особнякѣ затягиваются далеко за полночь. Мурочка сонная щуритъ зеленые глазки и капризнымъ тономъ за что-то упрекаетъ вошедшаго въ азартъ Дмитрія Ивановича. Дядя съ разрѣшенія дамъ облачается въ халатъ и, шлепая туфлями, уводитъ Жоли-Мари вглубь веранды къ турецкому дивану. Анна Ансовна откидывается въ креслѣ, долго смотритъ на утихающій бульваръ, на прожекторами прорѣзанную бухту, на холодное беззвѣздное осеннее небо. Потомъ она встаетъ, подходитъ къ периламъ веранды, нюхаетъ послѣднимъ цвѣтениемъ благоухающій кустъ и обмахивается своимъ вѣеромъ изъ черныхъ перьевъ, хотя и безъ того не жарко и съ моря подуваетъ прохладный бризъ. Вспоминаетъ она и обо мнѣ.

— Юрочка, поди сюда...

Я подхожу ни живъ ни мертвъ. Жалѣю уже, что спать не пошелъ.

— Ну, что мальчикъ? Скучаешь безъ папы и мамы. Некому твою кроватку перекрестить.

Сильной пахучей рукой она хватаетъ меня за шею, привлекаетъ къ себѣ и съ тихимъ смѣшкомъ пребольно кусаетъ мое ухо. Я невольно вскрикиваю.

— Что вы съ племянникомъ дѣлаете, развратительница юношества?

Какимъ-то вялымъ голосомъ изъ глубины террасы отзывается дядя.

— Ничего, ничего, Николай Степановичъ, — спокойно говоритъ Анна Ансовна — я его уму-разуму учу. Безъ родителей онъ у васъ распустился. Я его съчь скоро начну.

Мнѣ хочется упасть на колѣни, поцѣловать край ея бѣлаго платья и попросить, чтобы она сдѣлала со мной, все, что хочетъ, лишь бы позволила приходить къ ней, сидѣть рядомъ съ ней, смотрѣть въ ея насмѣшливые недобрымъ огонькомъ вспыхивающіе сѣро-голубые глаза. Неожиданно я набираюсь смѣлости и однимъ пальцемъ начинаю водить по рукѣ, лежащей на парапетѣ.

— Тебѣ нравится, Юрчикъ, моя рука? спрашиваетъ Анна Ансовна: Ну, чтожъ ты ее не поцѣлуешь? Смѣлѣй, смѣлѣй, ты уже въ какомъ классѣ?

Не смѣя взять ея руку въ свои руки, я нагибаюсь къ парапету, почти становлюсь на колѣни и начинаю цѣловать палецъ за пальцемъ. Она благосклонно разрѣшаетъ, взъерошиваетъ другой рукой мою прическу и продолжаетъ смотрѣть куда-то далеко-далеко.

Смѣлость моя возрастаетъ.

— Анна Ансовна, о чемъ вы мечтаете?..

— О томъ, чего ты не поймешь. Ты не обижаешься, что я тебѣ говорю ты, а не вы?

— Что вы, что вы...

— Ты мнѣ тоже нравишься, Юрочка. Когда скучно тебѣ будетъ, приходи какъ нибуду въ гости. Дачу мою знаешь?

Не помню, сколько еще времени разговаривалъ я такимъ образомъ съ Анной Ансовной. Помню, что Дмитрій Ивановичъ вдругъ встрепенулся и закричалъ:

— Дѣвоцки, дѣвоцки, пора, пора у меня завтра съ утра бѣготня.

Дядя, шлепая, подошелъ ко мнѣ, отозвалъ въ сторону и сказалъ:

— Жоржетка, прощайся и спать. У меня кой-какой разговоръ еще есть. Жарь прямо къ себѣ наверхъ и чти дядю за довѣріе.

Я понялъ дядю, попрощался и поплелся по лѣстницѣ, полу-пьяный отъ радостныхъ волнующихъ мыслей. «Дядя хорошій, настоящій человѣкъ», думалъ я, ворочаясь въ постели; потомъ, зарывшись въ подушку, съ головой накрывшись простыней, вспомнилъ Анну Ансовну. Мнѣ показалось, что здѣсь, на моей постели, рядомъ со мной лежитъ ея длинная тонкая рука, что одно за другимъ я снимаю ея широкія причудливыя кольца, а она снова смѣется своимъ тихимъ раздражающимъ смѣшкомъ, отъ котораго хочется плакать неутѣшнымъ плачемъ, разорвать зубами подушку, босыми ногами вскочить на полъ и топать, топать до тѣхъ поръ, пока солнце заглянетъ въ нашъ садъ и приблизитъ желанный день... Она

пригласила меня къ себѣ. Я буду наединѣ съ Діаной-Охотницей. Ахъ, отчего я не родился хоть бы на пять лѣтъ раньше. Былъ бы теперь студентомъ, не зависѣлъ бы отъ гимназіи, отъ внѣшкольнаго надзора, отъ придирчивыхъ отцовскихъ писемъ... Если бы Николай Степановичъ Быстрицкій поднялся въ эту ночь по лѣстницѣ и заглянулъ въ комнату племянника, онъ бы услышалъ истерическія рыданія... Онъ бы увидѣлъ вмѣсто Юрія Быстрицкаго скорчившійся стонущій комокъ, слившійся съ искусанной, слезами залитой подушкой. Но Николай Степановичъ, какъ старый холостякъ, имѣлъ свои мечтательныя заботы... И еще долго сквозь открытое окно моей комнаты долетали заглушенные голоса, поцѣлуй, женское пѣніе и звонъ бокаловъ... А на морѣ ревѣла тревожная сирена, предвѣщая, что погода мѣняется, что туманы уже сгущаются и грозятъ украсть у города Новороссійска восходящее сентябрьское солнце...

...Дядя Николай Степановичъ долго стоитъ въ это утро передъ большимъ трюмо и тщательно разглядываетъ гусяныя лапки подъ глазами. Я подхожу и почтительно цѣлую ему руку. Милый, милый человѣкъ! Даже гусяныя его лапки, и у тѣхъ какой-то ласковый уютный видъ.

— Юрій — говоритъ онъ, завязывая сиреневый бантикъ — вредно тебѣ въ такомъ возрастѣ у холостяка жить. Хорошему не научишься. При-

ѣхаль когда, были у тебя синяки подь глазами съ пятакъ, а стали нынче съ кулакъ. Не знаю ужъ что тебѣ и сказать. Курить не куришь, поведенія тихаго, но не нравится мнѣ тихость твоя. Ужъ лучше бы стекла камнями побиваль, чѣмъ забиваться въ юбки Анны Ансовны. Запомни на всю жизнь слова мои. Когда помру, скажешь, не враль мнѣ старый павіанъ.. Бойся бѣлокурыхъ и ледяныхъ, особливо изъ Прибалтійскаго края. Запахъ отъ нихъ хорошій, а сердце твое гниеть. Потроши гимназистокъ, цѣлуйся подь кустами, ѣзди на пикники, но до срока не накидывайся на артистокъ. Люблю я тебя, но что отцу скажу? Былъ сынъ, а остались синяки.

Дядя любовно припудриваетъ потный подбородокъ, ногтемъ большого пальца озабоченно касается шелушащагося лба и внезапно благимъ матомъ реветъ въ окно:

— Петръ, мучитель мой, гдѣ же ты, сукинъ сынъ, пропадаешь? опять напился. Тебѣ бабье, мнѣ убытки. Выгоню, Богъ святъ, выгоню.

И снова тишина въ домѣ. Забираюсь съ ногами въ огромное дядино кресло, кусочками ломаю плитку эйнемовскаго шоколада и изрѣдка переворачиваю страницу лежащей предо мной книги. Что я читаю и о чемъ идетъ рѣчь? Сказать по правдѣ, не знаю, не понимаю. Мысли мои за тридевять земель отъ книги въ бѣлой глянцевої обложкѣ. Хорошо, что я въ Новороссійскѣ, хорошо,

что цѣлая ночь переѣзда отдѣляетъ меня отъ родителей. Можетъ быть нехорошо, что я родителей не люблю. Въ дѣтствѣ за нихъ еженочно молился, а теперь бросилъ. Хорошо это или нехорошо? Вѣроятно хорошо; дядя намедни при мнѣ Дмитрію Ивановичу говорилъ: — Не люблю притворъ. Приходить въ контору и начинается канючить — какъ же я, Николай Степановичъ, могу противъ матери пойти?

А я ему въ отвѣтъ:

— Плюнь ты на мать, по рожѣ вижу, что мать для тебя тринь-трава. Попы тебя заѣли. Ну, родила тебя мать, ну щипцами въ нее лазили. — Такъ это все было и мохомъ поросло.

Да, да, мохомъ поросло.

Хотѣлось бы никогда родителей больше не видѣть. Когда имъ время помирать придетъ, уѣду куда нибудь подальше, чтобы не смогли телеграммой вызвать и не пришлось бы на похоронахъ страдать. — Какъ хорошо это вышло, что меня изъ гимназіи выперли...

На морѣ туманъ, сирены надрываются, дождь барабанить по стекламъ. — Пледъ дядинъ теплый, претеплый шотландскій. Въ гостиной тепло. Если холодно станетъ, пойду въ столовую, ключи у меня, открою шкафъ, выпью рюмочку того самага съ надписью V. S. O. P., про который Жоли-Мари говоритъ «Вы свое опять». Отъ коньяка перхотня въ горлѣ и ротъ обжигаетъ, но зато

храбрость вырастаетъ. Посижу, посижу, да и зайду къ Аннѣ Ансовнѣ, благо она чуть не черезъ дорогу живетъ.

.
Два мѣсяца завываль нордъ-остъ. Два мѣсяца съ корнемъ вырывало чахлыя деревья на бульварѣ, и листья перегнившіе шелестѣли подѣ окнами, метались по мостовымъ, попадались подѣ ноги и мокли въ ноябрьской слякоти. Уже и въ театрѣ заиграли, и «Нора» съ Анной Аисовной въ заглавной роли въ восьмой разъ идетъ, и дядя по утрамъ облачается въ теплѣйшую скунсовую шубу, а мои дѣла не клеются — ни любовныя, ни учебныя.

Въ гимназіи одинъ день занятій, недѣля забастовокъ. Весело бастовать, не кланяться директору, галдѣть въ прихожей, подражая рабочимъ митингамъ, выбирать делегацію для представленія требованій педагогическому совѣту. Очень весело. На дняхъ Василій Коршуновъ, нашъ же шестиклассникъ, въ манджурской папахѣ явился въ женскую прогимназію, вызваль начальницу, угрозилъ ей кулакомъ и добился освобожденія ученицъ отъ обязательнаго посѣщенія закона Божьяго, пѣнія и танцевъ. Я бы отъ Василія Коршунова не отсталъ, но связываетъ меня данное дядѣ честное слово не вмѣшиваться ни въ какую чортову политику и не огорчать осиротѣвшую мать. Осиротѣвшей именуется мать потому, что въ

прошломъ мѣсяцѣ отца мобилизовали и отправили въ Харбинъ старшимъ дивизионнымъ врачомъ.

Времени свободнаго тѣма. По утрамъ читаю, у меня снова книжный запой, и въ кабинетѣ на столѣ ворохи книгъ, брошюръ, листовокъ. Здѣсь и Гергардтъ Гауптманъ, и Эрфуртская программа, и «Бога нѣтъ, царь дуракъ», и Викторъ Гюго, «Леонардо» Мережковского, и «Антихристъ» Ницше, стихи Бальмонта, котораго нашъ учитель словесности называетъ мошенникомъ, и сборникъ Плехановскихъ статей, за распространеніе котораго одного реалиста четвертаго класса выслали въ административномъ порядкѣ... Пробовалъ я устраивать сходки и у насъ на дому. Дядя согласился при условіи не засиживаться послѣ двѣнадцати и не спорить, а книжки читать. Условіе соблюдено не было. Явился Василій Коршуновъ. Съ дядей не поздоровался, ногъ въ передней не вытеръ, а наслѣдилъ на розовомъ шелковомъ коврѣ. Сѣлъ на подоконникъ, потребовалъ чаю, только очень крѣпкаго и очень горячаго. Гимназисточка одна прочла рефератъ объ этикѣ Спинозы. Когда перешли къ преніямъ, Коршуновъ еще разъ потребовалъ чаю и предложилъ вмѣсто того, чтобъ ерундой заниматься, открытымъ голосованіемъ выяснитъ вопросъ о существованіи Бога.

— Вотъ реалисты-молодцы, у нихъ на прошлой недѣлѣ собраніе было, такъ даже сынъ ихняго папа противъ Бога голосовалъ.

Разошлись мои гости поздно, не то въ два, не то въ три. На утро дядя осмотрѣлъ поврежденія и дальнѣйшія собранія категорически запретилъ. Епрочемъ, я и не пытался настаивать. Всѣ мои помышленія были попрежнему поглощены визитами къ Аннѣ Ансовнѣ. Потому что съ разгаромъ театральнаго сезона мнѣ становилось все труднѣе заставать ее дома. То репетиція, то утренникъ, то портнихи, то магазины. Если жъ она и бывала дома, то всегда въ окруженіи многочисленныхъ поклонниковъ. Громадный жандармскій полковникъ Цейхатовъ; компаньонъ Дмитрія Ивановича, ветхій грекъ Виртіади; полдюжины офицеровъ гарнизона; владѣлецъ паровой норвежской колбасной фабрики Вацельсъ, землякъ и сородичъ Анны Ансовны и др. Все это общество относилось ко мнѣ съ полнымъ презрѣніемъ и замѣчало меня только тогда, когда Анна Ансовна, наскучивъ забавлять своихъ гостей, вспоминала обо мнѣ и говорила:

— Ну, Юрочка, садись ко мнѣ на колѣни и можешь цѣловать мою руку сколько хочешь.

Жандармскій полковникъ восторженно грохоталъ и звенѣлъ шпорами:

— Ну, что же, господинъ гимназистъ, время военное, пользуйте возможность. Въ гимназіи вашей Горація проходятъ? *Carpe diem*... Такъ-что, молодой человѣкъ, это вамъ уже не забастовки-сь...

Я мрачно забивался въ уголь, нырять въ газету и лишь героическими усилями преодолѣвалъ желаніе разревѣться тутъ-же въ ея гостинной. Въ такіе злосчастные дни я выпрашивалъ у дяди рубль и съ наступленіемъ вечера отправлялся на окраину французской части города. Тамъ я закрывалъ глаза и мнѣ казалось, что предо мной Анна Ансовна.

— Пропадаетъ парень, — вздыхалъ дядя, выдавая очередной рубль, — пропадаетъ ни за грошъ. Ты, братъ, хоть мѣры предосторожности принимай.

— Да вы, дядя, о чемъ?

— Брось, брось, Ваньку не строй, не рубля жалко, бери три, все равно въ гробъ денегъ не унесу, но мать пожалѣй. Отецъ на войнѣ, а у сына, гимназиста объявится дурная болѣзнь. Вотъ о чемъ подумай.

Дни тянулись. Кутья выдалась мрачная. По случаю праздника ожидались многочисленныя ограбленія. Дядя съ утра еще получилъ предостереженіе изъ полиціи и въ гостиной у насъ на всѣ три дня Рождества расположились два шпики. Дядя ходилъ и вздыхалъ, шпики съ аппетитомъ ѣли праздничную снѣдь, пили за здоровье хозяевъ, играли въ шашки и въ подкидные дураки, я грызъ шоколадъ и пытался читать «Капиталъ» Маркса, но дальше второй страницы такъ и не подвинулся. На третій день праздника въ обѣдъ раздался про-

должительный звонокъ и стукъ въ парадную дверь. Старшій шпикъ сдѣлалъ торжественное лицо, вытащилъ изъ кармана огромный маузеръ и открылъ дверь черезъ цѣпочку.

— А что Николай Степановичъ дома? слышался знакомый голосъ.

Я встрепенулся. Анна Ансовна? не можетъ быть, вѣдь она на утренникѣ.

Въ сѣрой мѣховой шубкѣ, съ раскраснѣвшими щеками, съ выбившейся прядью золотыхъ волосъ она стоитъ посреди гостиной, смотреть на шпиковъ и звонко хохочетъ.

— Господи, да что жъ у васъ, новый участокъ, крѣпость, сыскное отдѣленіе? Ну, Николай Степановичъ, полюбуйтесь мной въ послѣдній разъ. Мечта исполнилась, получила телеграмму изъ Риги. Съ 1 января подписала въ Русскую Драму. Только вы меня и видѣли...

«Капиталь» выпалъ изъ рукъ и сердце остановилось... Трехдневные страхи, дурацкіе шпики, испорченные праздники и въ довершеніе всего...

У юности есть обиды незабываемыя, опредѣляющія характеръ чуть ли не на всю дальнѣйшую жизнь. Еще теперь, черезъ семнадцать лѣтъ, когда я пишу эти записки, во мнѣ свѣжа та рожденская горечь. Что стоило Аннѣ Ансовнѣ сказать мнѣ на прощанье хоть одно ласковое слово, хотя бы въ шутку, хотя бы въ насмѣшку? Ни у насъ въ гостиной, ни на обледенѣломъ вокзалѣ,

гдѣ пили шампанское и Дмитрій Ивановичъ говорилъ рѣчь, она даже не посмотрѣла на меня, даже не попрощалась... Компанія провожающихъ отправилась съ вокзала къ намъ домой допивать. Затопили камины, захлопали пробками, затанцевала Мурочка, къ дядѣ вернулось его обычное благодушно-ругательное настроеніе. И только бѣдный шестиклассникъ, спрятавшись въ кабинетѣ, голосомъ, прерывающимся отъ слезъ, монотонно твердилъ:

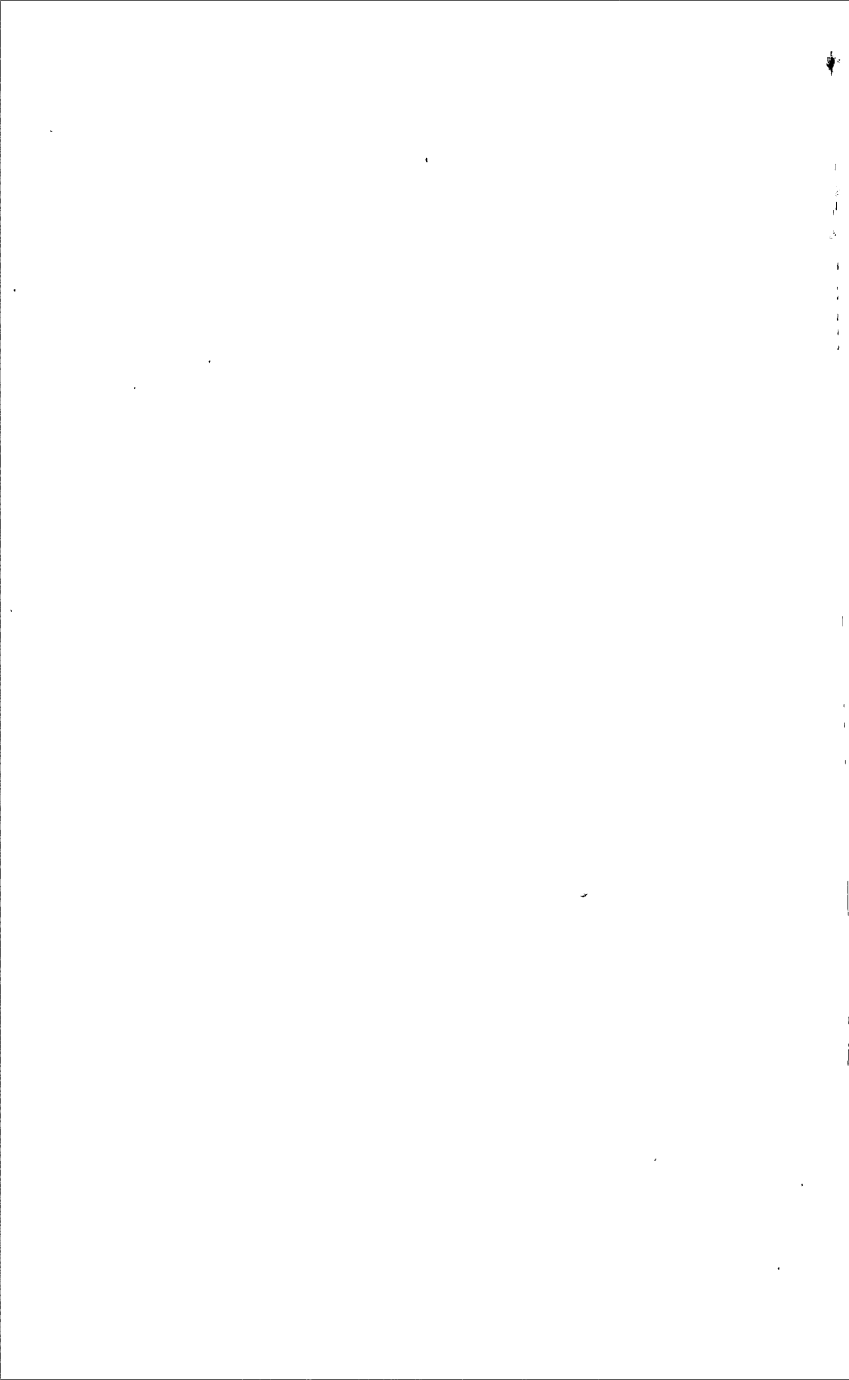
Для береговъ отчизны дальней
Ты покидала край чужой,
Въ часъ разставанья, въ часъ печальный
Я долго плакалъ надъ тобой...

Даже не подала руки...

Если прожить еще сто двадцать лѣтъ, если любить еще тысячу женщинъ, и тогда — память не сгладится, обида не пройдетъ. Потому что жестокость въ человѣкѣ рождается въ моментъ и не умираетъ за столѣтіе.

VI

Ростбифъ - тартаръ

Даже въ «посмертныхъ записяхъ» не хочется возвращаться къ тѣмъ невыносимымъ днямъ. Ибо все пошло такъ, какъ и нужно было предвидѣть. Городъ Новороссійскъ потерялъ прежнюю притягательность. Пыль съ цементнаго завода, лѣтняя жарыща, зимній нордъ-остъ, возвращеніе съ войны отца, нерадостная съ нимъ встрѣча и полнѣйшее отчужденіе. Одиночество загрызало; въ шестнадцать лѣтъ я еще не умѣлъ превратить его въ источникъ мучительныхъ радостей.

Мимо, мимо!

... Приходятъ иныя времена. Начинается Московскій періодъ жизни. Случается встрѣча съ двумя людьми, которые не то меня погубили, не то спасли. Во всякомъ случаѣ сдѣлали меня мною.

Петръ Феодоровичъ Дьяконовъ пребываетъ въ стѣнахъ, Московскаго университета уже восьмой годъ. Уваженіемъ пользуется неслыханнымъ. Предлагаютъ ему остаться при университетѣ сразу три профессора. Выбирай, что хочешь: исторія

русской литературы, исторія западныхъ литературъ, введеніе въ языковѣдѣніе. Молодые студенты блѣднѣютъ, когда Петръ Феодоровичъ выступаетъ оппонентомъ на ихъ докладахъ. Швейцаръ факультетскій, вспоминая молодость Тихонова и студенческіе годы Стороженки, низко снимаетъ передъ Петромъ Феодоровичемъ свой выцвѣтшій картузь и, шамкая, пророчитъ ему великое будущее. Все хорошо, все идетъ на ладъ — и я въ дикомъ восторгѣ отъ своего новаго знаменитаго пріятеля. Одного понять не могу, почему онъ не держитъ государственныхъ экзаменовъ. Кажется, пора бы. Бывало, сидимъ мы съ нимъ въ излюбленномъ университетскими людьми ресторанѣ «Баръ», что на Неглинномъ, ѣдимъ пищу обычную: ростбифъ, соусъ тартаръ.

— Петръ Феодоровичъ, въ эту сессію собираетесь кончать?

Онъ насмѣшливо улыбается, по его скуластому бритому лицу ползетъ презрительная гримаса.

— Ахъ отецъ, отецъ, — говоритъ онъ, привычнымъ жестомъ поглаживая свой лысый черепъ, — молодъ ты еще и ничегошеньки не понимаешь. Вѣдь это отецъ очень элементарно — взять и кончить *alma mater*. Пошелъ къ Александру Николаевичу — весьма, пошелъ къ Карлу Станиславовичу — весьма, *et cetera, et cetera...* Ни черта ты отецъ въ моихъ операціяхъ не смыслишь!

— А какія ваши операціи, Петръ Феодоровичъ?

Мой мудрый другъ побѣдоносно вскидываетъ пенснэ, звуки румынской музыки замѣтно его вдохновляютъ.

— Какія спрашиваешь операціи? Ну, знаешь, вопросецъ. Ты мою бібліотеку видѣлъ? Сколько думаешь въ ней томовъ? Тысяча? Двѣ? Пять? Десять? Врешь, отецъ, не угадалъ. Пятнадцать тысячъ, какъ одна копѣйка. У самого Шибанова нѣтъ такихъ уникавъ по исторіи русской церкви. Скажешь, зачѣмъ Петру Ѳеодоровичу русская церковь — онъ же филологъ. Тѣмъ болѣе, тѣмъ болѣе. Можешь ты, куриная душа, почувствовать то, что я чувствую. Ночами не сплю иной разъ, думаю, а ну какъ вспыхнетъ мой Толмачевскій переулокъ, домишка деревянный. Самъ въ рубахѣ спасусь, а отцы церкви? Что - то съ ними будетъ. Кофейникъ разогрѣю, сяду за столъ, снимаю съ полки Августина въ Лейпцигскомъ изданіи. Трепетъ, благоговѣніе. Будто обладаю Линой Кавальери. Повѣришь, разрѣзать боюсь. Какой же я бібліофилъ, если книжку разрѣжу. Это отецъ опять же очень элементарно — пошелъ, купилъ, прочелъ. Тьфу дешевка одесская! Отца моего видѣлъ? Отецъ мой на Серпуховской ситценабивной директоромъ состоитъ, самъ изъ крестьянъ. Приѣзжаетъ въ Москву, по дѣламъ къ Юнкеръ-Банку. Спрашиваетъ «Петръ можно у тебя ночевать?» — «Гдѣ-жъ, я говорю, вамъ, папаша, ночевать, когда комнатенку мою книга такъ сдавила,

что и для одной кровати мѣста нѣтъ и я самъ на коврикѣ ночую». Вотъ, братъ и отецъ ты мой, понимаешь теперь операціи Петра Ѳеодоровича? За восемь лѣтъ, что я въ университетѣ состою и книгу коплю, я изъ Москвы на восемь минутъ не отлучился. А ну какъ въ отсутствіе мое либо пожаръ, либо у Шибанова уникъ объявится и въ другія руки перейдетъ?! Здѣсь, въ Толмачахъ, живу, здѣсь, въ Толмачахъ, и умру, пропадай они пропадомъ государственные экзамены. Еслибъ такое желаніе у меня было, я-бъ, можетъ, третій годъ доцентомъ состоялъ. Нѣтъ, плюю, съ высоченнаго дерева, отецъ, плюю!..

Петръ Ѳеодоровичъ яростно вытираетъ испарину, вызванную его собственнымъ краснорѣчіемъ.

— Человѣкъ, еще графинъ съ полнымъ комплектомъ. — Человѣкъ, не уступающій лысиной самому Петру Ѳеодоровичу, рысью мчится исполнять желаніе почетнаго гостя.

Я не унимаюсь.

— Ну, хорошо Петръ Ѳеодоровичъ, гдѣ же вы деньги берете, чтобъ такую уйму книгъ приобрести. Вѣдь у васъ заработковъ не ахти.

Лысина багровѣетъ, скулы топорщатся.

— Ты что-жь это, Юрій Павловичъ, на что, намекаешь? Уже успѣли тебѣ насплетничать?

Отъ удивленія я давлюсь соусомъ тартаръ и въ упоръ смотрю на Петра Ѳеодоровича. Что съ нимъ? Какая его муха укусила? Можетъ быть,

онъ шутить? Нѣтъ, ужъ какія шутки, надулся, молчить, на меня не глядитъ. Неужели я попалъ въ Ахиллесову пятю? Попробую перевести разговоръ на другія темы.

— Что думаетъ Петръ Ѳеодоровичъ о завтрашнемъ бенефисѣ кор-де-балета?

Петръ Ѳеодоровичъ гнѣвно заявляетъ, что всей Москвѣ извѣстно его отвращеніе къ балету, какъ низшему роду синкретическаго искусства и что слѣдуя за комментаріями Вилламовица къ книгѣ Ницше любой профанъ безъ труда пойметъ его мысль...

Чась отъ часу не легче. Ну, а Айседора Дунканъ? Громъ и молніи. Босыхъ Петръ Ѳеодоровичъ любить въ постели, а не на сценѣ... Вотъ и поговори съ нимъ сегодня. Я пробую заинтересоваться его отношеніемъ къ половому вопросу и книгѣ Вейнингера, но Петръ Ѳеодоровичъ круто мѣняетъ направленіе разговора.

— Юрій Павловичъ, - губы его сжимаются и пенснэ слетаетъ на столъ, — я бы васъ попросилъ точно формулировать обвиненія свои или обвиненія, переданныя вамъ моими завистниками...

Я чувствую, что никакія отговорки не помогутъ и не вызовутъ довѣрія. Наступила необходимость самому перейти въ наступленіе. Для возбужденія я смотрю на грязный воротникъ Петра Ѳеодоровича. Какое животное, по мѣсяцамъ не смѣняетъ

бѣлья! воображаю его исподники. Купаться небось тоже не купается.

— Петръ Θεодоровичъ, ваши подозрѣнія смѣшны, ваши упреки оскорбительны. Я васъ покорнѣйше попрошу либо взять обратно всѣ ваши слова, либо разрѣшить мнѣ оставить васъ одного. Вамъ надо успокоиться.

Тонъ мой ледяной, рѣзкій, сквозь зубы. Во всемъ Московскомъ университетѣ одинъ проректоръ умѣетъ такъ осадить. Многократныя втрѣчи со студенческимъ тираномъ успѣли меня научить этому въ иныхъ случаяхъ незамѣнимому тону. Я складываю салфетку, требую счетъ и поднимаюсь со стула. — Петръ Θεодоровичъ замѣтно озадаченъ. Лицо его возвращается къ обычному выраженію, пенснэ снова на носу, онъ улыбается хитрой длинной мужицкой улыбкой и мягко беретъ меня за рукавъ.

— Ну коли такъ, отецъ, прости меня. Ужъ больно меня враги заѣдаютъ. Я тебя въ благодарность обучу величайшей въ мірѣ наукѣ — искусству зарабатывать деньги.

Я не заставляю себя долго упрашивать — пересолить тоже ни къ чему, усаживаюсь за столъ и съ особеннымъ интересомъ слушаю Петра Θεодоровича. Сорокъ рублей отъ отца, пятьдесятъ отъ дяди, итого девяносто. За двѣ комнаты плачу пятьдесятъ, обѣдаю и ужинаю въ «Барѣ», два ра-

за въ недѣлю ѣзжу на скачки, «на Шалыпина» въ хвостѣ не стою, а за семь съ полтиной покупаю кресло четвертаго ряда. Одѣваюсь у Делоса, посѣщаю Нордманскій домъ на Страстномъ Бульварѣ. Бюджетъ мой запутанъ. Деньги присланныя для уплаты за правоученье давно прожиты. Положительно, надо послушать Петра Ѳеодоровича. Не уроковъ же въ самомъ дѣлѣ искать! За пятнадцать рублей ежедневно шляются на Таганку или за Москва-рѣку. Одни извозчики въ тридцать влепятъ. Не разъ мнѣ казалось въ продолженіе нашего дальнѣйшаго знакомства, что Петръ Ѳеодоровичъ горько жалѣетъ о своей излишней со мной откровенности, что наука, преподанная имъ въ ресторанѣ «Баръ», представлялась ему самымъ большимъ уникамъ изъ всѣхъ уникавъ, имѣвшихся въ Толмачевскомъ переулкѣ.

Ахъ, эти случайно вырвавшіяся слова!.. Какъ не плохо бы было вернуть васъ, собрать, сжечь и забыть. Откровенныя слова, какъ преждевременныя морщины. Наступаетъ собачья старость, злишься на самого себя и тщетно пытаешься успокоить сердце дешевенькими парадоксами: я, молъ, не такъ богатъ, чтобъ мѣнять еженедѣльно перчатки, но у меня достаточно мужественной фантазіи для вихря мѣняющихся убѣжденій, прорицаній, обѣщаній. Не обманешь свое сердце! Непобѣдимый спекулянтъ - наше злостное сердце, и отъ словъ откровенныхъ, исповѣдей ресторанныхъ,

фельетоновъ газетныхъ все чаще и чаще тянетъ къ блестящему другу, шестизарядному Нагану...

Итакъ, Петръ Ѳеодоровичъ разсказалъ. Всяческихъ чудесъ ожидалъ я отъ ученаго сына серпуховской земли, но ужъ не такихъ. Петръ Ѳеодоровичъ оказался не только библіофиломъ, не только подающимъ надежды магистрантомъ, не только аскетомъ и славянофиломъ, но и... Въ тѣ годы баснословные великое слово еще прозябало въ четырехъ стѣнахъ банковъ и биржъ и на панели еще не распускалось пышнымъ цвѣтомъ войны и революціи. Петръ Ѳеодоровичъ оказался спекулянтомъ, и спекулянтомъ весьма страннаго, весьма недоброкачественнаго свойства.

— Осудишь ты меня, отецъ, или не осудишь — мнѣ въ высокой степени наплевать. То-есть, если наплевать, такъ мнѣ, а тебѣ горько будетъ. Вотъ здѣсь-то, дорогой и юный мой отецъ, скрывается провѣрочка категорій твоей морали. Низшая она у тебя или высшая. Осудишь, значитъ, пошлякъ. Прости меня на грубомъ словѣ. И не думай, что пошляки погибаютъ. Врешь, отецъ, пошляки не погибаютъ. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ такъ всѣми буквами и написалъ въ письмѣ къ Плетневу. — Кстати приходи, отецъ посмотришь, досталъ я у Шибанова первое изданіе «Мѣднаго Всадника». Шибановъ плакалъ, не хотѣлъ разставаться. Петръ Ѳеодоровичъ, говоритъ, заставьте Бога молить, не покупайте, оставьте мнѣ! Вели-

чайшая бестія, этотъ Шибановъ. За прошлымъ годомъ прихожу къ нему на Никольскую...

На скулахъ Петра Ѳеодоровича запягнулся лихорадочный румянецъ, рюмка въ его рукѣ подрагивала и я чувствовалъ, что необходимо остановить потокъ побочныхъ разсказовъ. Иначе, пока до главнаго доберется, охмелѣетъ и ничего не передастъ путнаго.

— Петръ Ѳеодоровичъ, - рѣшительно перебилъ я, — Вы такъ и не сказали, что Пушкинъ о пошлякахъ говорилъ.

Петръ Ѳеодоровичъ сморщился было отъ моей невѣжливости, потомъ покрутилъ головой и засмѣялся уже пьянымъ, не хитрымъ, а добродушнымъ, полнокровнымъ смѣхомъ.

— Боишься отецъ, что надуетъ Петръ Ѳеодоровичъ. Обѣщаль научить деньгу зашибать, а замѣсто того байками потѣшаетъ. Охъ, Юрій Павловичъ, иной разъ мнѣ на тебя жутко и смотрѣть. Какъ бы ты Митрофаньевскимъ заломъ не окончилъ. Нѣтъ въ тебѣ балансовъ... А Пушкинъ, другъ мой, въ этомъ самомъ письмѣ къ Плетневу, въ году 1831, писалъ о пошлякахъ нижеслѣдующее: *le n'est pas de bonheur que dans les voies communes...* Ты, отецъ, зубы не скаль на мое проиженіе. Я — Серпуховскій. Заслуженнымъ буду, а земля все сильнѣй, и принципіально не желаю языка коверкать. Намедни въ аудиторіи у Карла Станиславовича цитировалъ я одинъ ан-

гліійскій источникъ. Смотрю, гогочуть ребята. Я, сыю, смутился. Неужто память измѣнила и источникъ не то говорить? Спрашиваю у Карла Станиславовича. Онъ тоже смѣется: правильно то говорить правильно и даже весьма похвально, только зачѣмъ вы всѣ буквы выговариваете. Такъ и жарите «ревью оф ревьюс»... Плевать, отецъ, плевать. Выпьемъ еще одинъ графинчикъ!

— Петръ Феодоровичъ, можетъ, не стоитъ, можетъ, такъ посидимъ, поболтаемъ?

— Да не бойся, ты егоза! (Петръ Феодоровичъ даже кулакомъ по тарелкѣ стукнулъ, такъ, что пальцами въ соусъ тартаръ попалъ). Сказаль — расскажу. Считаю — заметано. А будешь хвостомъ вертѣть — вашихъ нѣтъ. Плюну и спать въ Толмачи пойду. Думаешь, пьянъ Петръ Феодоровичъ, къ водкѣ не привыкъ, аскетъ полнѣйшій — вотъ его и разобрало. Откуда, скажи пожалуйста, слухъ о моемъ аскетизмѣ пошелъ. Думаешь, книги покупаю, такъ дѣвочекъ не признаю? Отцовъ церкви почитаю - водку отвергаю? Молодо, Юрій Павловичъ, зелено. Учить тебя жизни надо, иначе погибнешь. Ужъ попадать въ Митрофаньевскій - такъ съ музыкой, съ церемоніальными почестями, съ хрустальнымъ звономъ... Человѣкъ! Ты что на меня бѣльмы выпятилъ? Разъ зовуть, значитъ хотять раздавить еще одинъ графинецъ —

Становится жарко. Низкіе потолки въ ресторани «Баръ». Въ двѣнадцатомъ часу отъ дыма слезы

по щекамъ текутъ. А румынамъ хоть что. Въ красное затянутый, наглый усачъ съ красными же кроличьими глазами надъ самымъ ухомъ Петра Θεодоровича трелями разливается.

Были въ Россіи румынскіе оркестры - было и благополучіе. Съ 1917 румынъ не встрѣчалось ни въ Кіевѣ, ни въ Харьковѣ, ни въ Россіи. Кончилась Россія...

Петръ Θεодоровичъ снова снимаетъ пенснэ и съ преувеличенной размѣренностью жестовъ принимается выпивать и закусывать. Подливаетъ и мнѣ.

— Пей... Пей... Не то ротъ зажму и ничегошеньки не вывѣдаешь.

— Петръ Θεодоровичъ! Не томите, либо рассказывайте вашъ секретъ.

— Эхъ, ты, чудила! Заморская чучела! Чѣмъ васъ на Дону такихъ нервныхъ дѣлаютъ? Пойми же разъ навсегда, что никакого секрета нѣтъ и не можетъ быть.

Петръ Θεодоровичъ выдерживаетъ паузу и, насладившись моимъ разочарованіемъ, торжественно подхватываетъ:

— То есть, секретъ, онъ дѣйствительно существуетъ и многіе бы за знаніе сего большую деньги заплатили. Но для молодого распріятеля, для будущаго пансіонера арестанскихъ ротъ нѣтъ секрета. Ни на іоту. Пей! Знай мою широту! Все

повѣдаетъ Петръ Θεодоровичъ. На Покровкѣ Лялинъ переулочекъ?

— Н-ну

— Ты не нукай, не на извозчикѣ сидишь. Зубного врача Гольденблата знаешь?

— Нѣтъ.

— Дурачекъ, стало быть, если не знаешь. Во первыхъ Гольденблатъ, по существу говоря, никакой ни зубной, никакой ни врачъ! Такъ эфемеридъ. Но здѣсь-то, въ Лялиномъ, у Гольденблата секретъ сидитъ, отсюда и деньги на покупку отцовъ церкви въ Лейпцигскихъ и Амстердамскихъ изданіяхъ. Понялъ?

— Да, что жъ я могу, Петръ Θεодоровичъ, понять?! Можетъ быть вы ему пациентовъ водите?

Петръ Θεодоровичъ въ дикомъ восторгѣ и визжитъ фальцетомъ, несвойственнымъ ни его фигурѣ, ни обычному его голосу.

— Пациентовъ? ! Ой, уморилъ. Молчи ужъ лучше... Пациентовъ, отецъ, пациентовъ... Только такихъ, къ которымъ съ боръ-машиной не подступишься и зубовъ у нихъ не вырвешь. Иная нужна машинка. Шмэнъ-де феръ знаешь? Ну, слава Богу, хоть одно знаешь. Машинку для шмэнъ - де феръ видѣлъ? Ого, понятливый. У Гольденблата такихъ машинокъ не то дюжина, не то цѣлыхъ двѣ. Сообразилъ?

— Петръ Θεодоровичъ! Я нездѣшній, вы лучше прямо разсказывайте.

— Ага, не терпится, спѣшить! А если я разскажу тебѣ сегодня мою тайну, а завтра же отъ тебя ее кто-другой услышитъ? Что-жъ тогда подь Серпуховскій дачный бросаться или въ Окѣ топиться? Не клянись, не клянись! Плеваль я и на это, хочешь сейчасъ человѣка позову и при немъ буду разсказывать? Въ двухъ словахъ, въ двухъ словахъ. Пей и слушай, слушай и пей. Главное, пей! Отець мой Θεодоръ Ивановичъ, директоръ фабрики али нѣтъ? Директоръ, очень тебѣ благодарень, растрогалъ даже своимъ обстоятельнымъ согласіемъ. Купцовъ у него знакомыхъ много или мало? Въ карты имъ играть есть охота или нѣтъ? Въ клубъ охотничій они могутъ ходить? Могутъ! Врешь, отецъ, не могутъ. Поигралъ разъ, поигралъ два на глазахъ у Московскихъ балаболокъ, на завтра кредитъ фью. Приказали Митей звать. Въ клубъ купецъ, настоящій купецъ, не англо-манскій, не Пречистенскій и не Остоженскій, ядреный русскій купецъ ни ногой. А играть — страсть хочется! Не въ преферантишко, не въ винтъ, въ желѣзку! Только въ желѣзку! Отвѣтственный банкъ, t o u t v a и все прочее. Да ты что удивляешься, на меня глядишь, словно и въ самомъ дѣлѣ ничего не подозрѣвалъ? Не перебивай, вѣрю, видъ по крайности дѣлаю, что вѣрю. Сегодня я пьянь—живи и слушай и мо-

тай на усъ! Завтра съ утра къ Шибанову - объявилось у него первое изданіе Кантовыхъ пролегоменовъ ко всякой будущей метафизикѣ. Ну, такъ вотъ, перебиваешь, я и удаляюсь. Хотѣлъ въ двухъ словахъ, языкъ твой, какъ колода на узкой дорогѣ. Знакомые отца — мои знакомые. У Гольденבלата я зубы лечилъ. Пломбируетъ плохо, говоритъ хорошо. Сижу однажды у него на креслѣ. Боръ-машина дррр... дррр... дррр... Послушайте, говоритъ Гольденבלатъ, а голосъ у него, какъ медъ пополамъ съ навозомъ. Послушайте, Петръ Ѳеодоровичъ, нѣтъ ли у васъ или у папашивашего такихъ знакомыхъ, чтобъ любили по крупной въ приличномъ семейномъ домѣ сражаться? Вамъ, конечно, какъ будущему профессору покажется... Я его сразу на цугундеръ—ты не крути, не верти, іудейская душа, знакомые есть, по сколько съ головы? По четвертному... И самъ дрожжить... Я только сплюнулъ: что жъ съ дуракомъ говорить? пломбуруй! По полсотнѣ? Пломбируй и къ чертовой матери... По сотнѣ?... Пломбируй... Тутъ Гольденבלатъ мой поблѣднѣлъ и съ достоинствомъ необычнымъ принялся за боръ—машину. На завтра прихожу, разговоръ возобновляется. Вижу по его рожѣ, всю ночь обдумывалъ. Мы -- тоже, одно слово, серпуховскіе... Вотъ что, говоритъ Гольденבלатъ, выработалъ я для васъ, Петръ Ѳеодоровичъ, самыя аванажныя условія. Будемъ мы съ каждой третьей битой карты будто бы на

ужинъ десять процентовъ снимать. За ночь большущія деньги получаютъ, а ужинъ — вздоръ. Играющему человѣку не до питья. И все, что выручимъ, пополамъ. А если надуешь? Другой разъ не приведете, мнѣ же хуже. Вы имѣете дѣло, Петръ Θεодоровичъ, съ интеллигентнымъ человѣкомъ. Отца, мать, сестру, жену, весь міръ можно надувать. Но куртажныя деньги - святыя деньги... Ты на меня, Юрій Павловичъ, такими глазами что глядишь? Можетъ быть тебѣ противно, что тебя, чистѣйшаго юношу, я свожу въ подвалъ человеческой души? Тогда, изволь, замолчу, будемъ о славянофилахъ спорить или возьмемъ твою любимую тему о кор-де-балетѣ...

Петръ Θεодоровичъ замѣтно утомился и раздражился. Никакими особенными глазами я на него не глядѣлъ, но при самолюбіи этого человѣка не мудрено было, что онъ уже раскаивался.

— Петръ Θεодоровичъ — сказалъ я неестественно естественнымъ тономъ (въ душѣ у меня подымалась буря, колыхали предчувствія новой загадочной жизни) — Петръ Θεодоровичъ, чтобы Вы ни сдѣлали, для меня ваша жизнь - образецъ и примѣръ. Я васъ очень прошу продолжать, во имя нашей дружбы.

Для усиленія впечатлѣнія я налилъ и себѣ и ему по огромной рюмкѣ водки и чокнулся. Петръ Θεодоровичъ съ важностью принялъ мои слова и моментально успокоился.

— Продолжать, дорогой мой другъ, некуда и нечего. Съ Гольденблатомъ я работаю уже второй годъ. Полагать надо, онъ меня надуваетъ, но и я не въ обидѣ, и отцовскіе пріятели благодарны. Потому игра чистая, безъ передержекъ, по клубному ритуалу, и квартира пріятная. Разсказаль я тебѣ, Юрій Павловичъ, какъ на духу, потому ты мнѣ пріятель. Другъ мой. Можетъ, когда и предашь, а пока другъ. Дружба не въ томъ, чтобы китайскіе комплименты преподносить. Надо облегчать другу жизнь. И будь я не я, если я уже не придумаль тебѣ одну операцію. Отнынѣ я заявляю Гольденблату, что ты мой компаньонъ, и кромѣ моей половины, должна іудейская душа и тебѣ процентовъ десять отдавать. Не думай, что я благодѣтельствую. Я замѣтилъ, что умъ твой математическій. Будешь сидѣть и отмѣчать, сколько съ каждой третьей Гольденблатъ снялъ. Будешь нашимъ государственнымъ, такъ сказать, контролеромъ. Ну, а сейчасъ, сейчасъ... Человѣкъ получи!

— Посидимъ еще, Петръ Θεодоровичъ, взмолился я.

— Ни — ни. Сейчасъ извозца и крупной рысью къ Гольденблату знакомиться и уславливаться.

— Петръ Θεодоровичъ! Что вы, во второмъ часу ночи?

— Не разговаривай. Самое и хорошо, что ночи

второй, а не дня. Лови моментъ и ликуй. Человѣкъ, получай.

Мысли крутятся. Отъ мыслей и водки почва уходитъ изъ подъ ногъ. Вотъ онъ какой—Петръ Θεодоровичъ! Вотъ онъ отчего не торопится университетъ кончать! А Гольденблатъ? Хорошо это или плохо? Вѣроятно, плохо, но разъ Петру Θεодоровичу не стыдно, съ какой же стати мнѣ стыдиться?

Съ Неглиннаго до Покровки путь невеликъ. Лихачъ, почуя чаевыя, мчится во всю. При вѣздѣ на Лубянскую едва не передавливаемъ ветхую старушонку. Она провожаетъ насъ проклятьями, Петръ Θεодоровичъ начинаетъ рассказывать о Грановскомъ, какъ тотъ въ молодости по крупной шуллера зазывали его въ свою компанію.

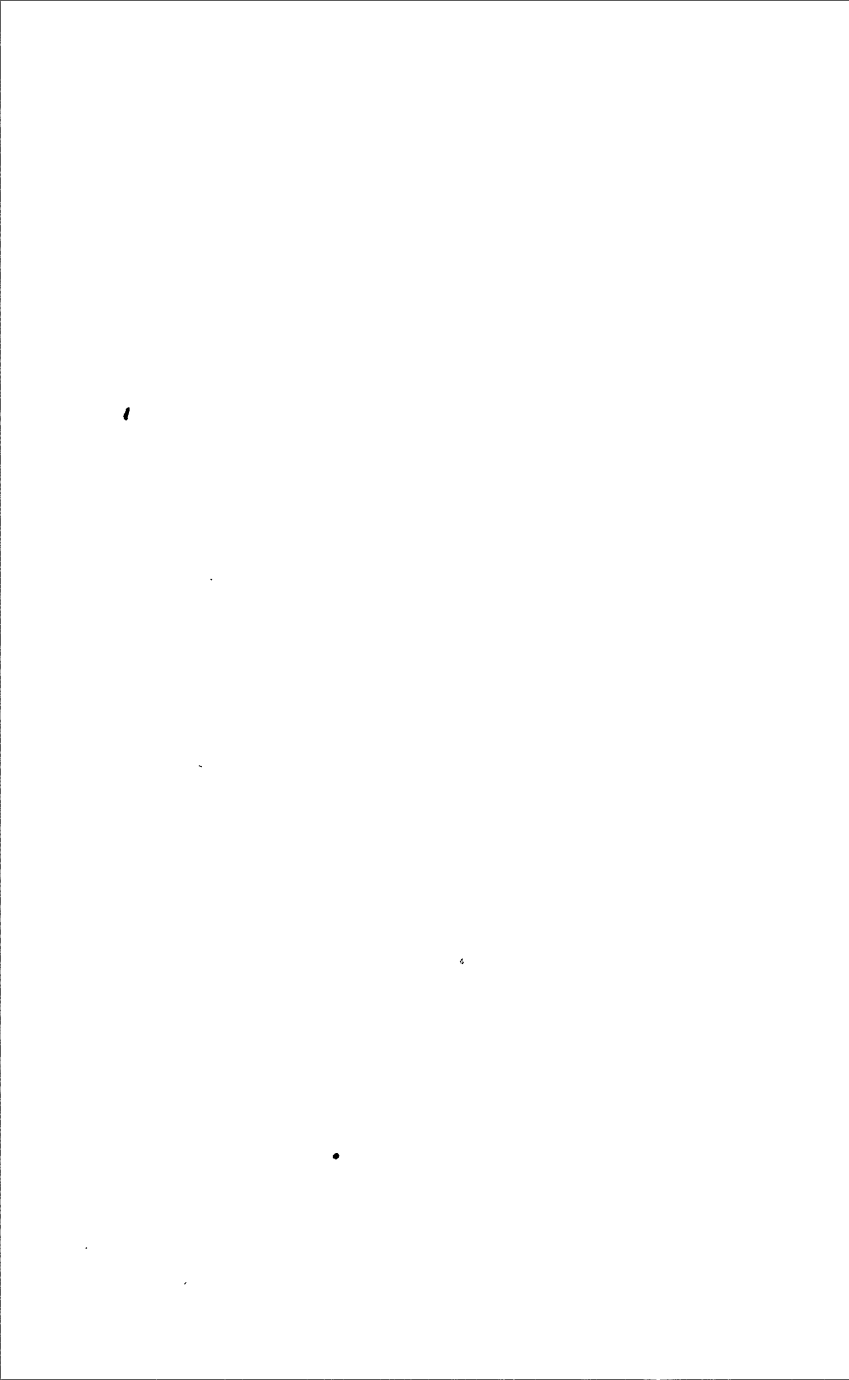
— Петръ Θεодоровичъ! А можно это, не некрасиво?

Петръ Θεодоровичъ лихо запахивается шубой и увѣренно отвѣчаетъ:

— Въ Россіи, отецъ, все можно; спать нельзя; во снѣ сапоги стащутъ и въ ротъ наплюютъ...

VII

У Гольденבלата

1.

— Осипъ Эдмундовичъ дома?

— Дома, дома, у нихъ сейчасъ веселье въ полномъ разгарѣ. Жильцы со второго этажа уже два раза прибѣгали, жалились. Генеральша Дормидонтова, простите, беременна, а у Осипа Эдмундовича чуть не цыганское пѣніе.

Петръ Θεодоровичъ выслушиваетъ докладъ соннаго всклокоченнаго швейцара и кладетъ резолюцію:

— Рожать, говоришь, твоя генеральша хочеть? Въ приютъ, въ приютъ, нечего дома безобразіе разводять. Хорошаго не родить, такъ еще одинъ байструкъ.

Петръ Θεодоровичъ, несомнѣнно, въ этомъ домѣ хорошо извѣстенъ. Страхи мои пропадаютъ.

Троекратный «боевой» звонокъ и по коридору топочуть сразу нѣсколько паръ ногъ. Дверь отворяетъ маленькій человѣчекъ въ золотыхъ безъ оправы пенснэ, съ кучерявой эспаньолкой, силь-

но выпившій: и запахъ слышенъ, и на ногахъ не-
твердъ.

— Профессору мое почтеніе! охрипшимъ го-
лосомъ возвѣщаетъ онъ прибытіе Петра Θεодо-
ровича. Коридоръ и сосѣднія комнаты отвѣча-
ютъ единодушнымъ «ура». Кто-то отъ избытка
чувствъ играетъ тушь.

Петръ Θεодоровичъ раздѣвается, швыряетъ
пальто, шапку, портфель прямо на полъ, хва-
таетъ маленькаго господинчика за плечо и при-
влекаетъ его ко мнѣ:

— Знакомьтесь, любите, размножайтесь.
Юный мой другъ, Быстрицкій Юрій Павловъ, сынъ
лекаря, романтикъ и мошенникъ. Гольденблатъ
Осипъ Эдмундовъ, зубодеръ, развратитель дѣ-
виць, всемосковская знаменитость. Съ гостями
не знакомлю; кромѣ Ирины Николаевны достой-
ныхъ сюжетовъ не вижу.

Коридоръ и сосѣднія комнаты рычатъ. Голь-
денблатъ немедленно вступается за честь гостей:

— Молодой юноша! Каждый другой запла-
тилъ бы Гольденблату кровью за подобныя слова.
Принадлежу къ Израилю, но правила кавказскія.
Намъ каждый гость ниспосланъ Богомъ, какой
бы ни былъ онъ страны. Ниспосланы Богомъ и вы,
Входите. Развлекайтесь. Колбасу можно прямо
руками, женщинъ на первый разъ безъ рукъ.

Осипъ Эдмундовичъ весьма удовлетворенъ
собственнымъ остроуміемъ, обнажаетъ рядъ гни-

ловатыхъ мелкихъ зубовъ, неспособныхъ создать рекламы его зубоврачебному кабинету.

— Осипъ Эдмундовичъ, — въ коридоръ просовывается голова съ багровымъ носомъ и сѣдымъ ежикомъ, — по правиламъ нашей ложи, новаго брата необходимо познакомить съ устройствомъ дома и организаціей комнатъ скорой половой и иной помощи.

Петръ Θεодоровичъ, стоящій передъ зеркаломъ и старательно припудривающій лицо, замѣчаетъ мнѣ:

— На этого гостя, Юрій, наплюй съ высокаго дерева. Ретроградъ, невѣжа и феодалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, профессоръ, — перебиваетъ Осипъ Эдмундовичъ, — рѣшительно не могу допустить. Вы, конечно, человѣкъ ученнѣйшій, будущая гордость Россіи, но у cadaго свои достоинства. Молодой юноша, во первыхъ, снимайте верхнее платье, удобнѣй во всѣхъ случаяхъ; во вторыхъ, не смущайтесь; въ третьихъ, знакомьтесь; а въ четвертыхъ, готовьтесь къ обозрѣнію помѣщеній нашей ложи. Зубовъ рвать не буду, пломбъ не навязываю. Будьте, какъ у насъ въ Кременчугѣ говорятъ — «какъ у Вѣрочки». То есть, ничего скабрезнаго; означаетъ — будьте увѣрены. Сырой крови на мацу евреи не употребляютъ, на погромъ погромомъ не отвѣчаютъ, для правожительства зубной врачъ тоже не плохая профессія

Я смущенно раздѣваюсь, машинально протягиваю руку многочисленнымъ гостямъ, толпящимся въ коридорѣ, и подѣ звуки продолжающагося туша слѣдую за Петромъ Θεодоровичемъ и Осипомъ Эдмундовичемъ, въ огромную, ярко освѣщенную комнату. Во всю длину комнаты выстроены столы; исполинская скатерть уже изрядно залита краснымъ виномъ; лужицы трогательно пересыпаны солью. Гости повидимому отъуживали и расположились въ самыхъ непринужденныхъ позахъ. За роялемъ работаетъ худой юноша ярко семитскаго типа. Рядомъ съ нимъ, облокотившись на крышку рояля, покачивается пожилой почтенный господинъ. Не то докторъ съ большой практикой, не то старшина клуба. Однако его почтенная внѣшность не вызываетъ никакого уваженія со стороны Петра Θεодоровича. Мой ученый и таинственный другъ шопотомъ, достаточно громкимъ, сообщаетъ:

— Ноль вниманія и на этого. Въ дѣло пускается лишь противъ прїѣзжихъ сибиряковъ, единственно для непонятнаго разговора. Болтунъ и дуракъ. Немедленно къ Иринѣ Николаевнѣ. Объ остальныхъ потомъ.

Ирина Николаевна сидитъ въ углу, въ глубокомъ креслѣ. Издали я замѣчаю лишь златокудрый нимбъ. Мы подходимъ. Петръ Θεодоровичъ сразу мѣняетъ тонъ и лысый его черепъ почтительно склоняется.

— Ирина Николаевна! Рекомендую моего друга. Онъ, невиненъ, прекрасенъ, подаетъ надежды, нуждается въ руководствѣ.

Блѣдное продолговатое лицо остается безстрастно. Полупрезрительно она протягиваетъ руку — и ея рука меня разочаровываетъ. Плебейская, красноватая, съ короткими, невыразительными пальцами. Рука горничной, ставшей кокоткой. Мы беремъ стулья, подсаживаемся. Петръ Θεодоровичъ страшно лебезить, дѣлаетъ комплименты ея плечамъ, волосамъ, глазамъ. Она слегка оживляется и, улыбаясь, показываетъ зубы — ровные, удлинненные, какого-то кремоваго цвѣта. Она заговариваетъ и — голосъ ея лишенъ металла и потому въ смѣхѣ рѣжущая неестественность. Мнѣ приходитъ въ голову спросить, не изъ Закавказья ли она. Въ Тифлисѣ, въ Баку нерѣдко попадаютъ такія нѣжныя, золотоволосыя, почти венеціанки. И только руки, ноги, уши выдають ихъ плебейское происхожденіе. Но въ этотъ моментъ подбѣгаетъ Гольденблатъ. Онъ уже успѣлъ потерять пенснэ, щурить глаза, взъерошиваетъ эспаньолку.

— Невозможно, рѣшительно, категорически запрещаю. Оккупировали Ирину Николаевну, оскорбили гостей. А кромѣ всего и потолковать не успѣли. Очень васъ попрошу, Петръ Θεодоровичъ, прослѣдовать вмѣстѣ съ юнымъ другомъ въ мой кабинетъ.

Къ моему удивленію, Петрѣ Ѳеодоровичѣ медленно соглашается.

— Ирина Николаевна. Вы простите насъ, намъ потолковать съ минутку.

Ирина Николаевна тѣмъ же глухимъ ироническимъ голосомъ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, не прощаю, потому что и я хочу присутствовать при разговорѣ.

Петрѣ Ѳеодоровичѣ энергично третъ лысину — что у него признакъ величайшаго замѣшательства — и бросаетъ недоумѣнные взгляды на Гольденבלата. Осипъ Эдмундовичѣ въ конецъ сощуриваетъ глаза.

— Я полагаю, прекраснѣйшая Ирина Николаевна, что въ моемъ, такъ сказать, хозяйскомъ качествѣ, васъ обязался я оберегать отъ дѣловыхъ разговоровъ и всего прочаго, не дамскаго, не прекраснаго.

Ирина Николаевна презрительно смѣется.

— Вы полагали... А я полагала, что вы не полагали въ вашемъ хозяйскомъ качествѣ, что я такая идиотка. Довольно ерундить. Безъ меня все равно не порѣшите.

Осипъ Эдмундовичѣ всплескиваетъ руками и въ мигъ мѣняетъ и тонъ, и голосъ, и позицію.

— Олимпійскіе Боги, богъ Израиля и всѣ остальные... Да развѣ я, да счастливъ буду. Да пожалуйста, о Петрѣ Ѳеодоровичѣ и говорить нечего. Знаете его пристрастіе къ вамъ. Идемте, идемте, счастливъ буду.

Петръ Θεодоровичъ мычитъ что-то невразумительное, вскакиваетъ со стула и калачикомъ предлагаетъ руку Иринѣ Николаевнѣ. Она отвергаетъ, лѣниво вытягивается въ креслѣ. Такъ и есть, съ ногами тоже неблагополучно. Голову объ закладъ, изъ Баку.

Мы проходимъ черезъ столовую. Худой юноша и почтенный господинъ провожаютъ насъ острымъ понимающимъ взглядомъ. Остальные гости продолжаютъ развлекаться. Изъ гостинной выплываетъ граммофонъ: «Букетъ ты бѣлыхъ хризантемъ»...

2.

— Ирина Николаевна, — лебезитъ Гольденблатъ — вамъ ужъ придется на предсѣдательское мѣсто, руководите нами, поучайте.

Предсѣдательскимъ мѣстомъ оказывается кресло передъ боръ-машиной. Ирина Николаевна садится, откидываетъ голову на высокую спинку, и волосы ея горятъ въ пожарѣ рефлекторной лампы. Засѣданіе открывается. Слово принадлежитъ Петру Θεодоровичу.

— Такъ вотъ, господа. Другъ мой и отецъ, то-есть такъ я его именую, а вообще онъ чрезвычайно молодъ. Отецъ мой, Юрій Павловичъ Быстрицкій, пожелалъ соучаствовать въ нашихъ предпріятіяхъ. Пока что поставилъ я его въ извѣстность относительно основныхъ нашихъ цѣлей.

Теперь разрѣшите мнѣ перейти къ деталямъ и выработкѣ условій. Осипа Эдмундовича попрошу не бѣгать по ковру и принимать участіе въ бесѣдѣ.

Осипъ Эдмундовичъ останавливается и дѣлаетъ безконечно наивные глаза.

— Что вы, что вы, дражайшій профессоръ, я вѣдь пенснэ только ищю, я вѣдь безъ всякой задней мысли.

— О заднихъ мысляхъ говорено не было. Если жъ вы намекаете.

Петръ Ѳеодоровичъ густо багровѣетъ и я предчувствую повтореніе давешней сцены въ ресторанѣ. Но тутъ повелительно вмѣшивается Ирина Николаевна.

— Надоѣло, Петръ Ѳеодоровичъ, я уже все это слышала. Молчите оба. Я объясню въ двухъ словахъ. Господинъ Быстрицкій, васъ я попрошу не заблуждаться. Вы находитесь въ игорномъ притонѣ. Осипъ Эдмундовичъ, безъ жестовъ, безъ восклицаній, не то я плюну и уйду. Да, господинъ Быстрицкій, въ игорномъ притонѣ. Если вы чистюлька, немедленно отправляйтесь домой и зубрите ваши лекціи.

Я оскорбляюсь и сухо поясняю, что я не чистюлька, что пришелъ сюда для дѣла, а лекціи мои остаются при мнѣ и никого не касаются. Предсѣдательница слушаетъ съ любопытствомъ и вниманіемъ.

— Ну, разъ не чистюлька, тѣмъ лучше и для насъ. Продолжаемъ, что намъ нужно отъ васъ и что мы дадимъ вамъ? Петръ Ѳеодоровичъ неоднократно о васъ рассказывалъ. Заранѣ насъ привлекло, что вы студентъ съ мечтательными глазами. Вы должны дополнить программу нашихъ вечеровъ организаціей собесѣдованій. Понимаете? О, вы не черезчуръ догадливы. Привлекаете студентовъ, до двѣнадцати идутъ споры, о чемъ хотите. О Богѣ, о Вейнингерѣ, словомъ что въ голову взбредеть... Зачѣмъ намъ нужно это? Просто, очень просто. Кромѣ купчишекъ и прочей сволочи, у насъ бываетъ такъ называемая интеллигенція — адвокаты, путейцы, доктора съ большой практикой. Ужиномъ ихъ не заманишь, женская приманка по многимъ причинамъ невозможна. А вотъ тутъ-то студенческіе споры, молодая Россія, ну, словомъ, какъ это принято. Всѣ они вохляки, растрогать нетрудно. За полночь орутъ, а въ первомъ часу не угодно ли — небольшая студенческая желѣзка по копѣйкѣ. Начнутъ съ копѣекъ, дальше видно будетъ. Студентамъ вашимъ проигрышъ возвращается. Поняли?

— Я понялъ, я великолѣпно понялъ, но какъ же это будетъ выходить?

— Очень просто... И входитъ и выходитъ. Съ каждой третьей, выигранной банкомъ карты — а банкометъ у насъ свой — вы получаете десять процентовъ.

— Ирина Николаевна, — не выдерживаетъ Гольденблатъ — невозможно, категорически невозможно.

— Что? Много или мало?

— Не то, не то... Какъ же такъ сразу вы насъ бандитами представляете? Я все же человекъ съ дипломомъ. Вы бы могли...

— Осипъ Эдмундовичъ, — Ирина Николаевна приподнимается и грозно смотритъ на Гольденблата — или по моему, просто, ясно, безъ сlundяствъ или вы меня больше не увидите.

— Но, Ирина Николаевна, вы не такъ ставите вопросъ.

— Никакихъ вопросовъ уже нѣтъ. Есть отвѣты. Петръ Θεодоровичъ, сразу, безъ почесыванія головы, да или нѣтъ?

Петръ Θεодоровичъ забился въ уголъ дивана. Уши его горять. Онъ едва находитъ силъ кивнуть головой.

— Осипъ Эдмундовичъ, теперь вы, да или нѣтъ?

Смирятся и Гольденблатъ. Очередь за мной. Я бы многое могъ сказать. Но пожаръ этихъ волосъ, но эти презрительные и не прощающіе глаза Развѣ имъ можно возражать?! Да, да, конечно, я согласенъ.

— Теперь, Осипъ Эдмундовичъ, потрудитесь объяснить Юрію Павловичу всѣ детали, а я пойду въ столовую. Тамъ, небось, ваша сволочь перепилась и разговоры устраиваетъ.

Ирина Николаевна сходитъ съ зубоврачебнаго кресла и, не удостоивъ насъ болѣе ни однимъ словомъ, отправляется въ столовую.

3.

Гольденблатъ смущенно шмыгаль по коври. Петръ Θεодоровичъ, забившись въ уголь дивана, угрюмо молчалъ. Я думаль обо всемъ происшедшемъ и разсматриваль блестящїе инструментики, которыми скалился огромный зеркальный шкафъ. Прошло минуты двѣ. Изъ столовой по прежнему доносились взрывы пьянаго гоготанья и пронзительные крики. Кто-то предлагаль засунуть въ граммофонъ тряпку, кто-то басистый угрожалъ набить морду за «оскорбленіе памяти покойной Вари Паниной» . . .

Огромные бронзовые часы съ амурами, обнаруживавшіе всю бездну вкусовъ Осипа Эдмундовича, не тикали, а какъ-то щелкали, словно маленькими сахарными щипцами пытались расколоть воложскій орѣхъ. Становилось тягостно и глупо до остроты.

— Петръ Θεодоровичъ, — не выдержаль я — четвертый часъ. Пора бы на боковую.

Вотъ тутъ-то Гольденблатъ и сорвался. Онъ подскочилъ ко мнѣ, схватилъ меня за борть пиджака и, забрызгивая слюной, фонтанами бившей

межъ черноватыми осколками зубовъ, затараториль:

— Вамъ, молодой человѣкъ, все домой, все, небось, о дѣвочкахъ думаете, все бы на дармовщинку...

— Позвольте, позвольте, я никакъ не могу позволить...

— Нѣтъ, ужъ теперь и мнѣ позвольте. Я за вами наблюдалъ, во всю наблюдалъ. Когда Ирка здѣсь мою репутацію подрывала, вы только губами подергивали. Мнѣ, молъ, плевать. Я домой уйду. Нѣтъ, ошибаетесь, молодой человѣкъ. Не уходите. Мнѣ всего на свѣтѣ дороже репутація. Меня вся Москва знаетъ. У меня покойный великій князь не гнушался заказывать золотой мостъ; у меня адмиралъ Дубасовъ...

— Не орите на меня, — вскипѣлъ и я въ свою очередь — никакими губами я не подрагивалъ. А ужъ если хотите знать, плевалъ я на вашего покойнаго князя, на вашу Ирку и на все прочее.

— Вы слышите, вы слышите, Петръ Θεодоровичъ, какъ вашъ протезъ благороднѣйшую барышню оскорбляетъ. Да знаете ли вы, господинъ студентъ, что Ирина Николаевна — изысканнѣйшая дѣвственница, что такихъ, какъ вы, она и на порогъ не пускаетъ. Петръ Θεодоровичъ, я васъ въ послѣднѣй разъ призываю высказаться.

Петръ Θεодоровичъ всталъ, вышелъ на середину комнаты, взялъ за руку меня и Гольденблата.

— Вотъ что, ребята, — сказалъ онъ какимъ-то исключительно внушительнымъ тономъ — немедленно миритесь и сговаривайтесь. Иначе ноги моей у тебя, Гольденблатъ, не будетъ, а тебя, Юрій, изъ списка друзей исключу. Ну, живо.

Мы нехотя пожали другъ другу руки.

— Петръ Θεодоровичъ, — началъ было я — собственно я не знаю, за что на меня господинъ Гольденблатъ накинулся.

— Брось, брось. Знаешь отлично. Видишь, какъ его дѣвченка взволновала. Онъ человѣкъ дѣйствительно почтенный, добрѣйшій, но понимаешь ли, любовь опустошающая, фантастическая...

— Петръ Θεодоровичъ, — залепеталъ мигомъ растаявшій Гольденблатъ — это только ваши предположенія.

— Не смущайся, Эдмундовичъ, гордись. Дѣвка, очень стоящая. Ну, довольно, будетъ, о дѣлѣ поговоримъ.

— Да, да, о дѣлѣ, именно о дѣлѣ, — подхватилъ Гольденблатъ — забудемъ ссоры и о дѣлѣ. Я, дорогой юноша, какъ Петръ Великій, страшенъ во гнѣвѣ, неистоцимъ въ добротѣ.

Я посмотрѣлъ на «Петра Великаго» и закусилъ губу. Голова его, напоминавшая взъерошенный кочанъ, прыгала по противоположной стѣнѣ, заостренная жиденькой бородкой. Пунцовый галстучекъ развязался и недостатокъ пуговицъ на манишкѣ обнаруживалъ буйную растительность.

— Осипъ Эдмундовичъ, а сколько лѣтъ Иринѣ Николаевнѣ?

— Понимаю, господинъ студентъ, на разницу лѣтъ и наружностей намекаете. Дѣйствительно, Вулканъ и Венера. Лѣтъ ей немного, двадцать одинъ, но опытъ огромнѣйшій, и добродѣтель тоже огромная.

— Юрій Павловичъ, — вмѣшался Петръ Θεодоровичъ — о сеіей, какъ онъ ее назвалъ, Венерѣ я тебѣ хоть цѣлый день рассказывать буду, а сейчасъ потолкуемъ о серьезномъ. Займи мѣсто за столомъ. Гольденблатъ, маршъ на диванъ и — за диспозицію.

Мы присѣли и на этотъ разъ разговоръ быстро привелъ къ благополучному окончанію. Я соглашался на все. Любой цѣной я рѣшилъ купить право какъ можно чаще видѣть эту рѣшительную барышню. Да и ползущій парный разсвѣтъ оказалъ свое дѣйствіе. Въ концѣ концовъ, не все ли равно. Если и Петръ Θεодоровичъ такой, то ужъ куда мнѣ? Хорохориться не къ чему. Не хочу быть чистюлькой. Десять процентовъ съ третьей карты? Отлично. Доклады на жгучія темы? Еще лучше. Могутъ ли привлечь идейную часть студенчества? О, конечно. Договорились о первомъ вечерѣ и присоединились къ остальнымъ гостямъ.

Ирины Николаевны уже не было. Она уѣхала домой. Я подождалъ, пока Петръ Θεодоровичъ расправлялся съ копченымъ гусемъ и разсѣянно

слушалъ, что мнѣ нашептывалъ господинъ, похожій на почтеннаго доктора.

Звенѣли первые утренніе трамваи. На двадцать четвертомъ номерѣ въ сторону Лефортова ѣхали хмурые, оборванные люди. И гдѣ-то за Москва-рѣкой пробуждались вѣддливые фабричныя гудки.

— Петръ Θεодоровичъ, а что эта... Ирина Николаевна дѣйствительно дѣвственна?

— Не знаю, отецъ, не осматривалъ. Знаю, что изящная нога лучше дѣвственницы.

О, Петръ Θεодоровичъ! О ревностный собиратель твореній отцовъ церкви! Какъ растаяла его слава въ это ноябрьское слякотное утро. Какими порочными преступными синяками сковалъ разсвѣтъ его ученѣйшіе близорукіе глаза, что, какъ двѣ неутомимыхъ гончихъ сквозь стекла пенснэ накидывались на юнаго неискушеннаго референта.

4.

Въ карты мнѣ приходилось играть и раньше, задолго еще до университетскаго ученья. Въ Новороссійскѣ гимназистомъ седьмого класса частенько шлялся въ кабачекъ на Стандартѣ, гдѣ въ задней комнаткѣ сражались въ девятку молодые офицерики, греческіе капитаны и нашъ братья-гимназистъ. Но то была игра пустяковая. Зеленѣли трешки, синѣли пятерки, громыхали рублишки.

Рѣдко-рѣдко, когда багровый поручикъ извлекалъ красненькую или попавшійся пижонъ мѣняль оранжевую...

У Гольденבלата ниже пятидесяти рублей и ставки не было. Гольденבלатовская кліэнтура составлялась больше изъ пріѣзжихъ сибиряковъ. Является такая борода, пропускають ее черезъ столовую, накачивають рябиновой, коньякомъ, смертоубійственными смѣсями ликеровъ. Борода въ ражѣ. Бородѣ море по колѣно. На тройкѣ останавливается, на шестеркѣ тянетъ, и ежесекундно лѣзетъ за голенище, гдѣ въ коленкоровомъ мѣшечкѣ потѣють и мнутса пятисотки... До сихъ поръ не знаю, шла ли игра въ честную или съ накладкой. То есть, конечно, совершенно въ честную не могли играть, но можетъ быть ограничивались какими либо значками, вспомогательными средствами. По началу я замѣтилъ, что къ дежурной гуляющей бородѣ неизмѣнно подсаживается Ирина Николаевна и, когда борода карты смотритъ, смотритъ и она, и банкometу моргаетъ — либо бровью, либо сморщить лобъ, либо сжимаетъ вѣреть и стучитъ по столу. Банкometомъ бывалъ и самъ Гольденבלатъ, но лишь по днямъ особо торжественнымъ, въ случаѣ большущаго скопленія играющихъ. Въ дни будничные Гольденבלатъ сажалъ своего «наемнаго убійцу», ласковаго тихаго старичка съ Анной на шеѣ. Старичокъ успѣвалъ каждому новичку повѣдать весь свой формуляр-

ный списокъ. Служилъ на таможднѣ восемнадцать лѣтъ, перешель въ неокладные сборы, достукалъ до пенсіи, имѣеть одну дочь въ Смольномъ, другую за остзейскимъ барономъ, третью на фребелевскихъ курсахъ. Прихожанами Николы на Пескахъ избранъ въ церковный совѣтъ, ни къ какому партіямъ не принадлежитъ, полагаетъ, что народишко распускать опасно, но и въ нагайку свинець зашивать также неумѣстно.

— Ваше Превосходительство, — скажетъ Гольденблатъ послѣ сладкаго — а не порадуете ли вы насъ мастерскимъ и корректнѣйшимъ банкометствомъ?

— А что-жь, дорогой, порадуя, пожалуй. Оно, конечно, поздно вато. Дочка волноваться будетъ. Ну ужъ для вновь прибывшаго на что не рѣшишься.

Тутъ Гольденблатъ незамѣтно совалъ старичку бумажникъ съ деньгами — комедія начиналась. Старичокъ получалъ съ каждаго снятаго банка десять процентовъ и выпрашивалъ ежедневно прибавку—до пятнадцати. Эта его просьба неизмѣнно наталкивалась на сладчайшій, но категорическій отказъ.

— Дорогой и неоцѣненный генераль, вѣрите ли вы честному слову врача, облегчающаго страданія человѣческія? Не то, что пятнадцать, всѣ сто процентовъ отдавалъ бы вамъ, лишь бы порадовать васъ и дочекъ вашихъ. Но поборы полицейскіе заѣдаютъ. Неслыханные, грабительскіе. Живи въ

первой Тверской или второй Пречистенской... дѣло десятое. Пристава — люди нашего класса, съ университетскимъ значкомъ. Сговориться всегда можно. Ну а у насъ, сами знаете, бурбоны, ансьень режимъ. Ничего знать не хотятъ. Вынь да положь. Въ прошломъ мѣсяцѣ пришлось восемьсотъ пятьдесятъ рублей собственныхъ доложить.

Генераль вздыхаль, прижималь къ Аннѣ тщедушную грудь Гольденבלата и на всякій случай выпрашиваль десятку *extra*, на почтовые расходы.

Относительно полиціи и поборовъ Осипъ Эдмундовичъ преувеличиваль. Хотя онъ жилъ и не въ первой Тверской и не во второй Пречистенской, но съ подполковникомъ Николаемъ Трофимовичемъ Удинцевымъ уживался отлично. По воскресеньямъ въ честь Николая Трофимовича устраивался обѣдъ съ «француженками». Изъ «Акваріума» призывались двѣ-три вертихвостки съ длиннѣйшими французскими фамиліями и волжскимъ произношеніемъ. Прибытіе Николая Трофимовича сопровождалось звуками славянскаго марша — усердствовалъ все тотъ же юноша съ семитскимъ профилемъ — и дружнымъ визгомъ всѣхъ присутствующихъ француженокъ. Подъ салфетку прибора Николая Трофимовича подкладывался конвертъ со вложеніемъ. И такъ какъ пробки хлопали поминутно, и такъ какъ щетинистыя щеки подполковника лакировались обильными поцѣлуйми, то для критики конверта не создавалось ни

малѣйшей возможности. Пристрастіе подполковника къ французенкамъ объяснялось единственно бывертами психологическаго подхода Гольденблата.

— Вы, молодой юноша, не понимаете. Къ психологіи каждаго особый подходъ, какъ къ зубу. Одинъ рвешь, другой пломбируешь, третій подпиливаешь. Подполковникъ нашъ о чемъ мечтаетъ? Сравнятся съ московскимъ столичнымъ градоначальникомъ. А градоначальникъ безъ французенки ни шагу. Вотъ вы и представьте, какія именины сердца у милѣйшаго Николая Трофимовича когда онъ французскую рѣчь слышитъ. Приставъ, но начальству не уступаетъ.

Петръ Феодоровичъ оставался на счетъ подполковника при особомъ мнѣніи. По его свѣдѣніямъ, Николай Трофимовичъ жилъ съ кухаркой, рязанской семипудовой бабой. Ирина Николаевна, когда поднимался этотъ стародавній споръ, презрительно улыбалась и скучала.

— Вы подумайте, Осипъ Эдмундовичъ, какой чепухой забиты ваши мозги. Швырните вашему приставу пятьсотъ рублей и дѣлу конецъ.

— Молодо, зелено, отплевывался Гольденблатъ.

Впрочемъ, никто не имѣлъ понятія о дѣйствительныхъ размѣрахъ воскресныхъ конвертовъ.

— Пришлось на этотъ разъ триста вложить, грустно глядѣлъ въ глаза Петру Феодоровичу

Гольденблатъ. Петръ Феодоровичъ сердито чесаль лысину и отмалчивался.

— Что дѣлать, дорогой Юрій Павловичъ. Выживаемость низшихъ организмовъ.

5.

Недѣлю я приглядывался. Не столько къ гостямъ и къ обстановкѣ, сколько къ Иринѣ Николаевнѣ, хотѣлъ съ ней поговорить, раскусить, что за фруктъ. Но Ирина Николаевна ни на пядь не отступала со своей позиціи строго дѣловой женщины. На всѣ мои допросы и подходы отвѣчала рѣзкимъ требованіемъ — «начать работать». Пришлось начать.

Организація рефератовъ въ домѣ Эдмундовича являлась дѣломъ далеко не легкимъ. Участники - студенты должны были соединять въ себѣ: легковѣріе, страсть къ игрѣ, мечтательность, охоту спорить, отсутствіе болтливости. Выбирать приходилось съ исключительной осмотрительно-стью. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ я прибѣгалъ къ помощи авторитета и незапятнанной репутаціи Петра Феодоровича.

— Этого, Юрій, брось. Этотъ на завтра всю Моховую взбудоражить. Или: съ этимъ не возись-пьянчужка, дармоѣдъ и дуракъ. На серьезныхъ людей его рефераты произведутъ отвратительное впечатлѣніе.

Послѣ долгихъ поисковъ я остановился на четверыхъ, которые затѣмъ, въ свою очередь, должны были привлечь еще трехъ-четырехъ и т. д.

Всѣ четверо были въ томъ возрастѣ московскаго студента, когда выборы правленія столовки уже теряютъ всякую притягательность и питомецъ бѣлаго зданія на Моховой останавливается предъ скрещеніемъ двухъ дорогъ: 1) широкой московской жизни и выхода въ адвокатуру, 2) серьезныхъ занятій и оставленія при университетѣ. Всѣ четверо еще не совершили окончательнаго выбора и прелесть половинчатости ихъ душъ не могла не произвести впечатлѣнія на кліентовъ Гольденבלата.

Юристъ Жегуленко любилъ свѣтлые, широкіе, сѣрые пиджаки, шелковое бѣлье, свѣжія перчатки; въ верхнемъ залѣ библіотеки межъ рядами надъ шюпитрами согбенныхъ спинъ онъ проходилъ, благоухая Chevaliers d'Orsay, порождая подозрѣнія въ легкомысліи. Въ зданіи на Моховой чистота бѣлья и модный покрой платья исключали служеніе наукъ Іеринга и Іеллинека. Для своихъ двадцати четырехъ лѣтъ, для пятаго года пребывания въ студентахъ, Жегуленко обладалъ и достаточной лысиной и достаточной искушенностью въ вопросахъ зеленаго поля и ночныхъ развлеченій. Онъ меня понялъ съ одного слова, сразу предложилъ тему- «Власть и право въ теоріи Петражицкаго» — и только спросилъ:

— Но Вы увѣрены, что проигранныя мной деньги будутъ возвращены?

Я былъ увѣренъ и растроганъ.

Въ качествѣ оппонента и безсознательнаго соучастника, Жегуленко привелъ Сашу Колчеданова милѣйшаго англизированнаго купческаго сынка, жившаго въ особнякѣ на Пречистенкѣ и бредившаго невѣроятными авантюрами. Колчедановъ крѣпко жалъ мнѣ руку, благодарилъ за довѣріе и просилъ меня только никому не называть его настоящую фамилію.

— Знаете, до отца дойдетъ; онъ, хотя и англоманъ, но мораль прежняго Рогожскаго кладбища. Ужъ придумайте лучше какого нибудь Сидорова, Петрова, Иванова.

Выборъ остальныхъ двухъ доставилъ множество хлопотъ и разочарованій. То Петръ Феодоровичъ «отводилъ», то объектъ задавалъ неумѣстные вопросы. Мы уже начинали отчаяваться, когда неугомонный Гольденблатъ нашелъ желанную пару въ лицѣ его паціентовъ, братьевъ Выхухольскихъ.

— Полячки, дѣйствительно, такими мать родила, — извивался Гольденблатъ — но мошеники всероссійской складки. Замѣчательнѣе всего, обладаютъ слезнымъ даромъ въ размѣрахъ нечеловѣческихъ. Про науку ли разговоръ, про любовь ли къ отечеству, про ѣду ли, въ случаѣ всего въ глазахъ всегда слезы, большущія, фальшивыя, пре-

фальшивыя, вродѣ какъ бы брильянтища съ Тверской, отъ Тэриза.

Старшій Выхухольскій — Станиславъ — носилъ польскую корпорантскую шапочку и въ совершенствѣ разработалъ «номеръ подъ Пшебышевскаго». Неврастенія, жуткія двусмысленныя слова, угрозы Богу, пророчества о гибели человѣчества... Подходя къ карточному столу, онъ дѣлалъ огромные жуткіе глаза и каждому новичку шепталъ на ухо:

— Что это? Посмотрите на этого бубноваго валета. Это Онъ, я чувствую, что это Онъ.

Младшій — Игнатій внѣшне казался въ конецъ ассимилировавшимся. Широкая московская натура, умѣнье нагонять счета (при условіи неучастія въ платежахъ), цыганскія пѣсни, рѣчи о месіанизмѣ въ Россіи, о возсоединеніи славянства. И въ картахъ размахъ, удалъ...

— Эхъ, гдѣ наша не пропадала, тысячью больше, тысячью меньше. Сибирякъ, прояви натуру.

Сибирякъ проявлялъ и ставилъ дѣйствительно тысячу, Игнатій Выхухольскій примазывалъ одинъ рубликъ, который потомъ, при возвратѣ имъ проигранныхъ денегъ, обозначался въ его счетѣ десятью рублями. Обоихъ Выхухольскихъ въ виду безнадежности контроля за «проигрываемыми» ими суммами пришлось скоро перевести на проценты.

Такъ или иначе, но рефераты состоялись. Грѣхопаденіе Юрія Павловича Быстрицакаговходило въ новую фазу. Къ чести моей надо сказать, что съ перваго же реферата я правильно учелъ обстановку и оградилъ свою душу отъ бесполезныхъ угрызений. Путемъ какого то особаго Моховаго мальчишескаго гегельянства я сумѣлъ раскусить опасный грѣхъ: подъ скорлупой шантажа оказалось разумное ядро презрѣнія. Не было жалко никого. Да и можно ли было въ сущности жалѣть?

Присяжный повѣренный Челенцевъ, трибунъ, либераль, политическій защитникъ, подъ шумокъ черезъ помощниковъ своихъ занимался дѣлами о желѣзнодорожныхъ увѣчьяхъ. То, что онъ успѣвалъ награть на отрѣзанной ногѣ машиниста, на поломанной рукѣ стрѣлочника — преисправно привозилось въ нашъ переулочекъ. До полуночи горячился Челенцевъ на темы благороднѣйшія и ни за какія сокровища міра не хотѣлъ онъ уступить нравственнаго обоснованія права. Въ эти страстные часы состязался онъ съ Жегуленко и Выхольскимъ старшимъ. Петръ Федоровичъ держалъ строжайшій нейтралитетъ и вступалъ въ споръ лишь для преподаванія библіографическихъ указаний.

— Простите, коллега Челенцевъ, говоря о пролегоменахъ имѣли ли вы въ виду изданіе пер-

воначальное или то, которое находилось подъ рукой у Владимира Соловьева?

Ирина Николаевна приходила на рефераты въ глухомъ черномъ платьѣ и, когда принимала она сторону Челенцева (а случалось это неизмѣнно), трибунъ уставлялся въ бѣлую полоску тѣла, спашуюся изъ подъ строгаго англійскаго воротника.

Послѣ полуночи генераль изъ неокладныхъ сборовъ открываль иное засѣданіе. Ирина Николаевна подсаживалась близко-близко къ трибуну и, пока жалъ онъ ей руку, старичекъ изъ неокладныхъ сборовъ принималъ сигнализацию о картѣ трибуна. Послѣ полуночи горячился Челенцевъ по настоящему, по искреннему. Тяжко задыхался, огромнымъ платкомъ тщетно старался остановить ручьи пота, гигантскимъ напряженіемъ воли тщетно старался остановить изсякновение бумажника... Таяло сердце Челенцева, таяли его заработки и, какъ то подъ утро, старшему Выхухольскому признался трибунъ, что уже затронуты деньги клиентскія.

А потомъ черезъ недѣлю хлопотливая вечерняя газетка извѣстила насъ о жалобѣ, поданной прокурору увѣчными желѣзнодорожниками, объ арестѣ присяжнаго повѣреннаго Челенцева и о предстоящемъ громкомъ процессѣ.

Братья Выхухольскіе блеснули въ этотъ день величиной ихъ слезнаго дара, Петръ Феодоровичъ молчалъ, Гольденблатъ бѣгалъ по бухарскому изъ Прохоровской мануфактуры коври, ломая каран-

даши, изыскивая новаго кліента изъ лѣво настроенной и денежно солидной интеллигенціи. Я смотрѣлъ на Ирину Николаевну. Я смотрѣлъ на нее уже второй мѣсяць. Она молчала по прежнему «о пустякахъ», ея краснорѣчіе было неисчерпаемо въ дѣлахъ...

Я проводилъ ее до самой ея квартиры въ Большомъ Афанасьевскомъ. И отъ Лубянки до Арбата всю дорогу разпширивала она о начинавшемъ входить въ извѣстность строителѣ мостовъ, инженерѣ Тырковскомъ.

— Будетъ хорошій кліентъ. Юрій Павловичъ, за большую деньгу могу купить ваши десять процентовъ.

Уже у парадной двери я не выдержалъ и спросилъ:

— Вамъ не жаль Челенцева?

И, возясь съ ключами, обычнымъ глухимъ ироническимъ голосомъ она отвѣтила:

— Чудакъ вы. Станный вопросъ. Конечно, жаль. Но что же, дѣлать? Пусть неудачникъ плачетъ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ играть на деньги безногихъ стрѣлочниковъ.

...Я шелъ по большому Афанасьевскому. Стекларусомъ завивалась первая мятель и отвыкшія отъ снѣга вороны каркали изрѣдка и неувѣренно. Играетъ ли Ирина Николаевна или она и въ самомъ дѣлѣ такая? Ну хорошо, и я не слишкомъ чистъ, и у меня наготовѣ вереница оправданій... Но женщина съ нимбомъ волосъ золотистыхъ, съ

пряжами, посѣдѣвшими въ пушинкахъ... Откуда это безстрастіе? Послѣ великихъ страстей? Отъ великой пустоты?... Въ хлопья сгущался стекларусь. Въ двухъ шагахъ невидимкой топоталь встрѣчный, бубенцы звенѣли, какъ за сценой, въ концѣ гигантскаго зала... И при переходѣ черезъ Арбатъ почти сшибли меня разлетѣвшіяся сани. Роясь въ снѣгу я ищу заледенѣвшими пальцами шапку, а знакомый голосъ кричитъ:

— Ого-го, чуть своего не убили...

Петръ Феодоровичъ въ длиннѣйшей медвѣжьей дохѣ подбѣгаетъ ко мнѣ, путаясь въ полахъ, и, пока я ищу шапку, шепчетъ:

— Счастливѣйшая встрѣча, отецъ, со мной въ саняхъ Тырковскій.

Черезъ десять минутъ мы сидимъ въ «Прагѣ». Бритый мужчина въ синей поддевкѣ и лакированныхъ сапогахъ поглаживаетъ квадратный подбородокъ, поправляетъ ежикъ. Онъ смотритъ въ карточку, слушаетъ изогнушагося полового. Брезгливо сжимаетъ толстыя красныя губы.

— Н-да, милѣйшій профессоръ.... Пованиваетъ въ Первопрестольной. Людишки — дрянцо кисельное, и кабаки не лучше. Изюминки въ нашей жизни нѣтъ.

— А что вы называете изюминкой?

Тырковскій съ высококомѣрнымъ удивленіемъ глядитъ на меня.

— Изюминкой, молодой человекъ, не имѣю чести знать вашего имени отечества, называю я

умѣніе доводить все до конца, раскрывать россійскіе ларчики. Строишь мостъ? Отлично, строй. Но не давай вокругъ себя воровать. Необходимо воровать? Воруй самъ, самолично пѣнки снимай, а десятниковъ, поставщиковъ, прочую сволочь чалдонскую въ ежевыхъ, въ ежевѣйшихъ... Иначе что выходитъ? Строить россіянинъ мостъ, самъ ни шиша, другіе сто шишей, а воромъ прослыветъ именно нашъ честнѣйшій строитель. И такъ, господинъ профессоръ и вы, молодой человѣкъ, во всемъ рѣшительно отъ пупа до тормазовъ Вестингауза. Покупаешь домъ, держись, назовутъ тебя буржумъ, потовыжимателемъ, крѣпись и знай одно: дави на жильцовъ. Въ карты играть сѣлъ, смотри въ оба, чтобъ не обставили. Не увлекайся дублировать. Выигралъ сто, двадцать отложи. Всегда будь строителемъ, а строительское правило: изъ рвани не строить. Ужъ если балки, такъ желѣзныя, ужъ если шпалы, такъ дубовыя. Вотъ оно какъ, а вы говорите. Нѣтъ, братцы, пованиваетъ Первопрестольная, кончается.

Петръ Федоровичъ прожевываетъ разстегайчики и вѣжливо вступается за Первопрестольную... И румыны, тѣ-же красноглазые, красноперые румынскіе наглцы на скрипкахъ, вознесенныхъ въ высь, кистью, дрожащей въ агоніи, вымучиваютъ неизбывныя удушающія пѣсни... Безсмертная, смертоносная пошлость... И, какъ всегда, вчера и годъ назадъ, краснорѣчивѣе отъ красныхъ румынъ завивается рѣчь Петра Феодо-

ровича, перескакиваетъ съ отцовъ церкви на дѣвочекъ на Страстномъ, съ проекта Мурманской дороги на одну, знаете-ли интеллигентнѣйшую квартиру въ Лялиномъ переулкѣ, гдѣ хозяинъ — строитель жизни, гости мечтатели и гдѣ просвѣщенный, вродѣ господина Тырковского, гость дышетъ воздухомъ горнихъ сферъ... Праздничными накрахмаленными монахинями (въ тактъ «Пожалѣй ты меня») — и цыганская пѣсня иной разъ литургія — снуютъ полове, безшумные въ разноскѣ подносовъ, безропотные къ кислымъ рѣчамъ тяжело захмѣлѣвшихъ гостей. Раскрывается воротъ синей поддевки, никнетъ ежикъ и угловая, дебелая, кумачнощекая (красно все отъ румынъ съ ихъ пѣснью) дама зазывающе глядитъ на искателя изюминокъ. Хмѣлѣетъ, хмѣлѣетъ господинъ Тырковскій. Онъ уже утратилъ сухость, онъ уже запомнилъ имя отечество молодого человѣка, онъ уже вытащилъ бумажникъ желтаго съ разводами крокодила и хвастаетъ обиліемъ чековъ, аккредитивовъ, оранжевыхъ... Господинъ Тырковскій цѣлуется съ Петромъ Федоровичемъ, господинъ Тырковскій радостно глядитъ въ пенснэ московскаго магистранта... И тѣ ученѣйшіе близорукіе глаза, что, какъ двѣ неумомимыхъ гончихъ, сквозь стекла пенснэ, накидывались на юнаго неискушеннаго референта въ бѣломъ зданіи на Моховой, сегодня сейчасъ, въ угарномъ съ бѣлыми колоннами залѣ лучшаго московскаго кабака, набрасываются на всѣми поро-

ками искушеннаго учителя жизни, строителя мостовъ, покорителя женщинъ, инженера путей сообщенія Аркадія Владимировича Тырковского.

За окномъ стеклярусомъ, какъ прежде, завивается первая мятель. Тише, о, тише, красные румыны, скорѣе, о, скорѣе разбейтесь бубенцы Арбата, потому что снѣгомъ занесло ясные глаза инженера, мятелью и пѣсней наполнило его слухъ. И онъ не слышитъ, какъ черезъ два, три дня сухопарый ласковый старичекъ съ Анной на шеѣ, съ дочкой въ Смольномъ, скажетъ подсиповато: „Bon pour la banque“!..

И онъ не видитъ, какъ черезъ два-три дня стройная женщина въ нимбѣ золотистыхъ волосъ, въ черномъ глухомъ платьѣ, возьметъ его за руку моргнетъ глазомъ, дрогнетъ бровью — и воронкой засосетъ чеки, аккредитивы, оранжевые... И еслибы живой въ пѣснѣ румыновъ и мятели могъ увидѣть себя самого мертвымъ, то грохнулся бы о земь инженеръ Тырковскій. Съ прострѣленнымъ вискомъ, въ роскошномъ кабинетѣ злосчастнаго Мамонтовскаго «Метрополя», лежалъ его трупъ. Онъ строилъ мосты, онъ всюду находилъ изюминки и онъ пришелъ въ проклятую квартиру въ Лялиномъ переулкѣ... На Мамонтовскомъ «Метрополѣ» фронтосписью Врубеля слова изъ Нитче:

«Тотъ, кто строить свой домъ, научается жить».

Не научился Мамонтовъ, не научился и инженеръ Тырковскій.

Жарьте во всю, красноглазые красноперые руныны... У, какіе трескучіе крещенскіе морозы, какъ трудно рыть могилу въ такой морозъ, могилу для гордаго человѣка, не простившаго себѣ минутной слабости!

Лялинъ переулочъ... Лялинъ переулочъ...

Ирина Николаевна перешла и черезъ этотъ трупъ.

Ирина Николаевна молчить, она еще разъ побѣдила, она еще разъ нажила... Но и я... и мои десять процентовъ не малы. Инженеръ Тырковскій оставилъ въ Лялиномъ переулкѣ не одну сотню тысячъ...

Братья Выхухольскіе обильно плачутъ и провожаютъ гробъ до самаго кладбища...

7.

Въ моей новой квартирѣ на Молчановкѣ шесть комнатъ. Я встаю ровно въ одиннадцать, ровно въ полдень мчитъ меня сѣрый съ яблоками рысакъ въ Толмачевскій, за Петромъ Федоровичемъ. Петръ Федоровичъ остался вѣренъ той же квартирѣ, куда первые пришли томы твореній Отцовъ Церкви. Онъ только заплатилъ отступное хозяйкѣ и теперь въ Толмачахъ, въ мѣщанской квартирѣ, онъ одинъ. Прибавилось еще двѣ

клѣтушки. Но Петръ Феодоровичъ скупаетъ литературу по раннему Ренессансу-и скоро и въ цѣлой квартирѣ негдѣ будетъ приткнуться его студенческой койкѣ.

Съ полчаса мы бесѣдуемъ о новостяхъ книжнаго рынка, потомъ застоявшійся рысакъ швыряетъ въ глаза горсть талаго снѣга и въ ресторанѣ «Эрмитажъ», что на Трубной, элегантный фракъ француза метръ д'отеля кинется навстрѣчу за-всегдатаямъ...

Дологъ, увѣсистъ, пьянъ нашъ завтракъ. Петръ Феодоровичъ подѣшефе, онъ спѣшитъ къ Шибанову, послѣ завтрака онъ готовъ платить любыя цѣны за шибановскіе уники. А я... Я мчусь на Ильинку. Мнѣ скучно у Сіу, мнѣ опостылѣли Ильинскіе котелки и скопческія рожи мѣняль. Но Ирина Николаевна требуетъ.

— Поучитесь биржевому дѣлу, тогда сможете бросить Гольденблата.

— А Вы со мной?

— Кто знаетъ, быть можетъ...

Она уходитъ, сверкнувъ въ солнечномъ лучѣ нимбомъ. О, единственная, очаровательная, отвратительная! . . . О, эта мощь короткихъ плебейскихъ пальцевъ ея красноватой руки, приноровленной для подсчета денегъ и подписи чековъ болѣе, чѣмъ для объятій!..

И я на Ильинкѣ...

Я «интересуюсь»...

Я интересуюсь всякой чертовщиной. И ко мнѣ привыкли. Скопческія рожи не удивляются больше моей молодости! въ боковомъ карманѣ моего пиджака сѣрѣтъ чековая книжка текущаго счета въ московскомъ купеческомъ банкѣ. Я могу выписать десять тысячъ, двадцать, тридцать, пятьдесятъ. Ко вчерашнему дню мой счетъ перевалилъ за шестьдесятъ. Гольденблатъ совѣтуетъ купить домъ. Ирина Николаевна не разрѣшаетъ: идиотизмъ, малый процентъ, хлопоты, только металлургическія. «Металлургическія» ей посовѣтоваль плѣшивый толстякъ, съ которымъ она вчера провела вечеръ въ отдѣльномъ кабинетѣ «Эрмитажа». Онъ не то директоръ завода, не то банкoveцъ.

— Что-жъ съ нимъ дѣлали до полуночи?

— А вамъ какое дѣло?

— Какъ . . . Я полагаюсь...

— Ничего не полагайте, а зарубите на носу. Я пустяками не занимаюсь. Вы мнѣ сравнительно нравитесь. Но, если будете мѣшать мнѣ въ дѣлахъ, тогда... сами понимаете...

Я молчу, я понимаю, я никну. И подъ утро у Гольденблата посоловѣвшими глазами наблюдаю обычное: сигнализируетъ Ирина Николаевна и «дежурная жертва» потѣетъ и разоряется... Петръ

Феодоровичъ играетъ съ достоинствомъ и... безъ риска. Вѣдь онъ профессоръ. Гордость собраній Лялинаго переулка.

Моя репутація среди гостей Гольденблата за эти два мѣсяца замѣтно измѣнилась. Раньше я сходилъ за молодое «дарованіе», «будущаго профессора», теперь я — «молодой, но блестящій дѣлецъ», «будущій король биржи»..

Иногда я бесѣдую наединѣ съ четырьмя референтами. Выхухольскіе собираются уѣзжать въ Польшу, открывать контору по экспортъ-импорту, Жежуленко копить деньгу для обезпеченія спокойныхъ научныхъ занятій, Колчедановъ за-скучаль, разочаровался въ авантюрахъ и часто манкируетъ...

Мнѣ же иного выхода нѣтъ. Сердце мое укушено. Люблю ли я ее или ненавижу? Будетъ видно по результатамъ. Можетъ придти день, когда я ее отравлю. Убить? Нѣтъ... Я ея вѣрный ученикъ. За ея смерть сидѣть на каторгѣ? Никогда. Незамѣтно отравлять мышьякомъ... Или... Любить, любить, до самоуничтоженія.

Ахъ, еслибъ она не была такъ пошла! Въ ея душѣ пятьдесятъ тысячъ лакеевъ... Ея душа обратительнѣй ея рукъ...

Гольденблатъ ломаетъ карандаши и говоритъ, что я однолюбовъ, а значитъ неврастеникъ.

— А вы то?

— Что я?

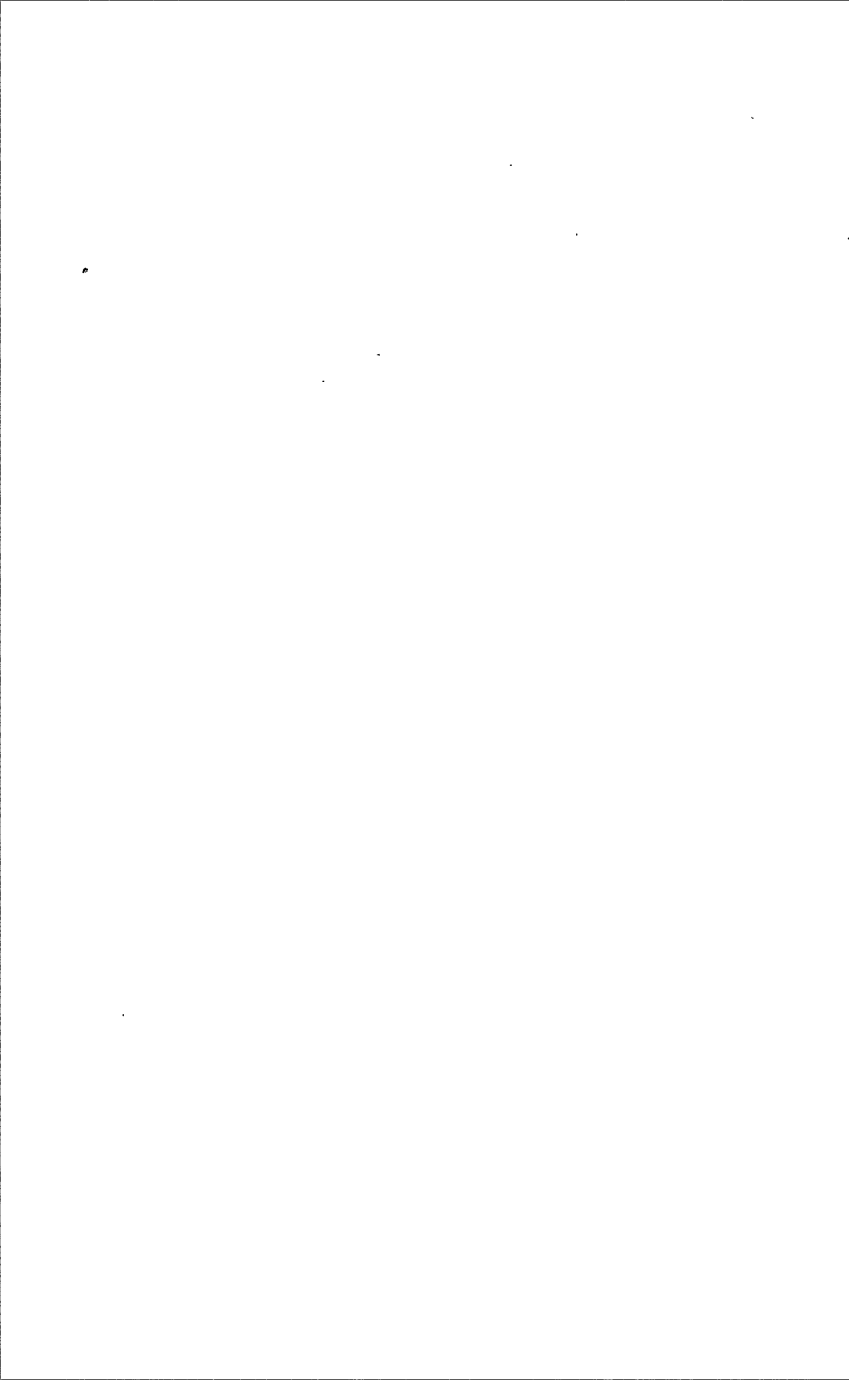
Слюна брызжетъ фонтаномъ...

— Вы старая лиса и мой развратитель.

— Ну . . . то-то же . . .

Идиллія, тишина, ожиданіе гостей, чтеніе газетъ... Потомъ толчокъ, сердечный перебой . . .

Это значить: она вошла.

VIII

Дѣвочки, дѣвчонки . . .

1.

Каждая изъ нихъ хотѣла остаться ни съ кѣмъ несравнимой. А потому я и «рѣшилъ вовсе бросить ихъ». Это о дамахъ, о дѣвицахъ. Оставались дѣвочки, дѣвчонки. Оставался запахъ не слишкомъ дорогихъ духовъ, шуршанье шелковыхъ юбокъ, ѣдкій, разлагающійся осадокъ. Зачѣмъ? Для чего? Да вотъ хотя бы затѣмъ, чтобъ постараться задавить память объ Иринѣ Николаевнѣ.

Гольденблатовскій періодъ окончился безъ шума, безъ скандаловъ. Просто, какъ послѣ тяжелой болѣзни, проснулся я однимъ апрѣльскимъ коралловымъ утромъ, раскрылъ окна, полюбовался куполами Христа Спасителя и рѣшилъ — довольно, будетъ! Если къ честной жизни возврата нѣтъ, то хоть плутовать будемъ иначе. Въ свѣжести весенняго вѣтра, въ пляскѣ солнечной пыли угасли всѣ чувства и къ Иринѣ Николаевнѣ. Показалась она мнѣ гниlostнымъ рокфоромъ, что подавали вчера въ Эрмитажѣ. Оставь его на ночь, поползеть по столу.

Эванъ, эвой, налейте чаши
Несите свѣжіе вѣнки!..

И сталъ я искать свѣжіе вѣнки, искалъ четыре года подъ рядъ до самой войны, когда пути предопредѣлились и явились новыя полнокровныя развлечения...

Я просыпался съ одной ужасной мыслью: какъ бы развлечься сегодня вечеромъ? Я былъ во власти того настроенія, которое на Западѣ порождаетъ клубъ самоубійць, а въ Москвѣ особую предгрозовую неврастенію.

Люди жили, какъ на постояломъ дворѣ. Въ дождь и въ снѣгъ, въ ведро и въ гнилую оттепель — по Арбатскимъ переулкамъ сновали неукротимые призраки. Выбоинами гноились площади. Въ окнахъ Чуева, Филиппова, Виноградова лоснился постный сахаръ и увядали булки, у Шустова были свои особые счеты съ живописью, трамваи усиленно рекомендовали «Уродональ» Шателена, и въ литературно-художественномъ кружкѣ, въ двухэтажномъ облупленномъ зданіи на Большой Дмитревкѣ заѣзжій свѣтлоглазый французъ проповѣдывалъ энтузіазмъ аудиторіи изъ рахитическихъ юношей и переқисшихъ дѣвъ.

Одинъ писатель, идучи по Театральной и заглядѣвшись на авригу, тройку коней сдерживающаго на крышѣ Большого театра, — не сдержалъ своей истерики и камнемъ ринулся въ снѣгъ, ботиками коричневыми вверхъ къ бѣлымъ каркасомъ затянутому небу. Писателя съѣли три равносильныхъ, равноцѣнныхъ желанія: идти на Куз-

нецкій къ Сіу, иди въ Охотный къ Лапину, иди на Петровку къ Мюрмерлизу.

Пестро подмигиваль Мамонтовскій «Метрополь»: «тотъ, кто строить свой домъ, научается жить» . . .

Одна пожилая артистка приняла стрихнинъ, будучи не въ силахъ совладать съ желтизною кожи на груди. Поэтессы — волосатая, чубатая, стриженная — толпами наполняли аптеки въ поискахъ ціанистаго калія. Поэты — въ смокингахъ, въ желтыхъ кофтахъ, въ мужицкихъ армякахъ — нюхали кокаинъ и бросались въ рѣку...

На Новинскомъ бульварѣ, въ домѣ, загубленномъ фронтонами, сѣдобородый хозяинъ устроилъ маскарадъ въ честь обнаженія, во славу голаго женскаго тѣла. Съ полуночи до полудня запахомъ терпкаго обморочнаго, падальнаго пота наполнялись зала и гостиныя; крющонъ въ виду обилія гостей приготавливали въ мраморной ваннѣ; извергать содержимое желудка въ виду обилія гостей водили не въ уборную, а на черную лѣстницу. Въ конецъ обезумѣлъ безбровый юноша, хозяйскій сынъ, и провожая гостя на черную лѣстницу, твердилъ въ сомнамбулическомъ забытїи:

— Совершенный тоуеп аге, совершеннѣйшій возвратъ рыцарскихъ временъ, въ залѣ розы Франціи, на черной лѣстницѣ нечистоты Франціи.

Петръ Θεодоровичъ разгуливалъ въ крѣпдешиновомъ хитонѣ, обнажавшемъ его костистыя, кустами поросшія ноги. Петръ Θεодоровичъ щурился

ся на Гауризангары, выльзавшіе изъ подъ корсажа розоваго домино, а въ разговорѣ съ хозяйскимъ сыномъ, желая блеснуть эрудиціей по части **toyen age**, приводилъ справку, съ какого года мягкій коленкоръ уступилъ мѣсто бумагѣ «Пепифаксъ».

Въ хозяйскомъ кабинетѣ юный, но знаменитый авторъ «Оживленнаго Саркофага» угрожалъ выброситься въ окно, и хозяинъ, высвобождаясь изъ подъ обезьяньей маски, теребилъ сѣдую клочками бородку и умолялъ взять безъ всякаго обозначенія срока, ну хотя бы триста пятьдесятъ рублей.

Въ передней, въ кабинетѣ, въ вестибюлѣ дребезжали телефоны. Лакеи впадали въ трансъ и, уже не дожидаясь того, что имъ принесетъ телефонный проводъ, хрипѣли въ заплеванную трубку:

— Да, да, еще не поздно, приѣзжайте.

Золотою известкой обрызгивалъ вылупившіяся мѣсяць бѣлымъ каркасомъ затянутыя мостовыя. Но мѣсяца не видѣли, предостереженій мѣсяца не чуяли. Въ часы мѣсяца бѣгали къ мраморной ваннѣ, метались по скользкимъ ступенямъ черной лѣстницы, писали прощальныя письма съ настоятельной просьбой никого не винить и все понять.

За безразличныя тысячи верстъ лязгали вагоны: синіе, зеленые, желтые; въ зеркальныя стекла сибирскаго экспресса глядѣли выжидающія своего праздника деревни. Точили топоры, копили злобу,

въ пьяномъ смрадномъ снѣ сжимали кулаки, пережевывая махорочную слюну:

— Погоди ужо, будя, будя...

Въ зеркальня стекла сибирскаго экспресса лицезрѣлъ я послѣднюю Россію. Для того, чтобъ чрезъ недѣлю, изъ фронтонами заглубленнаго особняка на Новинскомъ, выйти съ отвращеніемъ къ собственной оболочкѣ, взлѣзть на рябого чмокающаго извозчика и поползти сквозь суетливую чванливую, пряникомъ расписанную Москву — на Ильинку, гдѣ скопческія рожи и инородческіе акценты предлагали заинтересоваться новымъ выпускомъ «Грозненская нефть — привилегированная»...

Стиснутыя поясомъ площадей, обезображенныя безжалостнымъ солнцемъ, потѣли кремлевскія стѣны. Какъ вѣковѣчный бродяга на казарменныхъ нарахъ: своего, особаго, масляничнаго праздника выжидалъ и вѣковѣчный бродяга. Скоро, скоро въ амбразуры кремлевскихъ стѣнъ пролѣзутъ фізіономіи Льюисовскихъ дѣтей.

А было:

— Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кирилль, вы всѣ обѣтъ примите мой духовный...

Вдучи на Ильинку, я могъ бы услышать перебои въ ослабнувшемъ пульсѣ сердца Россіи.

Но крюшонъ изъ мраморной ванны, но неврастенія, но «Грозненская нефть — привилегированная»...

Мнѣ оставались дѣвочки, дѣвчонки...

2.

Говариваль Петръ Θεодоровичъ:

— Отець, меньше обобщай, больше суммируй и больше читай Гуссерля. Не бѣда — ѣздить къ Гольденблату. Сіе для денегъ, то есть для будущей независимости! Какъ Тарасъ Андрея, предостерегаю тебя — сынку, погибнешь отъ женщинъ.

Ахъ, Петръ Θεодоровичъ, роковой мой Магометъ изъ Толмачей!.. До суммированья ли мнѣ, до чтенія ли Гуссерля?!

Какъ пьяный гуляка, попалъ я на ярмарочную площадь съ каруселью. Усѣлся на вертящуюся свинью, заиграла шарманка, закричали ребяташки: «Но... но»..., зачмокали язычками... Мнѣ отвратно... Тошнить, тоска, но что подѣлаешь какъ остановить карусель, жалко, вѣдь, обидѣтъ ребяташекъ!..

Сынъ лекаря Санктъ-Петербургской военно-хирургической академіи, недоучившійся студентъ Московскаго университета, голубоглазый юноша въ бобровой, на шулерскія деньги купленной шубѣ съ клешомъ, робѣющей герой съ Ильинки... Я брожу по Страстному бульвару — и морщинистыя дѣвки въ коленкоровомъ бѣльѣ, въ грубыхъ чулкахъ фильдекосовыхъ, хватаютъ меня за рукава, гнусавятъ осточертѣвшую остроту:

— Блондинъ... угости шеколадомъ съ усиками, поѣдемъ!..

Угощаю, ѣду... Такъ проще жить. Въ домѣ ба-

ронессы Нордманнъ, въ концѣ Страстного бульвара, окна номеровъ выходятъ во дворъ. Стѣна въ стѣну. Гдѣ жъ тутъ солнцу заглянуть?.. Значить можно солнца не стыдиться...

Петръ Θεодоровичъ! Первый мой мудрый учитель, каждый Нордманновскій номеръ, каждый Нордманновскій диванъ, каждый Нордманновскій промокшій клоповый матраць расскажутъ такія были, что если бы вы съ вашимъ методологическимъ строгимъ даромъ занялись бы ихъ систематизаціей, собирали бы голоса Нордманновскаго инвентаря — получился бы Россійскій Гомеръ...

Я считалъ, я запоминалъ, но, какъ въ изсякающей каменоломнѣ, мелкими булыжниками осыпаются мои слова, и я жажду, жажду молчанья... Вчера въ Нордманновскій корридоръ дюжіе швейцары въвели молочнаго студентика и собирались уже дубасить его за невзность причитающейся платы. Я уплатилъ за него синенькую. Но потомъ, вернувшись въ номеръ и вдохнувъ запахъ умывальника, матраца, тѣла моей дамы — разсвирѣпѣлъ, и дама со Страстного Бульвара не получила обѣщанныхъ «на счастье»...

— Сволочь ты, котъ, супникъ!

И еще многое, и плевалась, и всхлипывая натягивала дырявые фильдекосовые чулки.

Петръ Θεодоровичъ! Восприемникъ Гуссерля и компаньонъ Гольденблата, поняла ли она, что мѣчу я себѣ самому, за спасеніе молочнаго студента, за послѣднюю отрыжку дряни сердечной?

До потуханія звѣздъ, до утренней Авроры я шлялся по Нордманновскому номеру, Асмоловскими окуриваль умывальникъ, хотѣлъ писать стихи, хотѣлъ заказать портеру, но сѣлъ на подоконникъ, прильнулъ лбомъ къ оттаивающему стеклу и ждалъ, пока воскреснетъ изъ мрака противоположная стѣна. Половой прибѣгалъ не разъ и съ тревогой справлялся, не нужно ли привести новую дѣвочку. Трудно противорѣчить половому и я пошелъ на компромиссъ. Снявъ сапоги, шлепая по корридору, пробрался къ маленькому номеришкѣ и наблюдалъ сквозь крошечную продольную щелочку, какъ молодой армянинъ съ толстымъ кадыкомъ, сопя, взлѣзалъ на взвизгивающую кровать... Половому — троякъ, мнѣ — времяпровожденіе. Ибо безконечна зимняя ночь и лишь въ восьмомъ часу, свѣсившись надъ сходящимися крышами, малокровное утро возвратило мнѣ противоположную стѣну.

Петръ Θεодоровичъ! Простите вашего питомца... Но вы не поймете, на Отцахъ Церкви вы не поспѣете за вертящейся свиньей раскрашенной ярмарочной карусели... Я подымаю за своего перваго учителя заздравный, ночной кубокъ горечи, но отнынѣ я клянусь не слѣдовать болѣе его совѣтамъ...

Эвино! презрѣнье, безстрастіе, новая нѣжность!.. За виномъ любовниковъ слѣдуетъ вино не убившихъ и оттого томящихся убійць.

Зимой одиннадцатаго года, въ разгаръ славянскихъ трапезъ и общемосковского бумъ-бума, съѣздить я въ Парижъ. Дѣлъ никакихъ не было. Преспокойно могъ оставаться на Молчановкѣ и обжираться «Эрмитажными» завтраками. Но ужъ такъ подошло. Отъ Ильинки и Страстного къ горлу спазмы подкатили, запершило, закрутилось... Всѣ ѣздятъ, поѣду и я въ Парижъ, посмотрю на французскихъ женщинъ. Университетъ на Моховой заброшень, полюбуюсь на другой университетъ — Монмартрскій.

Женщинъ французскихъ увидѣть не пришлось. Засасывалъ все тотъ же маховикъ: съ утра мимо столиковъ въ Café de la Paix циркуляція жонглировала ножками, палантинами, автомобильными шинами, и, когда въ полдень угловой ажанъ въ обычномъ жестѣ подымалъ магическую палочку, площадь Оперы со щебетомъ, прибаутками, щипками заливали ажурные чулочки со стрѣлками, безъ стрѣлокъ, черные и mauve..

И дѣвочки, дѣвчонки заманивали растерявшагося москвича строгостью первоначального обращенія, ласковостью послѣдующихъ манеръ.

Нравилось мнѣ въ нихъ то, чего не было, нѣтъ и никогда не будетъ въ русскихъ ихъ коллегахъ. Полное отсутствіе надрыва, слезъ, телефонныхъ звонковъ на завтра, рассказовъ о загубленной жизни и красавцѣ-женихѣ. Веселое, достойное

ремесло . . . Улыбка, равноправность, исключительная опытность.

Въ Петровскомъ паркѣ, въ «Мавританіи» курногая пьяная Дунька и въ пятомъ часу утра умудрялась потребовать «грушу-дюшесь»; на Монмартрѣ: у Монико, въ Rat mort, въ Pigail's, на авеню Макъ - Магонъ, въ укромныхъ особнякахъ, на периферіяхъ, уходящихъ отъ Etoile царствовала спокойная профессиональность.

— Je fait tout mon mieux.. Если ты джентльменъ — сдѣлаешь подарокъ, если нѣтъ — тѣмъ хуже для тебя. Но груши-дюшесь отсутствуютъ. Этимъ товаромъ не торгуемъ.

Полюбовался я на живыя картины, пересмотрѣлъ всевозможныя позы, побывалъ на скачкахъ и у Лаперуза. И... сознаться стыдно: заскучалъ... Великій постъ, а грибами не пахнетъ, а колоколенки не звонятъ, а кухарки не ходятъ съ лицами, опухшими отъ покаянныхъ слезъ и казеннаго вина.

Страшная вещь — русская закваска. Трижды европеецъ, четырежды американецъ, переплыви, моря, вскарабкивайся на горы, закупи всѣ парижскіе банки... Суженаго, ряженаго... Подкрадется бѣсъ, деревенскій, нашъ банный, тотъ самый, что съ аршиннымъ хвостомъ и запахомъ ржаного хлѣба. Нашепчетъ ерунды, воспоетъ хамство, въ перль созданія возведетъ Чуевскій постный сахаръ! Прощай циркуляція, бульвары, напитки

кассисъ-ситронъ, ажанъ съ палочкой и чулочки mauve . . .

Съ Молчановки писала горничная Оеня, оставленная для присмотра за квартирой: «хватера въ полномъ порядку, окромѣ того, что Петръ Θεодоровичъ заходятъ почитай кажиное утро и о васъ все спрашиваютъ. Скучаютъ они и серчаютъ, что не ѣдете. Письмовъ пришло множество, ужъ не знаю, какъ и быть, то ли пересылать, то ли нѣтъ. Да еще къ святой прикажете ли окорокъ у Генералова заказывать и гардины поснимать»...

Въ послѣдній вечеръ захватилъ я двухъ дѣвочекъ изъ Grand Café, поѣхалъ съ ними на Монмартръ. Еще разъ всѣ пѣсенки выслушалъ, шариками въ сосѣдей пошвырялъ. Одна изъ дѣвочекъ видитъ, что я скучный, не такой, какъ раньше.

— Слушай, ami, хочешь рѣдкую штуку посмотреть?

— Что еще такое? Опять позы?

— Да позы, но какія?!

— Какія бы ни были, всякія видѣль,

— А мужчину съ овцой видѣль?

— Съ овцой?.. Гм.. Этого я дѣйствительно не видѣль. Безъ обмана?

— Если обманемъ, не заплатишь.

Передъ отъѣздомъ въ Россію на такую диковинку посмотреть не мѣшаетъ. Будетъ о чемъ Петру Θεодоровичу рассказать. У него хоть настроеніе и великопостное и готовится онъ говѣть, но выслушать выслушаетъ съ удовольствіемъ...

Взяли такси и поѣхали. Далеко, чуть ли не у самого *Sacré Coeur* гдѣ-то на антресоляхъ, въ небольшой комнатукѣ съ зеркалами по стѣнамъ, бляела овца... А мужчина... На страшномъ судѣ засмѣешься, вспомнивъ его идиотскіе вылупленные глаза. Овечьи глаза въ сравненіи съ ними казались верхомъ сознательнаго страданія.

— Ну, что *ami*, понравилось?

— Да, спасибо, только почему у него глаза идиотскіе?

— Бретонскіе. *ami*, чистѣйшіе бретонскіе.

У *Madeleine* уже продавались фіалки, подснежники, мимозы. Въ поѣздѣ, пришедшемъ изъ Ниццы, на столахъ краснѣли букеты розъ. Въ Толмачахъ, у квартиры Петра Феодоровича, оттепель запрудила улицу, гололедицей опрокинула бочку ассенизаторовъ — и въ домѣ всѣ форточки были на затворѣ. Петръ Феодоровичъ потолстѣлъ, голова его окончательно сравнялась съ обточенной берцовой костью и полки раннего ренессанса вплотную обступили трехногую полотняную койку. Въ Толмачахъ диньдинкала деревянная колоколенка. Мальчишки изъ сѣрыхъ пакетиковъ смастерили лодки и, по колѣна бѣгая въ ассенизационной лужѣ, налаживали судоходство.

— Что новенькаго, Петръ Феодоровичъ, что веселаго?

— Охъ, много отецъ, много. Перво наперво смотри, какую я монографію о Пикѣ Мирандолій-

скомъ добыль, у Шибанова отбилъ. Рѣдчайшая изъ рѣдчайшихъ.

— Да, интересная, хорошая монографія.

— Ну, а въ житейскомъ, Петръ Θεодоровичъ, новости есть?

— Новости, говоришь?

Петръ Θεодоровичъ любовно гладить полустлѣвшій кожаный корешокъ.

— Да, новости, бывший патронъ что?

— Бывшій патронъ? Что-жъ Осипу Эдмундовичу станется. Деньга къ умному бѣжить, дурака обѣгаетъ... Ты только полюбуйся, отецъ, на шрифтъ. Все загубилъ проклятый Гуттенбергъ.

— Петръ Θεодоровичъ, да вы слушаете меня или нѣтъ? Ирина Николаевна, какъ?

— Въ порядкѣ, въ порядкѣ. Говорять, матерью скоро станетъ.

— Ма - а - терью?! Отъ кого-жъ?

— Да отъ своего-жъ законнаго мужа. Дама съ традиціями, иначе не можетъ, какъ не отъ мужа.

— Какого мужа, что вы бредите?

— Это ты отецъ бредишь, а не я. Оставь полку, оставь, поломаешь. Мужъ ея прежній.

— Петръ Θεодоровичъ, плюньте на полку, я вамъ новую сдѣлаю. Имя, имя мужа?

— Да ты, Юрій Павловичъ, рехнулся иль соесѣмъ не въ курсѣ? За инженера металлургическаго, за Бачкарина, кто замужъ вышелъ. Я-ли, ты-ли, Ирина-ли Николаевна?

— Бачкарина, отвратительнаго толстяка, съ которымъ она на биржѣ играла?

— На биржѣ играла — что правда, то правда, а насчетъ отвратительности брешешь. Очень обходительный человѣкъ. Такой мнѣ уникъ подарилъ...

Завтракали конечно въ «Эрмитажѣ». Фракъ метръ д'отеля, изгибаясь въ три погибели, разспрашивалъ о парижскихъ новостяхъ и съ чарующей улыбкой предлагалъ новое крымское вино.

— Вы понюхайте, *monsieur*, запахъ одичь чего стоитъ.

Я нюхалъ, и мнѣ чудился запахъ Толмачевской желтой лужи.

Ночь проводили въ «Мавританіи» съ «постоянной» Петра Феодоровича — Марѳинькой. Задъ Марѳинки. по словамъ Петра Феодоровича, находка для гужевого транспорта. Она требовала «грушу-дюшесь», меня заставляли что-то нюхать, трогать, пить. Мавританское зеркало, разбитое позапрошлой осенью младшимъ Выхухольскимъ (за счетъ Гольденблата), мигало тусклой поверхностью, глядѣло на меня одутловатымъ молодымъ человѣкомъ съ громадными голубыми глазами и блѣдными сжатыми губами.

Молодому человѣку исполнилось двадцать четыре.

IX

Пью чашу до дна

1

Заговорили зовы прошлаго — и всю жаркую, полыхавшую зарницами, осыпавшуюся звѣздами, іюльскую недѣлю, я провелъ въ билліардной близъ Трубы. Играли на интересъ по крупной и въ «русскую», и въ «американку», и въ «батифонъ». Въ полдень валились на диваны, закрывались газетами отъ мухъ и дрыхнули до сумерокъ, пробуждаясь лишь на моментъ, чтобъ выпить графинъ ледяного кваса. Подвернулся на мое несчастье горбатенькій докторъ Нефедовъ-маньякъ билліарда и ночной болтовни. Доказывалъ мнѣ, что тѣ, кто о самоубійствѣ много говорятъ, Маѳусаиловъ переживаютъ и разводятъ потомство Іова. Тѣ же, кто молчокъ, у кого веселая улыбка и радужное настроеніе, зачастую съ крышъ бросаются. Слушалъ Нефедовскія рѣчи и, обливаясь липкимъ погомъ, поглощалъ крошку.

Маркеръ Семенычъ частенько выбѣгалъ на улицу, собственно за папиросами и въ ресторанъ, но кромѣ того приносилъ новости: на улицахъ

манифестаціи, не то нѣмцевъ, не то жидовъ собираются бить. Мы всѣ отмахивались отъ новостей Семеныча, какъ отъ зеленеватыхъ разжирѣвшихъ мухъ, что забирались въ крошку, въ уши, въ ноздри...

Въ пятницу ночью ворвался оголтелый гимназистъ, Нефедовскій сынъ, и сообщил о мобилизаціи.

Послали въ первый разъ за всю недѣлю за газетами и почесали затылки.

Потомъ пошло извѣстное подъ гору, вверхъ колесами. По вечерамъ останавливались трамваи на Арбатѣ, чтобы пропустить стада воющихъ бабъ-проводальщицъ. Горничная моя Феня выбѣжала солдатъ поглядѣть, а въ ея отсутствіе мое новое Делосовское пальто съ вѣшалки свиснули и никеллированные дверныя ручки отвинтили.

Запахло сырымъ мясомъ, вчерашніе разумники сегодня сбѣсились и полѣзли на Пушкина разговаривать о духовномъ смыслѣ войны. Новобранцы слушали и крѣпче сжимали въ потныхъ кулакахъ полученный у воинскаго харчъ: щепотку чая и два куска сахара.

Получалось: «оно, конечно, такъ, но кромѣ того вопче».

И вой, и вой, и вой...

Были алые платочки, вырывая космы сѣдѣющихъ рѣдѣющихъ волосъ. Были шляпы съ плерезами, спѣша заказать форму сестры милосердной. Были радикальные фельетонисты и обезпечивали

себѣ отсрочку по отбыванію воинской повинности. Были купцы въ красныхъ рядахъ, опасаясь, что залежится шелкъ и никому не понадобится «Лориганъ» Коти.

Пріѣзжалъ и государь. Издерганный, жалкій, маленькій. Проѣхалъ мимо толпы, подергалъ лайковую перчатку и въ свою очередь повылъ.

А когда утихалъ вой и къ Новодѣвичьему подкрадывалась заря, съ вокзаловъ — Брянскаго, Курскаго, Рязанскаго, Александровскаго — везли растерзанное пушечное мясо. Въ шестимѣстной молчащей кареткѣ двѣ-три ноги, двѣ-три руки, пять-шесть глазъ.

А когда розовѣлъ Новодѣвичій и улегалась пыль отъ каретокъ, изъ домовъ на Пречистенкѣ, на Остоженкѣ, въ Арбатскихъ переулкахъ, вывалились толпы слезливыхъ, всю ночь проспорившихъ о духовномъ смыслѣ войны.

У Фени убили брата еще до конца іюля. По этому поводу я вручилъ ей десятку на поминаеніе души убиеннаго раба Кирилла и на двое сутокъ лишился покоя. Завыла, заплясала кухня. Плакала съ плясками, горланила со слезами, пила молча и жадно. На третій день Феня объявила расчетъ, заявивъ, что ей сподручнѣй въ милосердныхъ сестрахъ.

У меня была первая льгота и пока что меня не трогали. На всякій пожарный случай я заручился соотвѣтственными поддержками. Выслушавъ двух-

мѣсячный вой, прочтя всѣ фельетоны и всѣ отчеты о торжественныхъ засѣданіяхъ, я далъ себѣ честное слово не принимать никакого участія въ игрѣ, угрожавшей оказаться длительной и безкозырной.

Какъ ни мало интересовала меня политика, я былъ достаточно раздраженъ, чтобы не подойти вплотную къ чуждому мнѣ дѣлу. Разобравшись я понялъ, что одинъ рязанскій мужикъ дороже всей «маленькой героической Сербіи», что самый невыгодный торговый договоръ благоуханнѣе Хеопсовой пирамиды оторванныхъ гнѹющихъ ногъ и что слѣдовательно единственная стоящая вещь — постараться до конца остаться въ сторонѣ. Величественныя обличенія и туманныя благолупости столичной и союзной печати трогали меня не больше, чѣмъ упреки въ дезертиствѣ. Печать — по выраженію мудрѣйшаго русскаго человѣка — это пулеметь, изъ котораго стрѣляетъ идиотическій унтеръ. А дезертиръ — это я чувствовалъ самъ, всей своей кровью—ростокъ живой жизни, не желающей погибать и въ дуновеніи аравійскаго урагана.

Если будутъ очень приставать, соберу остатки денегъ и уйду въ Швецію, Норвегію или въ т. п. страну.

Петръ Θεодоровичъ раздѣлялъ мои взгляды лишь отчасти: лишь въ отношеніи къ самооборонѣ. О смыслѣ войны для Россіи въ его полированномъ черепѣ имѣлась цѣлая груда извилистыхъ незначительностей.

Гольденблатъ, съ которымъ я столкнулся на одной изъ воющихъ прогулокъ по Тверской, расцѣль еще пуще.

— Драгоценнѣйшій юный Казанова! Вспомните, вспомните меня. Поработаемъ во всю. Ахъ, дайте полгода срока, какія дѣла, какія нечеловѣческія дѣла будемъ дѣлать...

Онъ зачмокалъ, уронилъ пенснэ, сѣлъ на извозчика и долго еще посылалъ мнѣ радостные воздушные поцѣлуи.

И Гольденблаты оказываются пророками. Изъ подъ кровью растворенныхъ снѣговъ Воьлини, Подоліи, Балтики выростали изумительные подснѣжники въ синихъ френчахъ, кожаныхъ голифэ, желтыхъ крагахъ, съ револьверомъ, свисткомъ, «индивидуальнымъ» пакетикомъ, съ новымъ образомъ мыслей, съ напроломнымъ образомъ дѣйствій. Цѣлый урожай еще невиданныхъ дѣятелей. Въ курьерскихъ поѣздахъ, на грузовыхъ и гоночныхъ машинахъ, верхомъ и пѣшкомъ заколесили по Россіи молодые люди. Они понимали во всемъ-наиболѣе въ качествѣ шинъ и огнеупорности кровельнаго желѣза, хотя до 1914 они видѣли автомобили лишь издали, а желѣзо на крышахъ. Ихъ встрѣтили свистками, ревомъ, облили интеллигентской грязью.

— Земгусары, земгусары! . . .

Они не смутились. Они знали, что грязь смывается еще легче, чѣмъ кровь. Еще никто не былъ

убить смѣхомъ, еще никто не захлебнулся въ потокахъ радикальныхъ помоевъ...

Подснѣжники, подснѣжники... Подснѣжники на торцахъ Кузнецкаго, подснѣжники въ ухабинахъ степныхъ провинцій. И черезъ годъ вся шестая часть суши покрылась густымъ ковромъ этихъ изумительныхъ колючихъ подснѣжниковъ... Они не только тянулись въ высь, они проросли въ глубь, и изъ разбросанныхъ сѣмянъ, чудомъ жадности жить, вылѣзала новая Россія... Еще у колыхели мѣшечники, еще не содраны обивки голубыхъ первоклассныхъ дивановъ. Но полыхаютъ зарницы.

Я выжидаю, я крѣпко сплю на Молчановкѣ. Но я знаю: я уже не одинъ, Мы перекликаемся разными голосами, можетъ статья-мы еще наставимъ другъ на друга пулеметы. Все равно: наши души вмѣстѣ. Изъ питомцевъ зубного врача Гольденблата выйдутъ дѣятели нашей русской Америки.

— Вы интересуетесь желѣзомъ?

— Я интересуюсь всякимъ товаромъ, я покупаю все, я перепродаю все...

— Вы не боитесь продать ему муку? Говорятъ онъ переправляетъ ее черезъ Швецію въ Германию...

— Ахъ, дорогой, мнѣ это такъ безразлично... Разницу — разницу... Самую большую разницу...

Новымъ воемъ, воемъ подснѣжниковъ, отъ приснопамятнаго града Гапаранды до Ташкента и Мерва завоюетъ шестая часть суши.

Мы не одни, мы не одни, насъ много, насъ много!

Му-жайтесь, му-жайтесь!

Стучать колеса, поють вагоны. Я ѣду, я опять и безъ конца ѣду. Во Владивостокъ за американскими ремингтонами, въ Гапаранду за шведской сталью, въ Ростовъ за донокубанской мукой, въ Ташкентъ за хлопкомъ. Телеграфирую съ каждой остановки:

«Купилъ, подтвердите двадцать пять процентовъ на фактуру».

«Продалъ, подтвердите десять процентовъ на фактуру».

Купить выгоднѣе, чѣмъ продать. Наилучшее припрятать, придержать...

И я: со свисткомъ полированнымъ, съ револьверомъ Наганъ, съ «индивидуальнымъ пакетомъ», съ малиновымъ звономъ шпоръ.

«Земгусары».

«Ловчицы».

«Спекулянты».

«Пиръ во время чумы».

Ладно, ладно, скальте зубы, посмѣйтесь...
Придеи день: поскалите, посмѣйтесь...

Кувака... Кувака...

Кувакчуть узловыя, прмежуточныя, полустанки. И въ самогонкѣ сгорѣвшій вохлякъ гнуса-
вить

Въ Кувакѣ хотѣ упейся,
А сахарочку шишь...

А у насъ сахарочекъ есть, а у насъ сахарочку много... Но мы припрятали, но мы не смѣемся, мы серьезные...

Мы — подснѣжники тихіе... вродѣ анчара...

2.

Иногда приходила звѣриная скорбь.

Въ безсонныя ночи, на верхней койкѣ въ купѣ, когда корридоръ лузгалъ сѣмячки, доносился сквернымъ неочищеннымъ дегтемъ, хоромъ матерщинныхъ словъ.

Въ пасмурныя утра, когда затягивалъ свою арію вентиляторъ и жирной печатью замазывали газетные листы...

Въ воскресные отдыхи, когда бѣлымъ-краснымъ, отъ раненыхъ и сестеръ милосердныхъ, зацвѣталъ Пречистенскій бульваръ...

Въ часы разговоровъ о «должны побѣдить». Почему «должны»? Неизвѣстно.

И клевала, выклеывала мой влачащійся трупъ скорбь. Скорбь была миллионоглавой пьявкой. Главы — убитыхъ, и питались кровью ихъ же. Высасывала подѣ Праснышемъ и Саракамышемъ, подѣ Луцкомъ и Двинскомъ, одной изъ головъ залѣзала на Молчановку, подговаривала грязно-сѣрую мыш-

ку въ ночи промчатся напоминаніемъ объ ускользающемъ, невозвратномъ...

А въ театрахъ уже играютъ не то восемь, не то десять гимновъ, а ветчина уже два шестьдесятъ... Припрятаваю, перепродаю, путешествую.

А Москву бѣженцы съѣли. Котелокъ привислянскій вытѣснилъ старообрядческую, скопческую рожу. На Ильинкѣ не протолпишься. Работаютъ локтями: въ спину, въ бокъ, въ шею.

— Спѣшите, спѣшите, вниманіе, вниманіе. У меня есть товаръ.

— Отойдете на минуточку.

Глава пьявки оборачивалась котелками; какъ кроликъ замороженный, лѣзь я на котелки, и кровь моя перскачивалась въ нихъ, я падалъ, я изнемогалъ. По жиламъ вмѣсто крови жеваными комками толкались сотенныя бумажки. Въ мозговыхъ извилинахъ залегли займы, акціи гранатныхъ, конервныхъ и всякихъ иныхъ на оборону.

Ирина Николаевна? Какъ-то встрѣтилъ ее, не на улицѣ, не въ театрѣ, на вокзалѣ. Уѣхала съ мужемъ на Уралъ, закупать на мѣстѣ кровельное желѣзо.

— Работаете?

— Работаю.

— А Вы?

-- И я слава . . . Богу.

— Ну-ну, увидимся, увидимся.

Мужъ Ирины Николаевны считался уже однимъ изъ первыхъ богачей-нуборишей. Въ концѣ шест-

надцатаго позволили они себѣ роскошь: завести второго ребенка. Ребенокъ получился, а Ирина Николаевна отъ родильной горячки умерла. Говорятъ въ бреду все голосила:

Кувака, ты кувака,
Воейковская вода...

Запомнился мотивчикъ. Вѣнка я не возлагаль. Въ день ея похоронъ находился въ Златоустѣ, покупаль ножи, ножницы, вилки. Да, умерла Ирина Николаевна, а мы ѣздимъ, ѣздимъ. Слава Богу, стучать колеса, воють вагоны, въ случаѣ чего лубой стонъ заглушать.

Кувака, ты Кувака...

Кувакчимъ, кувакчимъ! Грѣхъ жаловаться...

Дни выдавались — ну и дни! Не передохнешь, гдѣ ужъ тутъ объ обѣдѣ, ужинѣ разговаривать. Въ семь утра на Брянскій, подталкивать вагоны съ сахаромъ. Позже приѣдешь — неловко со старшимъ помощникомъ разговаривать. Толкотня, запросы-не пообщаешь. Къ девяти-Ильинка. На Ильинкѣ у Сіу-принять коносаментъ, въ Международный-инкассировать; на биржу-къ одиннадцати. Въ половинѣ перваго въ «Метрополъ» ждуть какіе-то толстые Говорятъ по русски съ нѣмецкимъ акцентомъ. Приѣзжіе изъ Стокгольма. Отъ нихъ къ Гольденблату насчетъ акціонированія его консервной фабрики. Въ пять-въ Москвотопъ, пощупать, нельзя ли уголька по твердымъ, на това-

ришескихъ началахъ. За двадцать минутъ до восьми-на Николаевскій: завтра утромъ въ Петроградѣ важнѣйшее засѣданіе съ англичанами изъ Торговой Палаты.

Обѣдаю въ вагонъ-ресторанѣ. Двѣ сестренки милосердныя лѣтъ по семнадцать все платки роняютъ. Что-жъ, познакомиться можно. Выберемъ въ знакъ памяти усопшей рабы Божьей Ирины блондиночку. Двадцать пять рублей оберу: пожалуйте отдѣльное купэ!

— Ты съ фронта?

Она смѣется:

— Что, заразиться боишься?

Интересно: будь Ирина Николаевна моей женой, осталась бы она жива или такая ужъ судьба. Инженеръ (разсказывали на Ильинкѣ) сошелся съ Шуркой-звѣрькомъ и ѣздилъ съ ней въ Питерь покупать домъ на Каменноостровскомъ.

Вѣнковъ просятъ не возлагать...

... У Гостиного Двора окликнули. Слѣзь съ извозца, вижу пріятель изъ былой Гольденблатовской шати:

— Слышали, слышали, Колечка-то Колчедановъ Мясоѣдовскимъ агентомъ оказался!

— Что-же, повѣсили?

— Натурально. Зайдемъ посидѣть, позавтракать.

— Некогда, ни минуты нѣтъ.

— Хоть въ Квисиссану?

— Не могу, въ банкѣ жду.

Голова горѣла отъ вчерашней московской су-
етни, отъ ночной поѣздной любви. Нагнулся и гор-
стью снѣга обтеръ виски.

— Ёзжай быстрѣй.

По Михайловской гнали новобранцевъ. Угрева-
тый парнюга, размахивая багровыми лапами и не
попадая въ шагъ, горланилъ въ одиночку:

Чаякъ у насъ китайскій,
А сахарочекъ свой,
Пей чаю, сколько хочешь,
А сахарочку шишь...

Гной пополамъ со снѣжной сукровицей сочил-
ся съ тротуаровъ. Въ потемкахъ сшибались по-
стромками парные выѣзды. Въ воздухѣ висѣлъ
матъ нескончаемый.

Х
С Н Ы

Перечель сегодня записи свои. Господи до чего безпорядочно, ненужно, дико. Сказано все, а о главнѣйшемъ молчокъ. Главнѣйшее... главнѣйшее... Гдѣ-же моей жизни главнѣйшее?

Сейчасъ вечеръ, сентябрьскій ясный вечеръ. Часъ назадъ вернулся съ прогулки по этому успѣвшему за сутки осточертѣть городу. Крещатику, переполненный суетливыми нездѣшными физиономіями. Царскій садъ, гдѣ надъ мелѣющимъ Днѣпромъ склонились профили пиджаковъ петербургской и московской кройки. Кофейня «Франсуа», прокуренная, запыленная, затканная пауками, и у билліардовъ говоръ шуллеровъ отъ «Доминика». Тронулась Россія... Побѣжала, заметалась. Охъ, нескоро остановится. По себѣ самому чувствую, не скоро. Зудъ въ ногахъ, отвращеніе къ жизни, усталость, но... изъ края въ край,

*) Въ этомъ мѣстѣ въ запискахъ Юрія Быстрицкаго нѣчто диковинное: не то утерянъ рядъ главъ, не то намѣренное молчаніе объ его жизни въ 1916—18 г.

изъ града въ градъ судьба, какъ вихрь, людей мятеть. Попутешествуемъ. Что-жъ... Здравствуй, старикъ Кэнаръ-Лайнъ. Правда, не такой мнѣ туризмъ мечтался. Ёздить хорошо съ запасомъ неподвижнаго спокойствія въ душѣ; сидѣть на мѣстѣ пріятно съ ощущеніемъ громаднаго движенія внутри. А тутъ все наоборотъ. Безденежные туристы. Несувѣтныя планы. Гуль неугомоннаго политическаго дурачья. И эти случайныя ночлеги. Эти эвакуаціонныя комнаты, неметеныя, холодныя, жуткія. Если бъ были здѣсь сплошныя тяжелыя шторы, опустить бы ихъ, подойти къ столу, еще разъ почитать первую попавшую книгу (хотя бы каталогъ шинъ и моторовъ), извлечь изъ кармана блестящаго шестизаряднаго друга, набрать въ ротъ воды — и да здравствуетъ помогающій смерти законъ Паскаля.

...Сегодня подъ-вечеръ, а можетъ до обѣда, я стоялъ на углу Крещатика и Фундуклѣвской. Все также валила отъ слоеныхъ булокъ обезумѣвшая публика, все также багровый кондукторъ въ три погубели перегибался черезъ окно трамвая, чтобъ сбросить прицѣпившихся безбилетныхъ мальчишекъ, и бѣшено звонилъ: «мѣстовъ нѣтъ, мѣстовъ нѣтъ!» Гдѣ-то вдали у театра надрывались газетчики, гдѣ-то размѣреннымъ суровымъ шагомъ топатаывали германскіе солдаты. Въ окнѣ кондитерской, надъ свѣже выпеченнымъ печеньемъ хлопотали грузныя осеннія мухи. Я стоялъ, смотрѣлъ, слушалъ. Уже по одному выраженію мелькавшихъ

лицъ нетрудно было понять, что отъѣздъ недалекъ. Булки булками, а губы сжаты, а лица-зелень поздней осени, а въ глазахъ грязь засохшихъ колодцовъ...

— Извиняюсь!

— Вернулся домой, прихватилъ пару тысячъ свѣжихъ денегъ и отбился.

— Вы, говорите, желаете получить квитокъ на выѣздъ? извольте, тысячъ тридцать денегъ найдется?

— Я же вамъ по русски говорилъ, ровно въ полъ перваго.

О, великій, могучій языкъ... Въ дни сомнѣній и т. д.

Я стоялъ и слушалъ. Мнѣ наступали на ноги и сердитымъ бѣженскимъ шопотомъ посылали проклятія. Я былъ, какъ зачарованный. Отъ снѣдающей ли грусти, отъ послѣднихъ ли солнечныхъ ласкъ, трудно было оторваться отъ угла Крещатика и Фундуклѣвской... Вѣрнѣй всего боялся я остаться одинъ на одинъ, съ самимъ собой, съ тѣмъ, что лежитъ въ карманѣ. Если до сихъ поръ я не рѣшался... то отчего? Отъ страха, что промахнусь? Отъ стыда, что самоубійство-трусость? Отъ жалости, что вотъ сегодня гуляю въ желтенькихъ туфляхъ, а завтра снимутъ туфли, закроютъ глаза мѣдными пятаками и пожалуйте! Нѣтъ, нѣтъ, все это не то. Не только это. Тутъ и жажда увидѣть Венецію, тутъ и мечта объ англійскомъ зацвѣтающемъ нагорьѣ... Еще въ Новороссійскѣ,

въ дядиномъ кабинетѣ прочелъ въ одной толстой книжкѣ, что знаменитый Линней сталъ на колѣни и заплакалъ, увидѣвъ впервые луга Шотландіи. Я бы вѣроятно отъ Линнея не отсталъ. Блестящій другъ, конечно, возьметъ свое. Вѣдь спорю я лишь объ отсрочкѣ. Воинскій начальникъ давалъ мнѣ отсрочку, дамъ и я себѣ. Отъ самоубійства, все равно, не уйду — это ясно, это рѣшено, это замечено, это стержень, на которомъ вся моя жизнь держится. Думаю не думаю, вспоминаю не вспоминаю, но не было ни одной минуты за послѣдніе десять лѣтъ, когда бъ меня покинуло радостное скрытное сознаніе: живу, гуляю, но мысленно, но теоретически мой палецъ на гашеткѣ. Скверная погода, скрещеніе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, проигрышъ въ карты и въ любви — мысль станетъ плотью, практика теоріей.

Такихъ, какъ я, надо истреблять, какъ чумныхъ крысъ. Раскидывать отравленный хлѣбъ, забивать палками, натравливать терьеровъ. И вотъ, Юрій Павловичъ, дорогой вы мой и малоуважаемый, не станемъ дожидаться суда народнаго и расправимся собственнымъ, гуманнымъ.

Законъ Паскаля...

2.

Любопытнѣйшій случай понаблюдать доставилъ мнѣ этой весной французикъ-офицеръ, который съ миссіей военной пріѣзжалъ въ Москву и все удивлялся, зачѣмъ пріѣхалъ. Была Москва—бѣло-

каменная и стала Москва расплавленная, была l'armée russe и стала l'armée rouge. Ну, да это ни къ чему. Плевали мы и на большія чудеса.

Въ составѣ ихней миссиі было челоуѣкъ пятнадцать офицеровъ. По большей части колоніальный сбродъ, вдали и лауреаты полковыхъ судовъ. Одинъ съ Латамомъ на буйволѣ охотился и въ результатъ, еслибъ не la grande guerre предпринялъ бы поѣздку въ еще болѣе далекія мѣста. Другой во французскомъ Конго прививалъ добрую европейскую мораль неграмъ и допрививался до «превышенія власти», выразившагося въ двойномъ убійствѣ. Словомъ, было чѣмъ похвастать и о чемъ рассказать моему знакомому французикъ. Впродолженіе двухъ недѣль сидѣли мы на Столешниковомъ, въ кафэ, и пожирали пирожныя на па-токѣ. Я жралъ и слушалъ, онъ жралъ и рассказывалъ.

Однажды сию я за обычнымъ столикомъ и жду. Появляется мой французикъ, но не одинъ, подъ руку держитъ другого — совсѣмъ молоденькаго, прыщаваго, рыженькаго. Форма французская, лицо не то еврейское, не то польское. Знакомятъ. Сначала китайщина: „Monsieur Bystrizki, j'ai l'honneur de vous presenter“, и т. п., потомъ называетъ фамилію.

Я такъ спокойно спрашиваю:

— Вы по русски говорите?

Новый знакомый вспыхиваетъ:

— Да, немного. А вы почему догадались?

— Очень просто, фамилія ваша не французская, да и лицо тоже...

Тутъ онъ вспыхиваетъ еще пуше и не даетъ мнѣ фразы окончить:

— Я дѣйствительно въ дѣтствѣ живаль въ Россіи и даже отчасти русское образованіе получилъ, но вотъ уже четырнадцать лѣтъ я живу во Франціи, восемь лѣтъ, какъ натурализовался, трижды ранень и по русски теперь многого не понимаю.

Я слегка (конечно, про себя) удивился — чего такъ человѣкъ на дыбы становится и отъ русскаго языка отгораживается.

Хорошо. Сидимъ мы часъ, сидимъ другой. Въ чайныхъ стаканахъ пьемъ водку, въ кофейныхъ чашкахъ коньякъ, словомъ все въ стилѣ весны 1918. Мой прежній французикъ уже начинаетъ пѣсни пѣть и обучаетъ скрипача мотиву „Lison, Lisette“. Мой новый «французикъ» говорить только по французски (хотя я задаю ему вопросы по русски), но пьетъ серьезно. Потомъ, когда мы хотѣли еще по коньяку выпить, новый французикъ смотритъ на часы и самымъ спокойнымъ тономъ заявляетъ:

— Очевидно, здѣсь нюхать неловко. Мнѣ придется домой ѣхать. Вы не любитель? Роберта не зову, онъ врагъ кокаина.

Я рѣшилъ поддержать марку Гольденблатовскаго компаньона и Дьяконовскаго выученика:

— Я бы съ удовольствіемъ, но, простите невѣжливый вопросъ, у васъ настоящій?

Онъ даже улыбнулся.

— На этотъ счетъ не сомнѣвайтесь. Самый что ни на есть Меркъ. Съ опасностью для жизни чрезъ оккупированную Бельгію голландскіе спекулянты провозятъ. Дѣло стоящее.

Ѣхать, такъ Ѣхать. Робертъ уговариваетъ остаться, увлекаетъ вонъ той угловой шатенкой, которая ему кой-какіе авансы выдала и еще большее сулитъ, увѣряетъ, что у нея и подруги прехорошенькія: одѣты по французски, говорятъ по французски, любятъ по французски.

— Нѣтъ, не обольстишь.. Въ мірѣ двѣ силы, побѣждающія любовь: карты и кокаинъ. За десять пассивовъ подрядъ, за граммъ чистѣйшаго кокаина отдашь все, пожертвуешь привязанностью, репутацией, родными, наукой, искусствомъ. Къ чему сложность, къ чему тянуться во времени, зябнуть осеннимъ утромъ, тосковать звѣриной скорбью въ часы весеннихъ закатовъ? Отъ закатовъ, какъ отъ прекрасныхъ женщинъ: жестокость и грусть, грустная жестокость, жестокая грусть... Отломаль щепочку отъ спичечной коробки, посыпаль бѣлаго порошку, заткнулъ одну ноздрю, втянулъ въ другую и — плевать на все! Ничего не хочется, никого не жаль. Пусть родного отца приведутъ и разстрѣляютъ на твоихъ глазахъ — будешь смотрѣть съ любопытствомъ, но и съ равнодушіемъ...

Такъ (или приблизительно такъ) говорилъ мой новый пріятель. Я даже удивился, слушая его и смотря на него. Шея его тоненькая, цыплячья, никнетъ подъ тяжестью высоколобой, рыжей головы и, какъ стебелекъ слабый въ грозу, перегибается чрезъ высоченный воротникъ голубого мундира. Въ лицѣ, въ глазахъ, въ жестахъ, въ походкѣ, въ голосѣ — роковая собачья старость и невѣроятная заражающая скорбь.

Удивился тому, какъ онъ переродился, говоря о кокаинѣ. Скорбь осталась, но въ мигъ она засверкала, затвердѣла, показалась завидной участью.

...Мы ѣхали по пыльнымъ пустыннымъ бульварамъ. Былъ конецъ московскаго душнаго іюня. Оборванный старичишка съ огромнѣйшей палкой ковылялъ по бульвару. Зажелтѣли мертвенные фонари и тучи всевозможной мошкары съ дракой и жужжаніемъ бросились къ свѣту. У Никитскихъ воротъ чернѣли развалины Гагаринскаго дома, а направо по Малой Никитской въ шестомъ этажѣ казарменнаго строенія послѣднимъ закатнымъ лучемъ горѣли огромныя окна.

— Не выношу такого обилія красокъ, — придушеннымъ голосомъ сказалъ мой спутникъ, — Вы знаете, я потому и съ Салоникскаго фронта отпросился, чтобъ послали въ Россію. Думаль, тутъ революція, боги жаждутъ, у жизни значить одна равнодѣйствующая. Стояли мы лагеремъ у самаго моря. Дѣлать ни черта. Утромъ ученье,

вечеромъ ѣдемъ въ городъ. Удовольствія извѣстныя. Изъ cadaго окна выглядываетъ намазанная гречанка и манитъ пальцемъ. Доблестные наши союзники, англичане, каждый вечеръ новый кабакъ громятъ и по счетамъ принципіально не платятъ. Первое время все это забавляло. Ну, и кокаинъ еще тогда сильнѣй дѣйствовалъ. Теперь хуже. Больно перенюхаль. Да, такъ собственно о чемъ я хотѣлъ сказать? Что-то по поводу красокъ? Да, видите ли, когда городъ опротивѣлъ, сталъ я по вечерамъ уѣзжать верхомъ къ дальней скалѣ. Одиночество, тишина. Садись на траву и нюхашь. Только, смотрю, чертовщина, что-то мѣшаетъ. Долго не понималъ. Знаете что? Слишкомъ обильныя краски... Карминовый закатъ, море чуть ли не цвѣта анилиновыхъ чернилъ, небо мѣняется безпрестанно, въ травѣ свѣтлячки, свѣтящіяся жуки и прочая дрянь. Такая взяла тоска, что хоть на край свѣта. Могъ въ Парижъ курьеромъ. Но въ Парижѣ надрывъ, въ Парижѣ хорошо лишь въ глубоко мирное время. Тутъ пригодилось знаніе русскаго языка. Вы правильно угадали. Я самъ изъ Россіи. Живалъ на югѣ, въ Москвѣ никогда не былъ. Слухами да открытками пробавлялся... Господи, да вы посмотрите, что жъ это дѣлается, да такъ и существовать нельзя!

Послѣднія слова онъ произнесъ съ чувствомъ неподдѣльнаго ужаса. Я встрепенулся, согналъ мрачную сонливость и оглянулся вокругъ. Передъ мной сѣрѣлъ армякъ извозчика, подѣзжавшаго

къ Пречистенскимъ воротамъ. Въ чемъ же дѣло?
— Туда, туда, за рѣку смотрите, — шепнулъ
онъ нетерпѣливо.

Я взглянулъ. За Москва—рѣкой, раскинувшей-
ся какъ чулокъ на коврѣ, вставали четыре огром-
ныя трубы, межъ ними еще мелькали частицы от-
раженнаго свѣта и отдѣльные кирпичи казались
подожженными. И больше ничего. Я посмотрѣлъ
на него съ недоумѣніемъ. Онъ забился въ уголь
пролетки, закутался въ свой непромокаемый
плащъ и, казалось, былъ оскорбленъ моею не-
чуткостью. Остатокъ пути прошелъ въ молчаніи.
У меня тоже закипало раздраженіе. Шибышев-
щина, наигранность, франкоеврейскій Фалькъ,
загубленный вечеръ. Вѣроятно и кокаина у него
нѣтъ. Просто проголодался въ одиночествѣ, не съ
кѣмъ откровенничать, захотѣлось видно расска-
зать о томъ, какой онъ гениальный и какъ его
никто не любитъ...

Дотащились...

Жилъ онъ на Остоженкѣ, въ Мансуровскомъ
переулкѣ. Занималъ по реквизиціи три дорого, но
скверно обставленныхъ комнаты. Бывшій хозя-
инъ квартиры, извѣстный адвокатъ, любилъ штам-
пованный комфортъ, пораскидалъ паршивые ков-
ры, звѣриныя шкуры, низенькіе пуфы. На стѣ-
нахъ торчали передвижники, бездарные, дурацкіе.
Зимняя дорога, среднерусскіе пейзажи и пр. и пр.
Охъ, эти московскіе адвокаты! Возить бы вамъ
не перевозить.

— Пройдемте вотъ въ эту комнату. Здѣсь диваны. И знаете что, хотите я буду съ вами по русски говорить? Вѣдь я вамъ въ кафэ совралъ. Я по русски и до сихъ поръ свободнѣе говорю.

Онъ хотѣлъ улыбнуться, но ужъ больно не шла улыбка къ его виснувшей несчастной головѣ. Получилась омерзительная жалкая гримаса.

— Какъ вамъ будетъ угодно, — почему-то почти грубо отвѣтилъ я и бухнулся на диванъ. — А гдѣ же вашъ кокаинъ хваленый?

— О, не бойтесь, не бойтесь, про кокаинъ я не осмѣлюсь соврать. Это — святое святыхъ. Здѣсь правда истинная, здѣсь альпійскій свѣтъ. Кокаина у меня много. Смотрите, провѣряйте.

Онъ открылъ средній ящикъ письменнаго стола и одного взгляда на упаковку было достаточно. Меркъ, чистокровный Меркъ! Недаромъ потеряно время. Я сразу успокоился и устыдился за свою безпричинную грубость.

3.

Но на него уже накатило. Лицо поблѣднѣло, рыжія кудряшки разметались. Онъ уже потерялъ способность разбираться въ оттѣнкахъ голоса и лишь волновался, что упаковка Мерка черезчуръ сложная и безъ перочиннаго ножа не откроешь.

— Первымъ дѣломъ - бормоталъ онъ, возясь съ флакономъ — спустить жалюзи и избавиться

отъ Москва-рѣки. Довольно, довольно... Сена, Тибръ, Темза... Знаемъ, все знаемъ. А вино будемъ пить?.

— Я думаю, немного бѣлаго не помѣшаетъ.

— Бѣлаго? Да, да, и именно не помѣшаетъ. Сейчасъ пойду въ ледникъ, принесу. Не какое-нибудь, Шабли 1909, будете довольны. Сейчасъ, сейчасъ.

Нетвердой походкой онъ вышелъ изъ комнаты, я сталъ озираться, Онъ успѣлъ меня заразить предчувствіемъ кокаина. Какъ я ни вглядывался въ картины на стѣнѣ, ничего не могъ понять. Передъ глазами плыли инья видѣнія. Все таки онъ неплохой парень и комната довольно симпатичная. Плохо, что пыль не выметають. Да и паутину слѣдовало бы сбрасывать. Странно, что на столѣ никакихъ фотографій незамѣтно. У такого должна быть несчастная любовь, жестокая женщина и все подобное. Надо на тумбочкѣ посмотреть. Я направился въ сосѣдную комнату. Маленькая, четырехугольная, почти цѣликомъ занятая двухспальной орѣховой кроватью съ балдахиномъ изъ розоваго шелка. Пылища какая... Небось, при адвокатѣ выметали... Вниманіе мое привлекло необычайное одѣяло. Стеганое, зеленаго шелка, пухъ легчайшій. Вѣроятно все одѣяло четырехъ фунтовъ не вѣситъ, а грѣетъ здорово. Еще и еще разъ положительно съ завистью я взвѣшивалъ въ рукѣ это отличное одѣяло, отъ котораго шель смѣшанный запахъ табака, сильныхъ мужскихъ

духовъ, мужского пота, нафталина, товарнаго вагона.

— Что, нравится вамъ мое одѣяло?

Я вздрогнулъ. Когда-жъ онъ успѣлъ вернуться?

— Да, отличное одѣяло.

— О, — въ его голосѣ появилась сладкая нѣжность — это мнѣ одна женщина подарила, когда меня мобилизовали. Скверная женщина, вы не думайте, что она отъ любви. Война проняла. Французская женщина подвержена угрызениямъ совѣсти. Вчера мнѣ измѣняла, завтра меня убьютъ. Надо же хоть что нибудь. И все-таки ея одѣяло меня спасало. Въ салоникскомъ лагерѣ по ночамъ сырость, лихорадка бьетъ, скалапендры бѣгаютъ, а я, какъ завернусь въ одѣяло, какъ въ печкѣ.

Онъ подошелъ къ кровати и съ полминуты мы оба держали въ рукахъ это историческое одѣяло. Но я вдругъ опять обидѣлся.

— Ну, нюхать или объ одѣялѣ разговаривать?

Онъ только улыбнулся и любезнымъ жестомъ пригласилъ меня обратно въ кабинетъ. На столѣ стояли двѣ раскрытыя бутылки «Шабли», большая коробка папирось и два «прибора». Это была странная сервировка. Двѣ маленькихъ тарелочки, предъ каждой грамовый флаконъ и по гладкой узенькой щепочкѣ. Онъ хорошо зналъ свою профессию.

— Все въ порядкѣ? — спросилъ онъ неожиданно бодрымъ и звонкимъ голосомъ.

Я радостно улынулся и вмѣсто отвѣта протянулъ ему руку. Мы обмѣнялись дружескимъ рукопожатіемъ и я снова удивился, какъ тогда въ кафѣ при началѣ бесѣды о кокаинѣ: его рука, столь слабая, безжизненная при первомъ рукопожатіи, оказалась теперъ твердой, сухой, энергичной.

— Начнемъ съ вина?

— Начнемъ съ вина.

Съ блестящими, успокоенными глазами онъ подошелъ къ столу и разлилъ Шабли по бокаламъ. Въ этотъ моментъ, гдѣ-то въ другой части квартиры часы прозвонили десять и густой пріятный баритонъ крикнулъ:

— Саша, Кэтти, немедленно спать!

— Кто это тамъ у васъ, не помѣшаютъ?

— О, нѣтъ, нисколько. Такіе знаете несчастные люди. Деньги отняли, квартиру реквизировали, хозяинъ совсѣмъ неплохой человѣкъ, по своему одаренный. Я бы даже позвалъ, но въ отношеніи кокаина онъ страшно плоскій... Какъ дѣтская хрестоматія. А помѣшать-нисколько. Вы обратите вниманіе на вино. Я его съ начала войны вожу. При ночныхъ сеансахъ не замѣнимо. Главное, не подавляетъ дѣйствія кокаина, работаетъ сообща.

Я уже давно не нюхалъ. Съ самага октябрьскаго переворота. Да и ту ночь въ московскомъ подвалѣ считать не приходится. Случайно въ карманѣ вязаного жилета у меня оказался одинъ граммъ,

но всѣ стали просить дать и имъ «хотя бы понюш-ку». Не удивительно, что теперь я сразу почувствовала дѣйствіе: четверти часа не прошло, завозило сердце, замирало и бѣшено стучало, закружилась голова. Странно, что въ подобномъ же положеніи оказался и мой хозяинъ. Объясняю это единственно тѣмъ, что онъ еще съ утра былъ готовъ.

Бесѣда наша принимала безпорядочныя формы. Я ему зачѣмъ-то рассказывала объ Иринѣ Николаевнѣ, о Гольденблатѣ, о ненависти къ Россіи. Онъ не дослушивалъ, перебивалъ и перескакивалъ на свое дѣтство, на свою няню, оставшуюся въ Амьенѣ, женщину, по его словамъ, евангельской доброты и мудрости, на свою парижскую любовницу Раймонду, знавшую свыше тридцати способовъ любви и вынюхивавшую по пять граммовъ за ночь.

— Я и то удивлялся. Нюхаетъ и не слабѣетъ. Только глаза на лобъ лѣзутъ. Спрашиваю, какъ ты не ослабѣваешь. Она смѣется: *Petit salaud* какъ ты не понимаешь. Меня Раймондой зовутъ, Пуанкарэ женскаго рода, развѣ такіе слабѣютъ. Удивительная дѣвочка. Проститутка, жадная, предательская, безсердечная, но сила жизни неслыханная. Пока я около нея былъ, о самоубійствѣ никогда не думалъ.

— А теперь вы думаете? ухватился я, почувствовавъ еще одну точку касанія.

— Какъ-думаю? Это вопросъ рѣшенный, это вопросъ времени. Можетъ быть сегодня, можетъ быть черезъ годъ.

Отъ такой одинаковости возрѣній мнѣ даже жутко стало. Я подозрительно посмотрѣлъ на него: ужъ не издѣвается ли, ужъ не пытается ли угадывать мои мысли? Но онъ жадно втягиваль порошокъ, посыпаль имъ мундштукъ папиросы, смазываль имъ сухія губы и менѣе всего намѣревался угадывать чьи бы то ни было мысли.

— Послушайте, вы вотъ о самоубійствѣ сказали, что это вопросъ времени, что это вопросъ рѣшенный. А знаете ли вы, что это моя мысль, вы ее у меня украли.

Онъ на мгновение оторвался отъ кокаина и ласково посмотрѣлъ на меня уже остеклянѣвшими глазами.

— Чудакъ, — сказалъ онъ, улыбаясь прелестной полудѣтской, полупьяной улыбкой — ваша мысль? Это ничья мысль, ни моя, ни ваша, ни даже нашего столѣтія. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ время, существуетъ стремленіе уничтожить время. У насъ въ лицѣ преподавалъ философію одинъ добрейшій кюрэ. Пьяница, морфинистъ, но человѣкъ крайней чуткости. Онъ мнѣ первый разгадалъ загадку. Открылъ Платона, ткнулъ пальцемъ въ фразу — «послѣ смерти времени больше не будетъ» — и спрашиваетъ: знаешь ли ты, *raisonne diable*, что нужно сдѣлать, если Платону повѣрить? Нужно немедленно

застрѣлиться, утопиться, перерѣзать глотку... Какое жъ еще счастье лучше, чѣмъ отсутствие времени?!

— Ну, и кюрэ вашъ застрѣлился?

Его лицо голекло.

— Нѣтъ, кюрэ оказался при всей его чуткости пошлякомъ. Онъ самъ Платону не повѣрилъ, то есть вѣрить то вѣрилъ, но успокаивалъ себя другой мыслью. Лучше быть живой собакой, чѣмъ мертвымъ львомъ. Кстати, вы на собачьей выставкѣ никогда не бывали? Напрасно, я такъ бывалъ не разъ. Въ Парижѣ, ежегодно на Пасху, въ Grand Palais устраивается собачья выставка. Терьеры, бульдоги, японскіе мопсы, красавцы-пуделя и прочія породы. Вотъ тамъ то я и сообразилъ, что значить быть живой собакой. Одна герцогиня выставила крошечную безшерстную собачонку. Ну не больше, чѣмъ съ кулакъ. Лежитъ эта собачонка въ шикарнѣйшей клѣткѣ, на песочкѣ и на публику лаесть. Идиотка совершеннѣйшая. Ни капли сообразительности, даже собственную герцогиню не узнаетъ. Но лаесть, лаесть, лаесть. Круглая сутки. Рада видно быть живой собакой. Нѣтъ, знаете, я свой голосъ за Платона подаю. Я уже до точки дошелъ. Я съ утра. Уже для меня тотъ моментъ нюханья, когда *je m'en fous de tout*, въ томъ числѣ и на мертваго льва. Если вы еще боковой свѣтъ выключите, совсѣмъ блаженство. Въ данный моментъ мнѣ мѣшаетъ, что боковой свѣтъ зеркало освѣщаетъ и я все на собственную ро-

жу натыкаюсь. Съ ней я и послѣ цѣлаго кило не примирюсь.

Онъ начиналъ впадать въ безпамятство. Разсказаль, какъ въ позапрошломъ году отъ страха предъ нѣмецкой канонадой руку себѣ прострѣлилъ и едва подь военный судъ не угодилъ. Потомъ попросилъ меня принести зеленое одѣяло и разрѣшить ему не разговаривать.

Наступило молчаніе. Я выключилъ и центральный свѣтъ. Походилъ по комнатѣ, послушалъ таканье будильника, посмотрѣлъ въ окно. На улицѣ завываль вѣтеръ, гдѣ то въ концѣ переулка сорвало вывѣску и съ грохотомъ катило по мостовой. Изрѣдка пробѣгали одиночки, испуганно обѣими руками придерживая шляпу. Хозяинъ мой молчалъ попрежнему. Какъ ни примирялъ меня кокаинъ со всѣми возможностями, легкой испугъ закрадывался. Не померъ ли? Я зажегъ боковой свѣтъ и взглянулъ, не прямо на него — страшно было — а въ зеркало. Тамъ я увидѣлъ его изсинелѣдное лицо, разметавшіяся кудряшки, огромные, широко открытые, стеклянные глаза.

— Потушите, потушите, ради Бога потушите!

Я повиновался и почувствовалъ безконечную слабость. Машинально двинулся въ спальню, пребольно хлопнулся головой о дверь и повалился на кровать. О, какіе перебои! какъ бы хорошо на воздухъ или понюхать нашатыря! Очень долго мысли мои работали въ этомъ направленіи. Ходить я не могу, но если сползти и на рукахъ добраться

до окна и какъ-нибудь изловчиться открыть форточку? Но дальше ковра дѣло не пошло. Я оперся о ножку кровати, прижалъ обѣ руки къ сердцу и впалъ въ продолжительное забытѣе. Помню, что подъ утро стало хорошо, ясно, безразлично и только грохотъ пролетовъ и вой вѣтра надоѣдливо врывались въ мою гармонію. Помню, что раза два я дѣлалъ попытку очнуться и доползти до кабинета: гдѣ-то въ глубинѣ кусало безпокойство — что -то тотъ, другой, тамъ, на диванѣ, дѣлаетъ? Упаси Боже послѣдуетъ совѣту кюрэ и... времени больше не будетъ.

Заснулъ я уже послѣ восхода. Мнѣ снилось, что я иду по Альгамбрѣ, межъ двухъ рядовъ мраморныхъ колоннъ, по великолѣпному стрѣльчатому корридору. Я иду, не сворачивая, потому что корридоръ безконеченъ. Съ каждой минутой становится все темнѣе и все страшнѣе. Потомъ наступаетъ полная ночь, а я иду и иду. Какъ быть? Что дѣлать? Я охаю, у меня въ горлѣ спазмы, ноги подкашиваются. Тогда, откуда-то, не то съ потолка, не то изъ-за колонны насмѣшливый голосъ приглашаетъ: «Говорите и получите одѣяло!» — Какое одѣяло? — Такое самое, зеленое, стеганое. — Да зачѣмъ мнѣ одѣяло? почти плачу я.—«Да ужъ затѣмъ. Говорите, говорите»... Я прихожу въ отчаяніе; отъ ужаса, отъ ярости хочется кинуться и загрызть крикуна. Я бросаюсь, натыкаюсь на холодный мраморъ, ору изо всѣхъ силъ и... просыпаюсь отъ столкновенія своей головы съ

металлической ножкой кровати. Въ сосѣдной комнатѣ надтреснутый осипшій голосъ напѣваетъ:
„Connais-tu le pays“.

4.

Онъ уже успѣлъ умыться, переодѣться и въ сѣренькомъ штатскомъ костюмчикѣ напоминалъ маленькаго еврейскаго комми-вожера, истомленнаго безконечной ѣздой, безсонными ночами, волненіемъ, недоѣданіемъ. Я посидѣлъ съ минуту, досадливо посмотрѣлъ на паутину, при видѣ которой еще сильнѣе застучало въ вискахъ, и липкій клубокъ спазмъ подкатилъ къ горлу; отказался отъ кофе и собрался уходить.

— Посидите еще — сказалъ онъ съ какой-то особой убѣдительностью — въ кои вѣки хорошаго человѣка встрѣтилъ, думалъ наговориться всласть...

Разсказовъ-то его я и боялся. Нѣтъ, нѣтъ довольно. Надо на воздухъ. Едва подавляя раздраженіе, я протянулъ руку:

— Увидимся еще, тогда и поговоримъ. Приходите съ Робертомъ въ кафе.

— Нѣтъ, въ кафе я, пожалуй, уже не приду.

— Почему?

Онъ порывисто всталъ, обѣими руками сжалъ мою руку, пристально посмотрѣлъ мнѣ въ глаза, засмѣялся и сказалъ:

— Ну-ну, будемъ надѣяться. Такъ вы значитъ противъ живой собаки? Дай Богъ, дай Богъ.

Онъ проводилъ меня до самой парадной двери и на прощанье еще разъ повторилъ:

— Дай Богъ, дай Богъ.

Вѣтеръ, завывавшій съ ночи, разъярился еще пуще. На углу Мансуровскаго и Остоженки огорченный бакалейщикъ тщетно искалъ свою сорванную вывѣску. Съ Крымской площади неслись цѣлые смерчи пыли, накидывались на шляпы, засыпали глаза, сушили губы. Маленькая гимназисточка въ ужасѣ прижимала къ груди книгоноску и мчалась по вѣтру за убѣгавшей фетровой шапочкой. Вприпрыжку доскакалъ я до извозчика, заказалъ везти себя домой и уже въ дорогѣ задремалъ, а дома повалился на кушетку и мигомъ заснулъ.

Проснулся я отъ сильнаго стука въ дверь. Были уже сумерки; изъ кухни доносилось пѣнье моднаго «яблочка».

— Войдите.

Дверь распахнулась, въ комнату, пошатываясь зашелъ Робертъ. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но губы его задрожали, онъ упалъ въ кресло и началъ судорожно рыдать.

Слава Богу, не было печали, еще одна истерика!

— Въ чемъ дѣло? Что съ вами? Пораженіе подъ Парижемъ?

Вмѣсто отвѣта онъ протянулъ мнѣ рваную четвертушку бумаги. Я подошелъ къ окну и впотѣмахъ разобралъ:

«Дорогой Робертъ! Очень тебя прошу послѣдить, чтобы мое зеленое одѣяло переслали нянѣ въ Амьенъ. Твой Луи.»

Что за ерунда? Какое одѣяло и почему слезы? Это мнѣ, вѣроятно, снится. Протирая глаза и вытягиваясь, я съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на Роберта.

— Вы поняли? — закричалъ онъ.

— Что понялъ?

— Idiot, — выбранился онъ — Луи застрѣлился сегодня утромъ въ одиннадцать и эта записка единственное, что нашли у него въ комнатѣ.

— Луи застрѣлился?.. Что за вздоръ! Какъ застрѣлился?

— Очень просто, изъ Кольта въ ротъ. Черепъ разнесло на куски.

— Почему, какія причины?

— Вы жъ читали: просить передать зеленое одѣяло нянѣ.

— И все?

— Все.

Его хоронили съ военными почестями. За гробомъ шла вся французская миссія. Сѣдоусый толстопузый генераль сказалъ благопристойную рѣчь о заслугахъ покойнаго передъ Франціей. Робертъ плакалъ и наперерывъ рассказывалъ, что Луи былъ такой хорошій, такой хорошій, ну пря-

мо таки, какъ природный французъ. Июльское солнце жгло и ускоряло длительную процедуру; подъ высоченными воротниками багровѣли шеи и господа офицеры торопились домой. Черезъ полчаса я остался одинъ. На мраморную плиту, заваленную официальными вѣнками, я бросилъ горсточку лепестковъ:

— Прими на память отъ... живой собаки.

5.

Въ концѣ Крещатика твякаетъ пулеметь. На витринахъ ювелировъ остались однѣ серебряныя ложки. За стѣной плачуть и возятся съ чемоданомъ. А мнѣ снятся сны. Не хочется и думать объ отъѣздѣ. Я снова переживаю счастливейшія минуты жизни. Ихъ было мало, все какъ-то суета мѣшала. И цѣпь волшебства прерывалась. Безразлично идущее тамъ за окномъ. Надо изловчиться встать попозже, часу этакъ во второмъ дня, пожевать, покурить и снова завалиться на эвакуаціонный диванъ съ выпирающей пружиной. Стоить только захотѣть по настоящему, стиснуть зубы: вчерашній сонъ долженъ продолжаться, долженъ, долженъ... Нѣтъ жизни слаще, чѣмъ во власти сновъ. Онъ длится уже недѣлю. Не сразу, чуть закрылъ глаза. Нѣтъ. Сперва отсутствіе какихъ бы то ни было опредѣленныхъ образовъ, потомъ галиматья отрывочныхъ словъ, словно куски газет-

ныхъ листовъ, строки набившихъ оскомину стиховъ. И только къ разсвѣту закутаешься покрѣпче и млѣешь отъ сладкихъ и страшныхъ предчувствій... Плохо одно: на утро забываешь. Стройность рушится. Но и тутъ я — еще съ Москвы разработалъ теорію: чуть открылъ глаза, галопомъ къ столу и записываю. Сонъ послѣдней Кіевской недѣли мнѣ все-же удалось сберечь цѣликомъ, какъ ни звенѣли трамваи, какъ ни метались по корридору бѣгушіе жильцы.

...Еслибъ не солнце, неумолимое, разъяренное, добравшееся до верхушки горы, я бы разобралъ названіе станціи. Щурю глаза, защищаюсь отъ солнца обѣими руками — и ничего не получается. Во всякомъ случаѣ, судя по произношенію суетящихся носильщиковъ, я гдѣ-то во французской Швейцаріи. Чистенькій поѣздъ только-что отошелъ, и съ площадки задняго вагона мнѣ машетъ платкомъ кузень Ника, умершій отъ чахотки въ Давосѣ уже восемь лѣтъ назадъ. Мнѣ все радостно: сегодня у Ники такой цвѣтушій видъ, такой неложный румянецъ. Я останавливаю маленькую дѣвочку, покупаю букетъ первыхъ весеннихъ фіалокъ и направляюсь къ выходу на вокзальную площадь, гдѣ золотыми буквами сіяетъ вывѣска Сюшара. Я даже что-то напѣваю, какую-то французскую шансонетку.

— Простите, сударь, но мы ни слова по французки, а вы, кажется, русскій...

Я оборачиваюсь и вижу двухъ женщинъ: одну-маленькую, сморщенную, въ сбившейся шляпкѣ, и другую-стройную, высокую, худенькую. У обѣихъ до нельзя растерянный видъ.

— Ради Бога простите, намъ такъ неудобно...

Господи, въ такой-то день и вдругъ неудобно. Ничего не было: ни войны, ни революціи, я исполнилъ свое завѣтное желаніе, — попалъ въ Швейцарію и вдругъ неудобно. Архи-любезнымъ тономъ, держа шляпу въ рукѣ, съ сіяющей улыбкой, я объясняю соотечественницамъ, что буду счастливъ помочь имъ. Договариваюсь почти до глупостей: «почиталъ бы себя преступникомъ» или что-то подобное.

Помочь соотечественницамъ весьма нетрудно. Имъ нужно ѣхать въ Монтрэ, но, благодаря ихъ незнанію языка, носильщикъ рѣшилъ, что онѣ добиваются попасть не въ городъ Монтрэ, а въ отель «Монтрэ» (каковой имѣется въ любомъ швейцарскомъ городишкѣ), и преспокойно потащилъ ихъ вещи по улицѣ. Соотечественницы въ ужасѣ. Я догоняю носильщика, быстро возстановляю нормальное положеніе, выясняю, что поѣздъ въ Монтрэ идетъ черезъ сорокъ пять минутъ и собираюсь откланяться. Но старушка пошептавшись съ молоденькой, начинаетъ меня уговаривать «откушать вмѣстѣ кофею» Я мгновенно соглашаюсь. Увѣренными шагами веду ихъ черезъ площадь (откуда только это знаніе мѣстности), сворачиваю въ переулокъ и вотъ мы уже

на тѣнистой верандѣ, за мраморнымъ столикомъ. Заграницей съ русскимъ человѣкомъ разговариваться легко. Никакого пуда соли ѣсть не требуется. Совмѣстная чашка кофе и вся подноготная извѣстна. Молоденькая приходится старушкѣ отдаленной родственницей. Старушка только довезетъ ее до Монтрэ, помѣститъ въ санаторію и домой, въ Орловскую губернію. Присматривать за ней будетъ господинъ Богдановъ, оригиналь, мизантропъ, богатѣйшій человѣкъ и отдаленный родственникъ. Богдановъ? Это какой, не тотъ, что подъ Невшателемъ въ собственномъ имѣніи фаланстеръ организоваль? Тотъ, тотъ. Довѣріе возрастаетъ. Старушка конфиденціально перегибается черезъ столъ и шопотомъ сообщаетъ мнѣ, что у ея спутницы сильнѣйшій процессъ въ легкихъ. Вагнеръ, профессоръ московскій, откровенно заявилъ, что ни за что не ручается.

— Полно вамъ, тетя, шептать о моемъ здоровьѣ, — перебиваетъ молоденькая, впрочемъ добродушнымъ тономъ — можетъ господину совсѣмъ неинтересно.

— О, нѣтъ, напротивъ, напротивъ. Мнѣ очень интересно. Я имъ настоятельно совѣтую ѣхать именно въ Монтрэ. Въ прошломъ году одна моя добрая знакомая уже кровью харкала, но послѣ двухъ мѣсяцевъ въ Монтрэ и т. д. и т. д. Словомъ, я болтаю на полный ходъ, выдумываю никогда не существовавшихъ знакомыхъ, привожу примѣры баснословныхъ выздоровленій («Нину Александро-

вну Поперскую не знавали? Безъ обоихъ легкихъ прїѣхала и что-жъ вы думаете»), но одновременно рассматриваю молоденькую. Лицо блѣдное, на скулахъ роковыя пятна, зеленые глаза совсѣмъ утонули, но правильность чертъ изумительная—и къ тому же сухая ножка (подъемъ въ обхватъ кулака свободно войдетъ), густые каштановые волосы, элегантность, ускользящая отъ опредѣленія. Я кончаю свою тираду о миѳической Нинѣ Александровнѣ подношеніемъ букетика фіалокъ. Цвѣты принимаются, болѣе чѣмъ благосклонно: мнѣ сообщаютъ имя, фамилію — Елена Сергѣевна Лихарева, у меня забираютъ адресъ съ условіемъ, что послѣ первой же открытки я немедленно прїѣду... Сообщая адресъ, я испытываю смущеніе и досаду на самого себя. Стоялъ давеча на вокзалѣ, даже не зная, гдѣ нахожусь, а теперь размашистымъ почеркомъ, не моргнувъ глазомъ, пишу: Интерлакенъ, „Hotel de quatre Cantons“. Странно, странно, лучше бы проснуться. Хочу уже ущипнуть себя за руку, но старушка смотритъ на часы и проситъ довести до вокзала: уже время. При выходѣ изъ кафе Елена Сергѣевна небрежно беретъ меня подъ руку и пропустивъ старуху впередъ, спокойно, не глядя въ глаза говоритъ:

— Обязательно прїѣзжайте, раскаяваться не будете, вы мнѣ, между прочимъ, очень нравитесь. Я съ изумленіемъ пробую остановиться, переспросить, но она уже громко торопитъ:

— Идемте, идемте, мы опоздаемъ на поѣздъ.

И тихо прибавляетъ:

— Молчите и пока не спрашивайте, потомъ все узнаете.

До самаго отхода поѣзда она не произноситъ больше ни одного слова. Молча пожимаетъ руку и уходитъ въ вагонъ. Старуха растроганно цѣлуетъ меня въ лобъ:

— Спасибо, батюшка, спасибо. Къ Лелечкѣ пріѣзжайте, истинно христіанское дѣло...

Поѣздъ трогается.

Я выхожу на площадь. Долго стою передъ вывѣской Сюшара. И недоумѣніе, и восторгъ...

Потомъ — трудно возстановить; въ эту-же самую ночь, или въ другую, или въ третью пришло продолженіе сна — потомъ уже другой швейцарскій городокъ. Осень. Съ утра парный дождь, къ сумеркамъ туманы расползлись, я одѣваю желтую непромокайку, иду къ озеру и катаюсь на лодкѣ. Сырость, слѣдовало бы побережся: всеравно... До первой звѣзды... Однако, какъ я высоко живу. На такую гору карабкаться приходится, что сердце замираетъ и дыханія не хватаетъ. Предостерегающій голосъ пробуетъ замѣтить что-то о грудной жабѣ. Э, да ужъ лучше бы молчалъ. На моемъ письменномъ столѣ лежитъ телеграмма. Дрожащими руками открываю. Господи, если ты есть, не пошли неприятности. Читаю и ничего не понимаю. Вѣроятно не мнѣ:

— Пріѣзжайте санаторій Эспуаръ Монтрэ Елена.

Абракадабра, даже для сна черезчуръ.
Елена? Почему я долженъ куда-то ѣхать?

Проснись, проснись!

■ „Sors de l'enfance ami, reveille toi!“

И я злюсь, злюсь до спазмъ, но выхожу на улицу и черезъ минуту лупоглазый такси прорѣзаетъ тьму. Странно знакомыя дороги, вотъ здѣсь налѣво по тропинкѣ, за чащей долженъ быть ресторанчикъ „Mon Plaisir“! Здѣсь я уже живаль, здѣсь мелькало счастье.

— Шофферъ, до Mon Plaisir далеко?

— О, нѣтъ, сейчасъ налѣво. Прикажете свернуть?

— Нѣтъ, ѣзжай дальше.

Убийственная жара. Почему въ лѣсу пахнетъ табачнымъ дымомъ, къ чему эта безобразная поѣздка и какъ я сговорюсь съ портье? Елена — а дальше. Mlle... gusse... Глупо, бесконечно глупо. Автомобиль въѣзжаетъ въ садъ, разрывая гравій узенькой дороги, продираясь черезъ арку сросшихся вѣтвей. Уже полная ночь. Только тамъ, въ концѣ дороги, въ свѣтѣ дугового фонаря, маленькая закутанная фигура. Она отдѣляется отъ фонаря, бѣжитъ навстрѣчу.

— Юрій Павловичъ! пріѣхали? Вотъ спасибо, вотъ большое спасибо.

Я выскакиваю изъ автомобиля и съ изумленіемъ узнаю свою вокзальную знакомую.

— Елена... простите какъ васъ по бабушкѣ величать?

— Никакъ, совсѣмъ никакъ, и Елена черезчуръ. Зовите Леля. Фу, какой вы застѣнчивый, отпускаяте скорѣй машину, я совсѣмъ продрогла.

Въ вестибюлѣ она сбрасываетъ манти и оказывается въ открытомъ бальномъ платьѣ. Ключицы ея торчатъ, какъ два крыла, на скулахъ горятъ огромныя багровыя пятна.

— Куда вы собираетесь, Леля?

— Никуда, — удивляется она.

— Позвольте, это платье...

— Юрій Павловичъ, будетъ вамъ притворяться, неужто не понимаете, что для васъ я принарядилась. Или вы... (голосъ ея падаетъ, и въ немъ появляются и злость и испугъ) считаете, что передъ смертью можно бы и безъ декольте?

— Что вы, что вы!

Я совершенно сбить съ толка: ея лихорадочный видъ, роковыя пятна и... бальное платье, обиліе вина на столѣ.

— Юрій Павловичъ, — подходитъ она ко мнѣ совсѣмъ близко. Можно васъ поцѣловать, вы не боитесь заразиться чахоткой?

Я лепечу что-то окончательно бездарное. Она садится мнѣ на колѣни, долго смотритъ мнѣ въ глаза, охватываетъ руками мою шею и цѣлуетъ меня въ губы. Потомъ вскакиваетъ, отбѣгаетъ къ окну и я слышу всхлипываніе. Никогда я не думалъ, что и во снѣ можно попадать въ такія положенія.

— Не успокаивайте меня, не смѣйте, слышите, я васъ не для того позвала. Молчите, молчите...

Я молчу. Подъ предлогомъ, что забылъ портсигаръ, выхожу въ корридоръ. Направляюсь въ кабинетъ дежурнаго врача санаторіи и прошу сообщить мнѣ совершенно откровенно состояніе здоровья моей «кузины». Врачъ заглядываетъ въ какую-то книгу, собирается съ мыслями и смущенно сообщаетъ, что особенныхъ надеждъ нѣтъ, что и вино и нерегулярный образъ жизни разрѣшены «кузинѣ» единственно въ виду неизбѣжности фатальнаго исхода.

— Какъ долго она можетъ еще прожить?

— О, это трудно опредѣлить съ точностью: отъ двухъ недѣль до двухъ мѣсяцевъ.

— Не больше?

— Едва-ли. Дѣло въ томъ, что развязка ускорятся тяжкимъ психическимъ состояніемъ пациентки. Навязчивыя мысли, непонятныя намъ желанія...

Я снова въ ея комнатѣ.

— Ходили справиться? презрительно смѣется «кузина».

— О, нѣтъ, за папиросами.

— Врете, вы еще давеча отъ волненія вынимали и вертѣли портсигаръ. Стыдно врать умирающей.

Молчаніе — длинное, краснорѣчивое, болѣзненное.

— Слушайте, — начинаетъ она уже другимъ голосомъ, желающимъ казаться спокойнымъ, ли-

хорадоочно-сильнымъ, — я сейчасъ буду съ вами говорить о томъ, о чемъ я съ самыми лучшими друзьями не смогла бы говорить. Только потому, что вы чужой, что мы оба безразличны другъ другу. Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти. Умирающій ничего не стыдится въ исповѣди. Ну а для моей исповѣди священникъ не подходитъ. Другое требуется утѣшеніе. Не раскрывайте вашихъ голубыхъ глазъ, а то я сконфужусь и собьюсь. И не трогайте пока моей руки. Мнѣ эти почтительные поцѣлуи радости не даютъ. Руку покойникамъ цѣлуютъ. Коротко буду съ вами говорить. Насчетъ того, сколько мнѣ еще недѣль канючить, вамъ уже видно сообщили. Такъ вотъ подумайте легко или нѣтъ умирать, не извѣдавъ жизни?

Молчать больше нельзя, я пытаюсь изыскивать аргументы, но она неумолима.

— Оставьте эти разговоры... въ пользу бѣдныхъ. Говорите прямо, поможете вы мнѣ или нѣтъ?

— О, да, конечно, все, что смогу.

— Я думаю, что сможете (на ея губахъ ироническая улыбка). Вы должны мнѣ дать возможность въ послѣдній мѣсяцъ жизни узнать любовь!

— То-есть? лепечу я... Охъ, проснуться бы!

— Причемъ тутъ то-есть? Мужчина вы или манекенъ? Нравитесь вы мнѣ, я тоже не обязына. Въ кофейни съ интерлакенскими дѣвчонками ходите? Глядите на меня, какъ на проститутку, къ тому же бесплатную. Ну, разъ, два, три. Или да или убирайтесь. Только имѣйте въ виду, въ слу-

чаѣ вашего отказа я на улицу пойду. Или нѣтъ, вы -же «гуманистъ», этимъ васъ не возьмешь. Я застрѣлюсь сейчасъ же, здѣсь же, при васъ. Да перестаньте же молчать!

Окончивъ тираду, она блѣднѣетъ, задыхается, опускается безъ силъ на софу, но глаза ея горятъ такой злостью, такимъ приказомъ, что при всемъ желаніи ее успокоить я не нахожу словъ. Я снова беру ее за руку и почтительно цѣлую. Она вскакиваетъ въ бѣшенствѣ, срываетъ съ себя платье, рубашку, распускаетъ волосы и кричитъ:

— Да посмотрите на меня. Развѣ я плохо сложена? Потрогайте, какая у меня гладкая кожа.

Машинально я дотрагиваюсь пальцами до ея голаго плеча.

— Да-да, дѣйствительно у васъ мягкая кожа.

— Мягкая, мягкая, — истерически хохочетъ она — ну, цѣлуйте же меня, ну будьте же мужчиной.

Рѣшительно необходимо или проснуться или будь, что будетъ. Не могу жъ я въ самомъ дѣлѣ съ трупомъ. Я поворачиваюсь и направляюсь къ двери.

— Я сейчасъ застрѣлюсь, — кричитъ она вслѣдъ.

Тутъ я не выдерживаю. Отъ радости вокзальныхъ минутъ не осталось и слѣда. Я топаю ногами, задыхаюсь, ору:

— Дѣлайте, что хотите. Мнѣ противно, гадко, вы — скверная дѣвчонка. Вы злая большая паучиха. Къ черту, къ черту...

Я хлопаю дверью, прислушиваюсь: выстрѣла не слышно. Въ свирѣпой растерянности прохожу вестибюль и направляюсь въ ночь. Ни одного автомобиля, ни одного фіакра. Ничего. Спотыкаясь о камни, ударяясь о деревья я иду, иду, иду... Мнѣ холодно, у меня ознобъ, начинается дождь. Но гдѣ же моя шляпа, пальто? Остались тамъ, въ этомъ аду. Къ черту, туда я не вернусь. Доберусь до города и сейчасъ же, съ первымъ утреннимъ, переѣду въ Лозанну. Къ черту, къ черту...

...Я лечу въ провалы, какіе-то молоты стучать по моей головѣ, мнѣ растягиваютъ ноги. Длиннымъ гвоздемъ расковыряли мнѣ грудь — и уже гвоздь этотъ вбивается мнѣ въ сердце. Не мучьте меня, за что вы меня терзаете! А потомъ... вспыхиваютъ десятки люстръ и въ огромномъ залѣ на столѣ, заставленномъ цвѣтами, лежитъ худенькая стройная дѣвочка. На ея губахъ презрительная усмѣшка, носъ уже заострился, а глаза раскрыты въ гнѣвномъ укорѣ. Я подхожу ближе, я приглядываюсь. Почему однако она совершенно раздѣта? И что это? Подъ лѣвой грудью маленькая черная ранка. Я, я убилъ ее... И люстры съ грохотомъ рушатся... и какія-то вилы пронзаютъ мнѣ спину...

Я открываю глаза. На стѣнѣ играютъ зайчики, гдѣ-то близко-близко, чуть ли не въ нашемъ пе-

реулкѣ твякаетъ пулеметь, а за стѣной испуганные жильцы съ шумомъ упаковываютъ корзину.

Довольно сновъ! Надо бѣжать, надо жить, надо спастись отъ этой выпирающей пружины дивана. Еще ночь — другая и пружина пронзитъ мнѣ спину и, пожалуй, найдетъ путь къ самому сердцу. Это отъ дивана такія мысли. Надо пережить. Я одѣваюсь, мигомъ рѣшаю бросить всѣ вещи — и съ маленькимъ саквояжикомъ пробираюсь опустѣвшими улочками къ гудящему вокзалу. Тамъ забираюсь въ первый попавшійся товарный вагонъ. Отсюда не уйду... Все равно, германцы передъ отходомъ захотятъ вывезти товарные составы. Зарываюсь въ грязную солому, затыкаю уши пальцами, чтобъ не слышать уханья пушекъ и снова засыпаю.

Юрій Павловичъ Быстрицкій! Самый неумолимый воинскій начальникъ — ваша лысая душа даетъ вамъ снова, но въ послѣдній разъ — отсрочку...

О сверкающее ртутью платье, которое развѣвастся на поворотахъ крѣпостныхъ сводовъ!..

Обрушивайся молодости молотъ, дребезжите черепа, какъ стекла! Жмыхами, соломой блеклой дари, фараоній голодъ! Вспыхивай, злоба бороться истоптать тощія озими. Ненависть лютая деревенская, заворачивай проселками въ городъ, жги, бунянь, пропивай! Россія, ненавистная, вшивая, немытая, не жалѣй! Гряди, фараоній голодъ... И если не было и нѣтъ радостей, если нечему даже

присниться, то въ соломѣ товарнаго вагона, пропахшей навозомъ, сыростью, гнилью, крѣпну я въ своей главнѣйшей мысли. Отсрочка, шестимѣсячная отсрочка — не больше!

...Такъ подъ уханье, въ пургу, чрезъ кордоны покидаю я мать городовъ русскихъ. Черезъ силу отъ заледенѣвшихъ рельсъ отрываются тяжкія колеса и въ щели товарнаго вагона заглядываетъ сѣдая, молчащая, притаившаяся Украина. Иногда хлопнушкой хлопнетъ винтовка, иногда зажелтѣетъ фонарь контроля и зазвучитъ ядерное русское слово...

XI

Разказъ
человѣка съ одинадцатью платино-
выми коронками

Я ненавижу Россію, я безконечно равнодушенъ къ судьбѣ моихъ родныхъ, у меня нѣтъ друзей, есть собутельники и ихъ не жалко.

Я уже давно отказался отъ монополизма въ отношеніяхъ къ женщинамъ: бери деньги, отдай Ersatz любви и мы незнакомы. Я вѣрю въ то, что съ каждымъ изъ моихъ враговъ на одной изъ остановокъ жизни я встрѣчусь въ обстоятельствахъ, когда я смогу перекусить ему горло. Это основа моего оптимизма. Послѣ четырехъ лѣтъ плавки характера и испаренія души трогательную неувядающую благодарность я сохранилъ лишь къ случайнымъ встрѣчамъ, къ прошедшимъ мимо и исчезнувшимъ навѣкъ, но успѣвшимъ рассказать нѣчто, наполняющее священной радостью знанія жизни. На вокзалахъ, въ ресторанахъ, на тропическихъ бульварахъ, въ лакированныхъ холляхъ большихъ отелей мелькали коричневые не запоминающіяся лица. Предупредительность манеръ, тщательныо выглаженные брюки, жилеты съ бриллиантовыми пуговицами, уголокъ шелковаго платка межъ. обшлагомъ смокинга и манжетомъ

рубашки... Ихъ было тысячи тысячъ. По-прежнему надрывался Jazz-band внѣ конкуренціи, попрежнему негръ съ міровой извѣстностью до самозабвенія закатывалъ глаза, приготовляя таинственные коктейли и смѣси ликеровъ особой прозрачности, радуги, значительности, попрежнему кокотки щеголяли скромностью, а жены американскихъ свиноводовъ жемчугами. Попрежнему подъ звуки чикаго вырастали «презрѣнье къ жизни и усталость сновъ».. И вдругъ появляется человѣкъ, такой же, какъ всѣ и такой необычайный. Наши глаза встрѣтились и я зналъ, что будетъ знакомство, будетъ разсказъ о жизни полнокровной, достойной заветности вымирающихъ близкихъ и выживающихъ дальнихъ.

— Какъ вы страшно торопитесь! Какъ вы мало чувствуете жизнь. Послушайте, мы съ вами познакомились неполныя сутки. Завтра я уѣзжаю обратно въ Лондонъ. Вы тоже куда-то собираетесь. Вѣроятно, мы съ вами больше никогда не столкнемся. У меня сейчасъ большая потребность разсказать нѣсколько эпизодовъ моей жизни именно безпокойному, торопливому, молодому.

Въ пятьдесятъ четыре года, когда во рту одиннадцать платиновыхъ коронокъ, хочется помогать человѣчеству не только устройствомъ дѣтскихъ пріютовъ и общежитій для инвалидовъ. Вчера при нашемъ первомъ рукопожатіи я понялъ по вашему лицу, что вы бывали въ моихъ краяхъ и

фамилія моя вамъ болѣе, чѣмъ извѣстна. Вы встрѣчали это трехсложное имя на вывѣскахъ конторъ и складовъ, на штандартахъ пароходныхъ компаній, въ спискѣ акцій, котирующихся на міровыхъ биржахъ, на мраморныхъ доскахъ благотворителей, въ подписяхъ, скрѣпляющихъ опубликованные балансы экспортъ-импортныхъ домовъ и грюндерскихъ банковъ и т. д. и т. д. И вотъ наконецъ послѣ столькихъ надоѣвшихъ упоминаній, Каниферштанъ передъ вами. Хвастать мнѣ нечѣмъ. Красотой я не блещу. Не только сегодня, но и тридцать лѣтъ назадъ, женщины отдавались мнѣ исключительно за деньги и забывали мгновенно. Ростъ маленькій, лысина большая, пальцы плебейскіе — короткіе, узловатые. Смокингъ на мнѣ, какъ на вѣшалкѣ, а когда шить фракъ приходится — самъ парижскій свѣтила Пуль вздыхаетъ и мнется, прибавляя въ утѣшеніе: „*Courage, monsieur ... La beauté c'est rien. Marianne elle-meme n'est pas rasée ...?*“

Ну, да это у меня отъ старческой болтливости: рѣчь идетъ не о моей фигурѣ. Вамъ вѣроятно не безызвѣстно, что уже отецъ мой былъ крупнымъ миллионеромъ. Родился я въ роскоши и безпечности. Однако — и здѣсь хочется похвастать — большая часть моихъ миллионовъ пріобрѣтена мной лично, безъ всякой помощи со стороны отца. Дѣло въ томъ, что въ семнадцать лѣтъ, окончивъ гимназію, я пожелалъ жениться на нашей гувернанткѣ, тридцатилѣтней француженкѣ, посвятив-

шей меня въ таинства любви. Пожелалъ и объявилъ объ этомъ отцу. Человѣкъ онъ былъ до безумія занятой, видался съ нами одинъ разъ въ день за вечернимъ чаемъ. Отецъ выслушалъ, посошалъ трубку и въ отвѣтъ принялся разспрашивать секретаря о вечернихъ курсахъ Шанхайской рисовой биржи. Молчаніе отца я принялъ за согласіе и спокойно легъ спать. На утро всталъ въ отличнѣйшемъ настроеніи, иду въ столовую и вижу у сестренки заплаканное лицо.

— Въ чемъ дѣло?

Молчить.

— Гдѣ mille Ynette.

Молчить.

Мною овладѣло жуткое подозрѣніе. Бѣгу въ комнату Жанетъ. Дверь настежь, горничная подметаеть, на столахъ, на туалетѣ никакихъ вещей. Я кинулся къ матери и узналъ все. Въ полночь отецъ вызвалъ Жанетъ, вручилъ ей значительную сумму и она на разсвѣтѣ уѣхала въ неизвѣстномъ направленіи, какъ пишутъ въ сводкахъ. Не оставивъ письма, не зайдя попрощаться... Смолоду я былъ гордый, нетерпимый, рѣшительный. Планъ мести отцу сразу созрѣлъ. Въ этомъ домѣ, гдѣ смѣются надъ моими лучшими чувствами, я больше не останусь ни одного дня. Дождался вечерняго чая. Злобная дрожь бѣжитъ по тѣлу. Какими глазами, думаю, посмотритъ на меня отецъ? Онъ вошелъ, съ трубкой въ зубахъ, съ кипой фактуръ, писемъ, циркуляровъ. Сѣлъ на свое мѣсто, началъ

читать и подписывать, мнѣ ни слова. Тогда я всталъ и сказалъ:

— Отецъ, я больше не останусь въ твоёмъ домѣ, я уѣзжаю навсегда.

Онъ поднялъ глаза. А глаза у него были подслѣповатые, всегда прищуренные, всегда усталые.

— Что-жъ — говорить, — я твой характеръ знаю. Тебя не разубѣдишь. Помни одно. По легкомыслію не соверши преступленія, замараешься на всю жизнь. Плохо придется — телеграфируй.

Я, стиснувъ зубы, съ учтивымъ бѣшенствомъ отвѣтилъ:

— Я тебѣ буду телеграфировать тогда, когда у меня будетъ столько же милліоновъ, какъ у тебя.

Отецъ снова погрузился въ бумаги, мать и сестренка при немъ боялись говорить, отозвали въ другую комнату и стали умолять. Я отклонилъ и ихъ просьбы и предложеніе денегъ, взялъ саквояжикъ, макинтошъ, сосчиталъ деньги: до Санъ - Франциско на билетъ третьяго класса хватить, тамъ продамъ золотые часы и начну работать. Пароходишка попался дрянной, колесный, теперь бы на такой посудинѣ по рѣкѣ не поѣхали; а въ девяностыхъ годахъ онъ шпарилъ отъ нашего Владивостока до Санъ-Франциско съ заходомъ въ Юкагаму и Гонолулу. Волны насъ перешвыривали не то пятьдесятъ дней, не то два мѣсяца. Еслибъ не капитанъ, старый просоленный япошка (много

лѣтъ спустя онъ у меня въ компаніи на главныхъ роляхъ былъ), погибнуть бы и самой посудинѣ и мнѣ и кучѣ эмигрантовъ, которые въ трюмѣ ѣхали. И все-таки только благодаря этой душегубкѣ я человѣкомъ сталъ, ибо познакомился я въ пути и со своими будущими компаньонами и съ однимъ мудрѣйшимъ старикомъ, научившимъ меня жизни. Звали этого старика — Нахимовъ, всю жизнь шатался онъ по бѣлу-свѣту и теперь уѣзжалъ къ сыну, устроившемуся въ Калифорніи на хорошемъ мѣстѣ.

Какъ сейчасъ помню. Пришли мы къ Гонолулу. Послѣ качки, грязи трюмной, спертаго воздуха вышли на берегъ — словно въ рай попали. На Сандвичевыхъ Островахъ въ эту пору года растительность неизреченная. Земли не видно, такъ фикція одна. А что ни бросишь — растеть. Съ полудня до полуночи на нашихъ глазахъ бамбукъ вдвое увеличивается. Апельсины съ голову ребенка, гигантскія пальмы съ листьями размѣровъ комнаты. Иду я по пальмовой аллеѣ, гляжу на чудеса тамошнія, воздухъ пью и чувствую, душа выпрямляется. Смотрю, на скамеечкѣ подъ пальмой сидитъ старичокъ Нахимовъ и пальцемъ меня манитъ. Я подошелъ, и онъ началъ тогда на Гонолулу подъ пальмой разговоръ такими же почти словами, какъ теперь черезъ тридцать семь лѣтъ началъ я здѣсь, на берегахъ Босфора, въ гостинницѣ счастливаго армянина, у котораго тоже замѣчательная исторія. Напомните потомъ, я вамъ ее расскажу. Буде-

те довольны. Но я опять отклоняюсь. Говорить мнѣ Нахимовъ:

— Молодой человѣкъ, папашу вашего я давно знаю и васъ еще ребенкомъ издали видывалъ. Не мое дѣло, почему вы изъ родительскаго дома уѣхали, но разрѣшите мнѣ старику вамъ два совѣта дать. Не волнуйтесь, не торопитесь. Пройдетъ мимо васъ красивая женщина, не бѣжите ей въ слѣдъ, черезъ полчаса встрѣтите еще болѣе красивую. Выѣхали мы съ вами съ Дальняго, отъ природы скудной. Въ Юкагаму пріѣхали, какихъ чудесъ насмотрѣлись. Думали, лучше въ мірѣ нѣтъ. Анъ нѣтъ, вотъ въ Гонолулу, здѣсь почище будетъ. Матросы мнѣ на пароходѣ сказывали, что и Гонолулу еще не самый рай. Въ городѣ Коломбо на островѣ Цейлонѣ много занимательнѣе... Предстоитъ вамъ множество испытаній. Опять же соблазновъ тьма. И вотъ вамъ мой одинъ совѣтъ — не хватайтесь за первое попавшееся, не прельщайтесь первой же прелестью. Прите напроломъ. Ноги молодыя — жарьте по всему свѣту. Радость придетъ — не задерживайтесь, впереди радость еще радостнѣе и такъ безъ конца. Горе по головѣ хлопнетъ, смѣйтесь и прите. Никогда, нигдѣ не помышляйте о самоубійствѣ, которое при гордости вашей очень соблазнительно. Нѣтъ мужества въ томъ, чтобъ надавить гашетку, мужество все пережить и задуть свое злосчастье... А теперь другой совѣтъ. Когда начнете деньгу зашибать, не скопидомничайте, въ чулокъ не прячьте. Одинъ

долларъ заработаете, на пять дѣло начинайте. Постоянно и непремѣнно ставку увеличивайте. Или панъ или пропаль... Спросите, почему я жалкій старикъ смѣю искусству коммерческому обучать? Потому что много я видѣлъ, много передумалъ и, еслибъ мысли мои особыя не препятствовали, давно бы миллионеромъ сталъ. Впрочемъ, въ молодости, когда я первый разъ на золотую лихорадку попалъ, зашибъ и я великую деньги. Не сохранилъ ее единственно изъ-за отсутствія гордости, единственно изъ-за того, что собственныхъ двухъ заповѣдей не придерживался. Хотите вѣрьте, хотите не вѣрьте, но вспоминайте почаще...

Тридцать семь лѣтъ съ того дня прошло. Но одинъ Богъ знаетъ, сколько разъ и въ какихъ самыхъ удивительныхъ обстоятельствахъ вспоминалъ я два Нахимовскихъ совѣта. Пригодились они мнѣ въ жизни не меньше, чѣмъ три моихъ компаньона, валявшихся, какъ и я, въ японскомъ трюму. И прежде всего хочется мнѣ вспомнить объ Уинстонѣ Вальтерѣ. Только среди англо-саксовъ могъ появиться подобный человѣкъ. Къ двадцати четыремъ годамъ, исколесивъ всѣ страны, переѣхавъ всѣ океаны, онъ насчитывалъ въ своемъ послужномъ списокѣ и малочетное званіе кочегара и обогащающее великимъ опытомъ занятіе мѣняльнымъ дѣломъ, которое онъ практиковалъ въ Голландской Индіи. На двадцать пятомъ году Вальтеръ попадаетъ въ Сіеру-Неваду въ разгаръ алмазныхъ раскопокъ. Съ киркой въ одной рукѣ, съ магазин-

ной винтовкой въ другой излазилъ онъ неприступныя ущелья, работалъ день и ночь, думая не столько о томъ, какъ алмазы найти, сколько о томъ, какъ ихъ отъ товарищей сберечь. Короче говоря, черезъ два года онъ явился въ Нью-Йоркъ, продалъ свои алмазы, подлѣчилъ револьверныя и ножевыя раны и сталъ подыскивать подходящее дѣло. Зарылся въ финансовыя газеты, въ биржевыя бюллетени, въ многотомные справочники. Много интересныхъ дѣлъ въ Америкѣ, но болѣе всего мечтательное сердце Вальтера кольнуло Панамскій проэктъ Лессепса. Это уже, говорилъ онъ себѣ, не жалкіе 8%, 10%, здѣсь за годъ можно утроить, если не упятерить состояніе. Черезъ годъ Лессепсъ взлетѣлъ на воздухъ, а у Уинстона Вальтера осталось пятьдесятъ долларовъ и пріятное воспоминаніе объ обаятельныхъ манерахъ геніальнаго француза. Снова въ стоптанныхъ сапогахъ, снова насупивъ рыжія лохматыя брови, шляется онъ по Санъ-Францискскому second street и рѣшаетъ пробовать счастье за океаномъ, на Дальнемъ Востокѣ. Однако и тутъ судьба бьетъ: на вторую недѣлю владивостокская полиція заподозриваетъ его въ тайной продажѣ опиума и добродѣтельному его защитнику, великобританскому консулу, остается вручить Вальтеру пособіе въ десять фунтовъ и пожелать благополучнаго путешествія. Въ раздумьи, куда бы поѣхать, неунывающей англичанинъ отправился въ портъ справиться объ отходящихъ пароходахъ и здѣсь въ харчевнѣ встрѣтился съ дву-

мя русскими молодыми людьми, въ совершенствѣ владѣвшими англійскимъ языкомъ. Одинъ Надеждинъ былъ недоучившимся путейцемъ и бредилъ новой системой проложенія туннелей, другой, назовемъ его здѣсь «мистеръ Рашэнъ», былъ братомъ знаменитаго русскаго химика и открылъ исключительно дешевый способъ добыванія динамита, испробованный имъ въ Верхне-Тагильскомъ горномъ округѣ. Оба молодца рѣшали ѣхать въ Америку, въ твердой вѣрѣ, что новая страна сумѣетъ оцѣнить ихъ таланты. Вальтеръ выслушалъ ихъ и на мѣстѣ же согласился возвратиться въ Санъ-Франциско, гдѣ онъ хорошо зналъ мѣстныя условія. Уже въ дорогѣ, въ трюмѣ была образована акціонерная компанія для эксплуатаціи проектовъ Надеждина и Рашэна. И такъ какъ я былъ готовъ на все и такъ какъ основной капиталъ былъ намѣченъ въ двѣсти долларовъ, то, внесся золотые часы, я сталъ владѣльцемъ 25% акцій и сразу повеселѣлъ. Оставаться мрачнымъ не представлялось возможности. Вальтеръ, самый старшій изъ насъ, торжественно заявилъ, что если Сіера-Невада дала ему 50.000 долларовъ, то неодинамитъ и неотуннель сдѣлають его миллионеромъ не позже, чѣмъ черезъ шесть мѣсяцевъ.

11 августа 1884 года высадились мы въ Санъ-Франциско. Въ тѣ времена еще не было современныхъ примѣчательностей Калифорнійской столицы. По настоящему Санъ-Франциско обстроился

лишь послѣ землетрясенія. А тогда, тогда помните въ «Перъ-Гюнтъ:»

— Я въ Санъ-Франциско золото копаль,
Фиглярами кишмя кишѣлъ весь городъ...

И фигляры, надо вамъ сказать, попадались все больше опаснаго свойства. На языкѣ—юморъ ви-сѣльниковъ, въ карманахъ — по револьверу, за голенищемъ — ножъ. Бѣглецы изъ Сибири, изгнан-ные изъ Американскихъ Штатовъ, неудачники — французы, прожектеры — англичане, предприни-матели — голландцы, мулаты, побивающіе рекор-ды преступности, японцы, побивающіе рекорды трудолюбія. Нужна была особая варварская жестокость многочисленной, съ головы до ногъ вооруженной полиціи, чтобы удерживать въ со-стояніи хотя бы относительнаго спокойствія это море авантюристовъ и преступниковъ.

Съ перваго момента оцѣнили мы достоинства Уинстона Вальтера. Усходень парохода подошелъ ко мнѣ неизвѣстной національности челоуѣкъ и спросилъ, не желаю ли я что--либо продать. Я вы-нулъ часы и протянулъ ему. Пока онъ ихъ раз-сматривалъ, подошло еще двое его пріятелей, по-томъ еще одинъ—и я оказался оттиснутымъ отъ главнаго покупателя спинами его компаньоновъ. Въ это время Вальтеръ спустился съ парохода, острымъ взглядомъ оцѣнилъ положеніе, нахлобу-чилъ кепку и двинулся къ покупателямъ, тяня ме-ня за рукавъ. Покупатели тоже заволновались. Главный протянулъ мнѣ часы и со словами — не

подходятъ, золота тонкій слой, остальное — мѣдь, — началъ удалаться. Вальтеръ взялъ у меня часы, взвѣсилъ ихъ и черезъ мгновенье прозвучалъ выстрѣлъ. Пуля пробила картузь убѣгавшаго покупателя, а Вальтеръ съ крикомъ «стой или конецъ», прыгнулъ на него и страшнымъ ударомъ ноги въ нижнюю часть живота повергъ его на землю. Компаньоны покупателя бросились было на помощь товарищу, но, встрѣченные серіей выстрѣловъ, предпочли ретироваться. Увѣреннымъ жестомъ Вальтеръ стащилъ съ ноги побитаго сапогъ и мои золотые часы со звономъ покатались наружу. Послѣ такого эффектнаго окончанія эпизода перваго начался эпизодъ второй — уже совершенно идиллическій. Вальтеръ помогъ покупателю подняться, вручилъ ему фальшивые часы и мягко сказалъ:

— Не надо нападать на мѣстныхъ. Теперь пойдемъ къ Джиму и вспрыснемъ знакомство.

Черезъ полчаса Вальтеръ, Надеждинъ, Рашзнь, я и четверо новыхъ знакомыхъ сидѣли въ задней комнатѣ достаточно грязнаго кабака и горячо обсуждали возможность привлеченія акціонеровъ въ наше общество.

Обсужденіе продолжалось до вечера, послѣ чего по совѣту Вальтера, мы отправились къ нѣкой Бетти Хьюардъ, энергичной, молодой ирландкѣ, сдававшей комнаты малоденежнымъ пріѣзжимъ. Бетти радостно привѣтствовала Вальтера, троекратно съ нимъ облобызалась и общала въ

этомъ-же домъ найти для насъ подвалъ, необходимый для Рашэновскихъ работъ. Со слѣдующаго утра началась страда. Двѣсти долларовъ сразу ушли на покупку ретортъ, матеріала и т. д., на уплату арендной платы за подвалъ и мѣсячнаго взноса въ пользу Бетти Хьюардъ. Къ концу мѣсяца мы уже начали вѣшать носъ на квинту. Опыты Рашэна подвигались медленно, уставали мы чертовски, а новые акціонеры, хоть лопни, не появлялись. Откуда взять денегъ на уплату аренды за слѣдующій мѣсяць? Я просыпался по ночамъ, тщетно ломалъ голову и слышалъ, какъ ходуномъ ходили сосѣднія койки Рашэна и Надеждина. Одинъ Вальтеръ оставался невозмутимъ и наполнял молчаніе ночи методическимъ, энергичнымъ храпомъ. Не знаю, что было съ нами, еслибъ трагическій случай не положилъ предѣла и нашимъ работамъ и самому пребыванію въ Санъ-Франциско. Старожилы secondstreet по сей день помнят оглушительный взрывъ 6 сентября 1884 года. Опыты Рашэна дали неожиданные результаты, подвалъ разметало въ щепы, а въ верхнихъ этажахъ полопались стекла и посыпались потолки. Случилось это во время обѣда, что и спасло намъ жизнь. Ночь мы провели въ полицейскомъ управленіи, а на утро четыре «нежелательныхъ иностранца» подъ усиленнымъ конвоемъ были провождены до границы Каліфорніи. Провожала насъ на вокзалъ одна Бетти Хьюардъ, принесла намъ провизіи на недѣлю, долго прижимала каж-

даго изъ насъ къ своей пышной груди и просила не забывать и писать.

... Мордатый детективъ вышелъ на площадку *observor-car*, убѣдился въ томъ, что мы дѣйствительно уже за границей Калифорніи, и, любовно приподнявъ шляпу, ушелъ въ свое купэ... На поросшей верескомъ полянѣ мы устроили военный совѣтъ. Я съ грустью вспоминалъ золотыя часы, Надеждинъ мечтательно обрывалъ тысячелистникъ, Рашэнъ проклиналъ свою неосторожность и называлъ себя преступникомъ, а Вальтеръ трезвый, хмурый посапывалъ трубкой и излагалъ планъ: надо ѣхать въ Санъ-Дьяго. Мексиканцы народъ либеральный. Въ Мексикѣ постоянная война и есть шансы продать патентъ на неодинамитъ. Такъ и сдѣлали. Вернулись на станцію, еще разъ полюбовались издали Калифорніей и поѣхали въ Санъ-Дьяго...

Разсказъ мой затягивается, но это случается со мной каждый разъ, когда я вспоминаю Уинстона Вальтера. Не человѣкъ, а дьяволъ. Вы бы дорого дали чтобы увидѣть его въ Санъ-Дьяго. Городъ въ тревогѣ, вчера еще былъ переворотъ, на завтра ожидается новый. Туземцы, нахлобучивъ исполинскія шляпы, щелкаютъ затворами магазинокъ и на чемъ свѣтъ стоитъ проклинаятъ вонючихъ *gringos* (такъ именуются иностранцы въ Парагваѣ и Мексикѣ), отъ которыхъ вся смута будто бы происходитъ. А Вальтеръ и въ усъ не дуетъ; на мѣстныхъ нарѣчіяхъ разговариваетъ съ

легкостью гоночной машины. Насъ троихъ заперъ въ номеръ гостинницы, раздобылъ фатальную шляпу, потрепалъ меня по плечу и скрылся на пять сутокъ.

Въ городѣ пострѣливаютъ, я лежу на кровати и думаю: будь она проклята Jannette, то ли дѣло сейчасъ во Владивостокѣ, за чайнымъ столомъ. Тишина, благодать, шорохъ отцовскихъ бумагъ. Рашэнъ, обросшій дикой щетиной, дѣлаетъ видъ, что ему все нипочемъ и знай пишетъ свои таинственныя формулы. Надеждинъ мечется и пытается вступать въ разговоры съ хозяиномъ, евреемъ-эмигрантомъ. Еврей успокоительно улыбается и твердить:

— О, Вальтеръ. Это такой человѣкъ... Онъ все можетъ.

Еврей не ошибся. Вальтеръ съумѣлъ. На шестыя сутки явился, просунулъ голову въ номеръ:

— Рашэнъ, иди побриться, забирай папку съ формулами и ѣдемъ получать деньги.

До сихъ поръ я такъ и не узналъ, какъ онъ съумѣлъ убѣдить генерала Кальвадереса заплатить за Рашэновскій бредъ три тысячи долларвъ. Знаю только, что намъ съ Надеждинымъ при всей жаждѣ денегъ стыдно было получать свою часть — по семьсотъ пятьдесятъ долларвъ... Ужъ больно наша хата съ краю.

Покутили мы ночку въ Санъ-Дьяго, познакомились съ другомъ Вальтера, адъютантомъ генерала Кальвадереса, выслушали его рассказъ о

томъ, что никакая пуля его не беретъ, ибо имѣ-
ется у него великій талисманъ — пачка перьевъ
птицы кобюрэ, передающей человѣку желѣзную
стойкость ея клюва. А на разсвѣтѣ снова поѣздъ
и снова на дальній Западъ, и снова пятидесяти-
тонная душегубка: мы ѣдемъ на Клондайку, гдѣ
началась по свѣдѣніямъ Вальтера золотая лихо-
радка.

Въ пути при проѣздѣ черезъ Техасъ, мы по-
теряли Рашэна. Изобрѣтатель неодинамита со-
блазнился возможностью льготнаго пріобрѣтенья
фермы и остался въ Техасѣ. Что съ нимъ тамъ
стало — не знаю. Съ тѣхъ поръ я ни отъ него
ничего не получалъ, ни о немъ ничего не слышалъ.
Пріѣзжихъ изъ Техаса разспрашивалъ. Говорятъ,
дѣйствительно, въ началѣ девяностыхъ годовъ про-
живалъ такой фермеръ, иностранецъ, холостой и
все пр. Занимался сельскимъ хозяйствомъ, ску-
палъ сосѣдніе участки и отличался кромѣ того
чуждачествомъ. Все свободное время посвящалъ
опытамъ со взрывчатыми веществами. Одинъ разъ
даже ферму свою подпалилъ. Въ серединѣ девяно-
стыхъ годовъ, когда нахлынули скупщики земель
съ Востока, онъ продалъ ферму, участки, скотъ
и уѣхалъ. Куда? Неизвѣстно.

Меня и Надеждина разставаніе съ Рашэномъ
чрезвычайно разстроило. Почудилось намъ въ его
выбытіи изъ акціонернаго общества какое-то
предзнаменованіе. Но Вальтеръ тономъ, недопу-
скающимъ возраженій, объяснилъ, что Рашэнъ,

отдавъ акціонерному обществу все у него имѣвшееся свое quasi изобрѣтеніе, оставшись въ нашей средѣ, былъ бы только обузой.

— У него неисправимо славянская душа. Онъ бы никогда не сдѣлался ни англичаниномъ, ни американцемъ. Другія же души на Клондайкѣ не нужны. Приѣдете — увидите.

И еще разъ Вальтеръ оказался правъ. Въ моихъ воспоминаніяхъ разлука съ Рашэномъ знаменуетъ окончаніе кратковременнаго періода испытаній. Съ тѣхъ поръ въ продолженіе тридцати четырехъ лѣтъ вплоть до гигантскаго промышленнаго кризиса 1919 года счастье мнѣ не измѣняло. Эти тридцать четыре года представляются эпохой такой гармоніи, такой кристальной законченности, что, кажется, начинай снова и тогда бъ не измѣнилъ ни одного жеста, ни одного поступка. И причина недавняго поворота фортуны конечно не въ міровомъ кризисѣ. Вся штука въ томъ, что въ 1918 году, доживъ до шестидесяти двухъ лѣтъ, пріобрѣтя большіе милліоны долларовъ, переборовъ все — конкурентовъ и судьбу, желѣзный Уинстонъ Вальтеръ не выдержалъ смерти сына, погибшаго въ рядахъ американскаго корпуса добровольцевъ и, протосковавъ съ мѣсяць, пустилъ себѣ пулю въ ротъ... Уинстонъ Вальтеръ былъ въ моей жизни чудодѣйственной пачкой перьевъ кобюрэ. Потерявъ талисманъ, я обрекъ себя на горе... Не удивляйтесь же, что воспоминаніе о немъ вызываетъ у меня слезы.

Итакъ мы на Клондайкѣ. Какъ добывались деньги въ мѣсяцы Клондайской горячки вы навѣрно знаете. Достаточно объ этомъ Джекъ Лондонъ писалъ, достаточно газеты прошумѣли. Скажу вамъ, только, что черезъ три года я оказался въ Нью-Йоркѣ совершенно сѣдой, съ хроническимъ ревматизмомъ, съ расширеніемъ сердца и грудой мешочковъ золота. Все это въ двадцать два года. По продажѣ золота на каждаго изъ трехъ очистилось, если васъ это точно интересуетъ, по семьдесятъ двѣ тысячи долларовъ.

Надеждинъ сразу сталъ буржуемъ. Будь она, говоритъ, проклята ваша Америка, мнѣ каждую ночь снится, что мы опять на Клондайкѣ въ ущельѣ смерти, погибаемъ отъ холода и усталости. Поѣду я лучше на Кавказъ. Пишутъ мнѣ, что тамъ желѣзнодорожное строительство началось. Буду заниматься подрядами.

...И вотъ остались мы вдвоемъ. У меня своихъ мыслей нѣтъ. Гляжу въ ротъ Вальтеру, что-то онъ надумаетъ. Надумалъ Вальтеръ мѣняльную контору открыть. Походилъ со мной по биржѣ, посвятилъ меня въ десятокъ основныхъ операцій, сняли мы контору на шикарномъ street и машинка завертѣлась... За свой страхъ и рискъ не работаемъ, все больше комиссіей и онкольными счетами пробавляемся, не брезгаемъ и закладами. Нѣтъ въ мірѣ лучше дѣла мѣняльнаго. Не говоря уже о познаніи жизни — оборотъ феноменальный. Банковское дѣло много хуже. Тамъ отчетность,

ограниченность круга операций, установленные проценты, налоги гигантские... А у насъ все шито-крыто. Работаемъ вдвоемъ. Постороннихъ не допускаемъ. Сдѣлаемъ на десять тысячъ, записываемъ тысячу. Потомъ, опять же прїѣзжаютъ наши Клондайскіе и предлагаютъ комбинаціи, на которыя только мы съ Вальтеромъ пойти можемъ.

— Знаете, бубнить прїѣзжій бородачъ, заявку Джемферсона, слѣва отъ нея въ полумилѣ, будь я проклятъ, если нѣтъ жилы. Дайте мнѣ денегъ поднять это дѣло: все пополамъ...

И вы думаете, мы не давали? Обязательно давали. Потому что и на Клондайкѣ есть особая каторжная этика. Если свой выручилъ, своего нельзя надуть. Бывало осенью вручаешь Биллю или Джону три—четыре тысячи долларовъ, а къ веснѣ онъ опять является и швыряетъ на прилавокъ мѣшокъ — «получайте вашу долю». Вотъ капиталъ и обернулся много разъ. Гдѣ же банку за нами поспѣть? У какого же банкира были счастье и мѣткость Уинстона Вальтера?

Къ началу испано-американской войны состояніе наше равнялось почти миліону долларовъ — когда грянули первыя пушки, Вальтеръ разволновался и рѣшилъ, что настало время товарныхъ операций. Надо на армію работать. Оба мы были уже американскими вольными гражданами, лазейки въ министерствахъ до тонкости изучили и со второго мѣсяца войны «Уинстонъ Вальтеръ и Со» сдѣла-

лись поставщиками военного снаряженія, владѣльцами гранатнаго завода подѣ Чикаго.

Ахъ, какое веселое время! Риска ни малѣйшаго. Присылають изъ министерства письмо: потрудитесь къ такому то числу поставить столько-то миллионѣвъ снарядѣвъ. Калькулируемъ себѣстоимость, набавляемъ 100 %, а то и 200 %, дѣлимся съ пріемщикомъ — и гора долларовъ растетъ. На биржѣ тоже не зѣваемъ. Въ дни войны всякая биржа въ истерикѣ, а объ американской и говорить не приходится. Испанскія бумаги внизъ, а американскія вверхъ, новые выпуски акцій предпріятій, работающихъ на войну! Есть разгуляться идѣ на волѣ. И островъ Куба сталъ для насъ второй Клондайкой. Нашъ миллионъ изъ Кубской крови извлекъ такія живительныя дрожжи, что по окончаніи войны я смогъ исполнить свое давнишнее желаніе — телеграфировать отцу. До сего дня я съ матерью и сестренкой переписывался, а съ отцомъ ни гу-гу. Ни я ему, ни онъ мнѣ.

Вмѣстѣ съ Вальтеромъ составили телеграмму:

— Переваливъ за десятый миллионъ долларовъ, я и компаніонъ привѣтствуемъ тебя. Не желаешь ли работать совмѣстно.

Недѣля проходитъ, получаемъ отвѣтъ:

— Горжусь. Исключительныя лѣсныя комбинаціи на Ялу. Срочно пріѣзжайте.

Въ третій разъ пересѣкли мы Америку. Поѣхали уже въ собственномъ вагонѣ. Была у меня

мечта повидать въ Санъ-Франциско Бетти Хью-
рардъ и посмотрѣть, какъ она живетъ. Увы! При-
были мы въ десять утра, а въ одиннадцать отчали-
ваетъ пароходъ на Юкагаму. Рѣшили, что повида-
емся на обратномъ пути. Случился этотъ обратный
путь лишь черезъ восемнадцать лѣтъ...

Съ этого дня моя жизнь теряетъ для васъ ин-
тересъ на много лѣтъ, потому ея магистрالی вамъ
извѣстны. Наше лѣсное предпріятіе на Ялу, наше
золотопромышленное о-во, наши концессіи на
Командорскихъ островахъ, наша Сѣверо-восточ-
ная пароходная компанія, наша знаменитая узко-
колейка; благодаря послѣдней я смогъ наконецъ
побывать въ Европѣ, ибо заказъ вагоновъ былъ
сданъ частью Круппу, частью Крезю. Но все это
извѣстно русскимъ людямъ и во всемъ этомъ ужъ
не такъ много поучительнаго. Передать вамъ се-
кретъ пріобрѣтательства я не могу при самомъ го-
рячемъ желаніи. Такого секрета нѣтъ. Есть два
совѣта Нахимова, есть изумительный «закусъ»
Уинстона Вальтера. Чтобъ не разрывалась нить
разказа изъ всего періода съ 1896 до 1914, сооб-
щу только, что къ намъ шли новые и новые мил-
ліоны, что Вальтеръ женился на бѣдной сибиряч-
кѣ, которая по вечерамъ пѣла арію Вани изъ
«Жизни за Царя» и плѣнила Вальтера своей про-
стотой, что отецъ мой умеръ, оставивъ мнѣ пред-
пріятій и бумагъ милліоновъ на сорокъ, что мать
моя умерла, оставивъ на моемъ попеченіи сестру
— перерзѣлую дѣвушку, посвятившую свою жизнь

благотворительности и коллекционерству.

А я... я продолжалъ работать, дѣлая видъ, что обладаю какимъ-то изумительнымъ секретомъ создавать, спаивать, выпрямлять... Не женился я потому, что не встрѣтилъ женщину, которая бы меня полюбила за меня самого. Любовницъ имѣлъ множество — въ Европѣ и въ Америкѣ, въ Сибири и въ Канадѣ — я старался въ своихъ подаркахъ не переходить роковой грани. Знаете ли вы эту грань? Сумма подарковъ достигаетъ предѣла, послѣ котораго къ лицу дарящему интересъ пропадаетъ и оно замѣняется молодымъ любовникомъ.

Въ свое время много говорили о моей благотворительности. Не думайте, что я такой добрый человѣкъ. Я просто ненавижу зрѣлище нищеты и нѣтъ тѣхъ денегъ, которыхъ бы я не далъ, чтобъ устранить изъ моей жизни диссонансъ. Вы знаете обо мнѣ говорятъ и пишутъ: «его скромность изумительна, онъ никогда не бываетъ въ пріютахъ и больницахъ, содержащихся на его средства»... Не бываю я тамъ не изъ скромности, а изъ отвращенія. А вдругъ въ лицѣ ребенка или гримасъ старика мнѣ мелькнетъ грязь и мерзость безпощаднаго пауперизма? Я хорошо знаю, что бѣдные не прощаютъ, да и не могутъ простить своимъ благодѣтелямъ. Поэтому я лично получаю удовольствіе только отъ одного рода милостыни: отъ поддержки разоряющихся миллионеровъ. Не дайте обанкротиться пяти миллионерамъ, вы пріобрѣтете пять вѣрныхъ, умныхъ, понимающихъ друзей и

получите радость въ стократъ большую, чѣмъ отъ спасенія десяти милліоновъ голодающихъ. Гостиница, гдѣ мы сейчасъ сидимъ, приобрѣтена на мои деньги. Въ 1911 году, когда я снабжалъ вооруженіемъ турецкую армію, я встрѣтилъ въ Стамбульской банѣ молодого армянина. Бойкость его смелки, игра его ума меня заинтересовали и я далъ ему сравнительно большую сумму для приобрѣтенія отеля. За десять лѣтъ онъ сталъ милліонеромъ, скупилъ всѣ отели Перы и на Босфорѣ. Когда я прїѣзжаю, онъ не знаетъ, какъ меня встрѣтить, гдѣ меня усадить, и за радостную поволоку его восточныхъ глазъ я отдамъ всѣ свои Нью-Йоркскіе пріюты.

— Эфендимъ, — говоритъ онъ, съ восторгомъ глядя на меня, — останься въ нашемъ городѣ. Мы скупимъ всю Оттоманскую Имперію. Эфендимъ, помни, кто хоть разъ испилъ сладчайшей воды Бейкоса, не можетъ не вернуться въ Стамбуль.

Разсказъ мой подходитъ къ роковымъ датамъ. Начало міровой войны застало меня въ Миланѣ, куда я прїѣхалъ для туризма, продѣлавъ четырехнедѣльный курсъ Карлсбадскаго лѣченія. 1 августа вспыхнула война, а числа пятого, когда я уже собирался уѣзжать въ Нью-Йоркъ — *via* Лондонъ, получаю странную телеграмму отъ Вальтера:

—Скупай всѣ имѣющіеся въ Европѣ запасы сахара и урожаи свекловицы на корню.

Не скажу, чтобъ я много понялъ въ Вальтеровской телеграммѣ, но и на этотъ разъ я не усом-

нился. Разъ Вальтеръ хочетъ скупать сахаръ, значить онъ правъ. Черезъ двѣ недѣли получаю подробное письмо съ описаніемъ сахарной идеи. На основаніи точныхъ вычисленій Вальтеръ доказываетъ, что ко второму году войны въ Европѣ начнется сахарный голодъ, особенно, если нѣмецкое наступленіе нарушитъ правильную хозяйственную жизнь русскаго Юго-Запада. Образованный Вальтеромъ спеціальныи консорціумъ уполномочиваетъ меня оставаться въ Европѣ и скупать, скупать, спупать...

Въ странномъ разрѣзѣ вспоминается мнѣ война. Я переѣзжаю изъ города въ городъ. Въ Лондонскомъ Ritz, въ Нью-Йоркскомъ Plaza, въ Парижскомъ Crillon, въ Петербургской Европейской, въ холодныхъ отеляхъ чопорной Скандинавіи, въ роскошныхъ палаццо притаившейся Италіи я сижу въ осточертѣвшихъ апартаменткахъ и по двадцать четыре часа веду разговоры о сахарѣ. Въ промежуткѣ двухъ бесѣдъ изъ газетъ или рассказовъ узнаю, что война (гдѣ-то идетъ война) входитъ въ новый затяжной періодъ, что Китченера утопили, а Бриана свалили, что въ моей необъятной Россіи недостатокъ хлѣба, что въ Америкѣ банки задыхаются отъ обилія золота... И снова сахаръ, сахаръ, сахаръ... Готовый продуктъ, полуфабрикатъ, урожай на корню, контрольные пакеты сахарныхъ предприятий... Первый годъ въ моей душѣ роилось подозрѣніе: а вдругъ Вальтеръ ошибся? Но уже съ начала 1916 года на-

ши заработки достигли астрономическихъ цифръ: сахаръ дорожалъ ежедневно и, казалось, не будетъ конца ни нашимъ барышамъ, ни войнѣ.

Въ концѣ 1915 года въ Амстердамѣ на вечерѣ у главы тамошняго сахарнаго синдиката меня познакомили съ Мата—Хари, жившей въ тѣ времена съ принцемъ регентомъ. Цѣлуя ея длинную узкую руку съ накрашенными ногтями и слушая ея рассказы объ Индіи — венгерская еврейка, она выдавала себя за индуску — я менѣе всего думалъ, что имѣю дѣло съ германской шпіонкой и что въ скоромъ времени эта обольстительная женщина будетъ разстрѣляна въ Венсенскомъ лѣсу... А вѣдь былъ моментъ —вѣрнѣе цѣлая недѣля — когда она снилась мнѣ по ночамъ и преслѣдовала мое воображеніе въ суматошный дѣловой день. Я уже начиналъ чувствовать, что страшная незнакомая болѣзнь постигла мое сердце, но въ это время Мата-Хари уѣхала въ Парижъ... Я остался лицомъ къ лицу съ сахаромъ...

Окончаніе сахарной эпопеи вамъ извѣстно. Послѣ смерти Вальтера, изъ привязанности къ его памяти, я продолжалъ выполнять его предначертанія и скупалъ сахаръ.

Сахарный крахъ, случившійся прошлой осенью, засталъ меня на вершинѣ. Я обладалъ къ октябрю 1920 безчисленными стоками и контрактами на пять лѣтъ впередъ. За мѣсяць кризиса я потерялъ три четверти своего состоянія. Потомъ

наступила очередь краха транспортного, краха рисоваго, краха табачнаго.

Дѣла мои запутаны до сумасшествія. Если кризисъ въ ближайшіе мѣсяцы не смягчится, я буду бѣднѣе, чѣмъ тогда, когда впервые въ трюмѣ японскаго парохода ѣхалъ въ Санъ-Франциско. Кромѣ потери состоянія за невозвращенныя банкамъ ссуды, я попаду въ тюрьму. На моемъ мѣстѣ другіе, на иныхъ дрождахъ возвращенные люди, прибѣгли бы къ благодѣтельной помощи браунинга. Но я взялъ отъ жизни все. Я имѣлъ лучшихъ женщинъ, лучшіе автомобили, самыя дорогія удовольствія. Почему же я долженъ отказаться отъ прогулки по тѣневой сторонѣ жизненнаго сада? Если придетъ нищета, если меня бросятъ въ тюрьму или объявятъ злостнымъ банкротомъ — я снова вспомню островъ Гонолулу, тропическую весну совѣты Нахимова. Повѣрьте, современный Канифферштанъ сумѣетъ пережить и дугу паденія. Жизнь прскг асна. Оглядываясь, я нахожу ее удачной, насыщенной изысканнѣйшимъ счастьемъ... Не торопитесь, не спѣшите рубить канаты. Попутные вѣтры смерти не пропустятъ своего часа. Посмотрите, сейчасъ ночь и какая тишина на Босфорѣ! Но не успѣетъ поблѣднѣть мой дорогой сибирскій Арктуръ, отъ Коваки побѣжитъ серебряный слѣдъ перваго утренняго парохода. Многолѣтнія занятія мнѣняльнымъ дѣломъ убѣдили меня не отчаиваться при *baisse* и не обольщаться при

hausse... Секретъ шанжера въ быстротѣ оборота...
Таково же искусство жизни...

* * *

Человѣкъ съ одиннадцатю платиновыми коронками замолчалъ, вытянулся, закрылъ глаза и короткими быстрыми пальцами сталъ перебирать четки.

— Ну, а что же было съ Бетти Хьюардъ? спросилъ я чувствуя исключительное волненіе не то отъ разсказа, не то отъ тишины Босфорской ночи.

— Бетти Хьюардъ?

Онъ приоткрылъ глаза, искоса посмотрѣлъ на меня и снова откинулся на спинку лонгъ-чеза.

— Съ Бетти Хьюардъ получилось нескладно. Въ 1915 году я видѣлъ ее въ продолженіи пяти минутъ. При приѣздѣ въ Нью-Йоркъ я разыскалъ ее черезъ Санъ-Францискихъ детективовъ и вызвалъ къ себѣ въ гостиницу. Она прислала письмо, назначавшее день и часъ. Я сидѣлъ въ своемъ номерѣ и старался возстановить ея образъ. Высокая съ чуть длинными стройными ногами, съ пышной грудью, съ тонкимъ продолговатымъ лицомъ, съ маисовыми волосами. Стукъ въ дверь, и въ комнату вплыла громадная туша въ кружевной накидкѣ и въ косынкѣ на жиденькихъ выцвѣтшихъ волосахъ, морщинистая, беззубая, густо набѣленная. Это не было лицо, это была отвратительная маска, отражающая всѣ пороки. Количество ея лю-

бовниковъ, степень ея жадности, напряженное ожиданіе богатыхъ прибылей отъ неожиданной встрѣчи... Я пробормоталъ нѣсколько невразумительныхъ словъ и подъ предлогомъ экстреннаго дѣла попросилъ ее придти завтра. На завтра она получила короткое письмо со вложеніемъ. А я уже мчался въ Нью-Йоркъ...

...Еще долго мы сидѣли на террасѣ. Еще не разъ изъ салона доносился бой стѣнныхъ часовъ. Но разговоръ больше не клеился. Молча мы попрощались, онъ ушелъ спать; я дождался перваго утренняго парохода и вернулся въ Константинополь. Въ переулочкѣ знакомый персъ уже успѣлъ раздуть свой неугасимый самоваръ, я присѣлъ на низенькій табуретъ, облокотился на столъ и задремалъ подъ бульканье кипящей воды...

Я нищъ, я жалокъ, дѣла мои презрѣнны, пусть же не мой Богъ, но Богъ чистыхъ, свѣтлыхъ, безпорочныхъ согрѣетъ закатнымъ солнцемъ остатокъ дней того ночного человѣка, какъ согрѣлъ благодатнымъ волненіемъ его рассказъ мою увядшую душу...

XII

Нѣкоторыя мысли
и единственное письмо
Юрія Быстрицкаго

Разказомъ «человѣка съ одинадцатью платиновыми коронками» заканчиваются записки Юрія Быстрицкаго, опубликованныя мной со всей полнотой, несмотря на протесты издательской стыдливости. Въ драномъ саквояжѣ, порадовавшемъ меня неожиданной находкой, оказалось, впрочемъ, и еще нѣсколько сплошь исписанныхъ листковъ почтовой бумаги. Но это уже не «записки»; это — клочки мыслей, сумбурныхъ, безобразныхъ, ярко болѣзненныхъ; это, неизвѣстно для какой цѣли, выписанныя цитаты изъ прочитанныхъ книгъ, газетъ, афишъ... Выясняется, что Юрій Быстрицкій въ часы досуговъ любилъ высказываться даже на неожиданныя для его душевнаго склада темы:

О модномъ танцѣ шимми:

«Всѣ эти дни обучался у здѣшняго danseur'a Адольфа. Путаеть онъ невѣроятно. Дѣло обстоитъ проще. Въ шимми только два па: 1) дѣлайте видъ, что вамъ нужно почесать спину безъ помощи

рукъ, 2) дѣлайте видъ, что вамъ нужно подтянуть падающіе брюки тоже безъ помощи рукъ»...

О будущемъ человѣчества:

«Черезъ двѣсти-триста лѣтъ, когда чума истребитъ всѣхъ моралистовъ и нытиковъ, жизнь внѣ всякаго сомнѣнія будетъ прекрасна. Пока что рекомендуется покупать доллары»...

Объ искупленіи грѣховъ:

«Если убить многихъ, напакостить многимъ, разбазарить душу, опошлить сознание, но ежедневно, приходя домой, безутѣшно плакать въ подушку... Индульгенція пріобрѣтена? Старикъ простиль?»

О ростовщикахъ:

«Кричатъ — банкиры, банкиры, банкиры! А я въ Азовѣ на Дону зналъ одного священника, любимѣйшаго ученика Тихона Задонскаго; старикъ святости необычайной, кротость, борода, на каждомъ шагу св. тексты, подъ рясой вериги, семьдесятъ два года... А мужичкамъ азовскимъ ссужаль деньги подъ проценты. Зимой пять процентовъ въ мѣсяцъ, лѣтомъ шесть. Потому что — вздыхаль святой старикъ — лѣтомъ же — слава Господу Богу нашему — дни длиннѣй»...

О восклицаніяхъ, выраженіяхъ радости и печали:

«Много нагрѣшилъ, короче, скверный чловѣкъ. Но одного не отдалъ, однимъ заслужилъ. Никогда, нигдѣ, ни при какихъ обстоятельствахъ

я не могъ понять существа различія межъ «увы» и «ура». Никогда, нигдѣ, ни при какихъ обстоятельствахъ не кричалъ ни «увы» ни «ура». Такъ? Такъ. Не такъ? Не такъ. Прошлый годъ, въ іюнѣ въ церквахъ служили молебны о дарованіи дождя, въ это же время владѣлецъ знаменитой скаковой лошади баронъ N.N. пламенно молился о продолженіи засухи. Ибо дождь означаетъ «тяжелую» скаковую дорожку и проигрышъ большого приза. Была услышана молитва барона. «Увы» или «Ура»? Не знаю. Правильно или неправильно? Отвяжитесь!»...

Какъ жить?

«Въ Италіи судили молодого парнишку, вырѣзавшаго семью изъ шести челвѣкъ. Парнишка хорошенькій, мечтательный, руки бѣлыя, пальцы тонкіе: «Какъ вы могли совершить такое ужасное преступленіе», недоумѣнно спросилъ предсѣдатель суда. «Ахъ, господинъ предсѣдатель — съ чувствомъ отвѣтилъ парнишка — для того, чтобы жить и понимать, надо имѣть слегка жестокое сердце»...

О солидарности:

«Солидарность въ добрѣ не удалась, по крайней мѣрѣ для нашего эона это выяснено окончательно. И бѣловласый Леонъ Буржуа, и великолѣпный Павелъ Ивановичъ Новгородцевъ, и конгрессы, собранія, постановленія. Гдѣ ужъ тутъ. Соберутся пріютъ открыть — сейчасъ же грызня,

письма въ редакцію, «выходъ изъ состава». Насмердѣли, поломали, расплевались! Но солидарность въ злѣ, но это трогательное взаимное пониманіе такихъ далекихъ (географически) и такихъ близкихъ (психологически) душъ!... Взламыватели кассъ, спеціалисты по акціонированьямъ, интенданты, расшатыватели обществъ и общественныхъ моралей... Какъ быстро — однимъ поворотомъ зрачка — они понимали другъ друга. И загоралась молнія, соединяющая полюса. «И долго мнѣ его паденья смѣшонъ и сладокъ былъ бы гуль»...

О свѣтѣ побѣждающемъ:

«Борьба Денницы съ Христомъ вырѣшится лишь послѣ того, какъ послѣдній муша уяснить и прочувствуетъ различіе межъ падшимъ ангеломъ и падающей звѣздой. И кто знаетъ? Быть можетъ станетъ такъ до смѣшного просто; дурачки ломали голову, писали, просыпались въ поту, а оно даждо: *Un monstre gai vaut mieux qu'un sentimental ennuyeux.* Вопросъ единственно въ количествѣ запасовъ земной веселости»...

О чудесахъ: «Ужъ никому и ни на что не требуются чудеса крупныя. Сдвиганіе горъ, осушеніе морей, всеобщее счастье. Отъ Бога моего требую мелочи. Ну, тамъ, чтобъ къ пятеркѣ не прикупать шестерки, а получать двойку, тройку, чтобъ въ желѣзнодорожномъ крушеніи мой вагонъ «чудомъ» спасся и пр. До двадцати восьми лѣтъ молился, не вѣрилъ, но продолжалъ, «на всякій слу-

чай». Потомъ задумалъ: если сегодня проиграю, прекращаю молиться, — если Онъ не хочетъ соучаствовать въ моей мелкой жизнишкѣ, то и у меня ровно никакого интереса къ Его величайшимъ проблемамъ. Проигралъ и бросилъ»...

Мой идеаль:

«Возможность законченнаго равнодушія ко всему, всегда. Красиво? Да, очень. Покупаете? Покупаю. Только имѣйте въ виду дорого очень!.. Не дороже денегъ. Или: Послушайте, онъ святой, его голыми руками не возьмете! Да, да, я знаю, но, однако, сколько или кому другому надо дать, чтобъ на вашего святого воздѣйствовать? Слушайте, вы пошлякъ, неужели и вы все продаете? Я, почти все, кромѣ одного, кромѣ моего презрѣнія.. А презрѣнія ни за какую сумму не продадите? Такой суммы нѣтъ, хотя бы посулите меня богомъ сдѣлать, и тогда не продамъ. Пока у меня возможность равнодушнаго презрѣнья — я самъ богъ, внѣ равнодушнаго презрѣнія нѣтъ бога — ни на землѣ, ни въ небесахъ.»

Образы жизни и завѣщаніе: «Половинчатость, недосказанность, самообманъ, надорвавшіеся вельсичаки, остряціе самоубійцы. Въ кабинетѣ, за письменнымъ столомъ суета, подобающая маклерамъ, на биржѣ, въ кофейнѣ мечтательность, протительная поэтамъ. И только изъ двухъ образовъ жизни можетъ выбирать *настоящій* человекъ. Или какъ Кантъ, присиди сиднемъ всю жизнь — и отъ сидѣнья твоего безстрастнаго за-

шатаются материки. Или какъ дѣлецъ съ Уолстри-та грабь, комбинируй, будь твердокаменень, обирай, взыскивай, и отъ активности твоей отольются новые кристалльные человѣки, ходячіе силлогизмы съ ариѐмометромъ въ головѣ... Мнѣ не удалось ни то, ни другое. Въ письмахъ Ив. Кирѣвскаго читаль описаніе смерти весельчака поэта Языкова: собралъ у одра домашнихъ и съ блестящими глазами сталъ спрашивать, кто изъ нихъ въ безсмертіе вѣритъ, а кто не вѣритъ. Вотъ оно — *suffrage universel!* . . . Воскресенье мертвыхъ по... большинству голосовъ. Я завѣщаю самому себѣ накопить денегъ достаточно для сожженія моего трупа въ крематоріи, потому что не страшна! о суда боюсь, а заживопогребенія... Ногти обламывать о крышку гроба... Кругомъ вонища, черви, тухлая сырость... Бррр»...

Сбоку выписка изъ Розановскаго «Уединеннаго»: «Ни одинъ человѣкъ не достоинъ похвалы каждый достоинъ жалости».

2

Таквы нѣкоторыя изъ мыслей Юрія Быстрицкаго. Привожу ихъ не потому, что считаю ихъ цѣнными. Просто, вѣрю въ то, что и они — эпоха. Кромѣ того, такъ рѣдко случалось мнѣ бесѣдовать съ Юріемъ Быстрицкимъ, что, напрягая память, мало что нахожу прибавить къ сказанному въ предисловіи.

Встрѣтились мы въ Константинополѣ, въ одной изъ шашлычныхъ Грань-Базара. Пока пергаментный изможденный стариканъ сутился у вертела — мы разговорились. Чуть ли не о послѣднемъ московскомъ скаковомъ сезонѣ. Ругали Манташевыхъ, плакали о Лазаревыхъ. Потомъ перешли еще на что-то подобное, слезливое, безвозвратное, ненужное. Кончили тѣмъ, что порѣшили дешевизны ради поселиться въ одномъ номерѣ.

Совмѣстная жизнь не доставила мнѣ никакихъ неудобольствій: я уходилъ, онъ еще спалъ; я возвращался, его уже не было. Мои занятія носили характеръ дневной: «ловчить» по части визы и займа денегъ. Юрій Быстрицкій остался вѣренъ привычкамъ и ничѣмъ, кромѣ картъ, не интересовался. Отъ полуночи до разсвѣта въ прокуренной ковровой комнаткѣ, гдѣ-то въ Харбіе среди греческихъ шуллеровъ и турокъ, терроризованныхъ свирѣлостью англійскихъ бобби, онъ сидѣлъ блѣдный, серьезный, пристальный. Понтировалъ, металъ банкъ, устраивалъ всевозможныя пари. Однажды пошелъ я посмотрѣть на его работу. Не понравилось: ужъ черезчуръ профессионально. Различіе образовъ жизни исключало возможность сколько нибудь частыхъ разговоровъ. Изрѣдка, идучи подъ вечеръ по Галатѣ, я встрѣчалъ его на верандѣ какого-либо кафе. И, если не было возможности увильнуть, присаживался, и начиналась бесѣда. Увиливалъ же я отъ раздраженія, вызываемого его пристрастіемъ къ резонерству какой-

то особой складки. Пополамъ съ кровью, съ мышленіемъ гражданской войны, съ ароматомъ карточныхъ клубовъ. Или скажетъ печально — презрительно:

— Жизнь моя тянулась на девятку, а получилась десятка, — или снова и снова о ненависти къ Россіи. Я отмалчивался, полагая что, если хочетъ человѣкъ пулю въ лобъ пускать, то нечего медлить и разыгрывать новѣйшаго Ипполита.

Прожили мы такимъ образомъ мѣсяца два. Мои дѣла принимали все болѣе трагическій оборотъ. Быстрицкаго трудно было понять. Покупаетъ чуть ли не ежедневно шелковое бѣлье, тоскуетъ о невозможности достать Герленовскую помаду для губъ, а подойдетъ срокъ уплаты за номеръ, отворачивается къ стѣнѣ и глухимъ злымъ голосомъ проситъ внести и его половину.

Числа пятнадцатаго (а можетъ быть семнадцатаго) сентября всталъ я, по обыкновенію, въ половинѣ восьмого. Гляжу на кровать Быстрицкаго: пусто. «Ого, думаю, заигрался парнишка. Ну, дѣло хозяйское. Хочешь, играй. Хочешь, въ Босфоръ прыгай. За номеръ цѣна одна — и плачу то фактически я одинъ». Вечеромъ прихожу. Быстрицкаго снова нѣтъ. Спрашиваю хозяина: приходилъ моль якши эфендумъ камрадъ. Хозяинъ цокнулъ губами, поднялъ глаза къ потолку. Сіе на языкѣ восточнаго клоповника означаетъ: нѣтъ. Снова

утро и снова пуста кровать Быстрицкаго. Только стучать въ дверь и приносятъ письмо. Городское, штемпель вчерашняго числа. Вскрываю, гляжу на подпись. Крупнымъ размашистымъ почеркомъ: «Юрій Быстрицкій». Читаю.

«Надѣюсь, что Вы не слишкомъ обезпокоены ни моимъ отсутствіемъ, ни тѣмъ, что я вообще испаряюсь изъ Константинополя. Случились разные случаи. Бываетъ такое небо и все прочее. Оставлю Вамъ въ наслѣдство саквояжъ. Шелковаго бѣлья въ немъ не найдете. Проиграно. Но порыться поройтесъ. Есть кое-что на любителя. Вѣнковъ не возлагайте, если даже въ скоромъ времени предприму свой далекій вояжъ; какъ мы установили совмѣсно: человѣческая жизнь не перецъ — ея вездѣ достаточно.

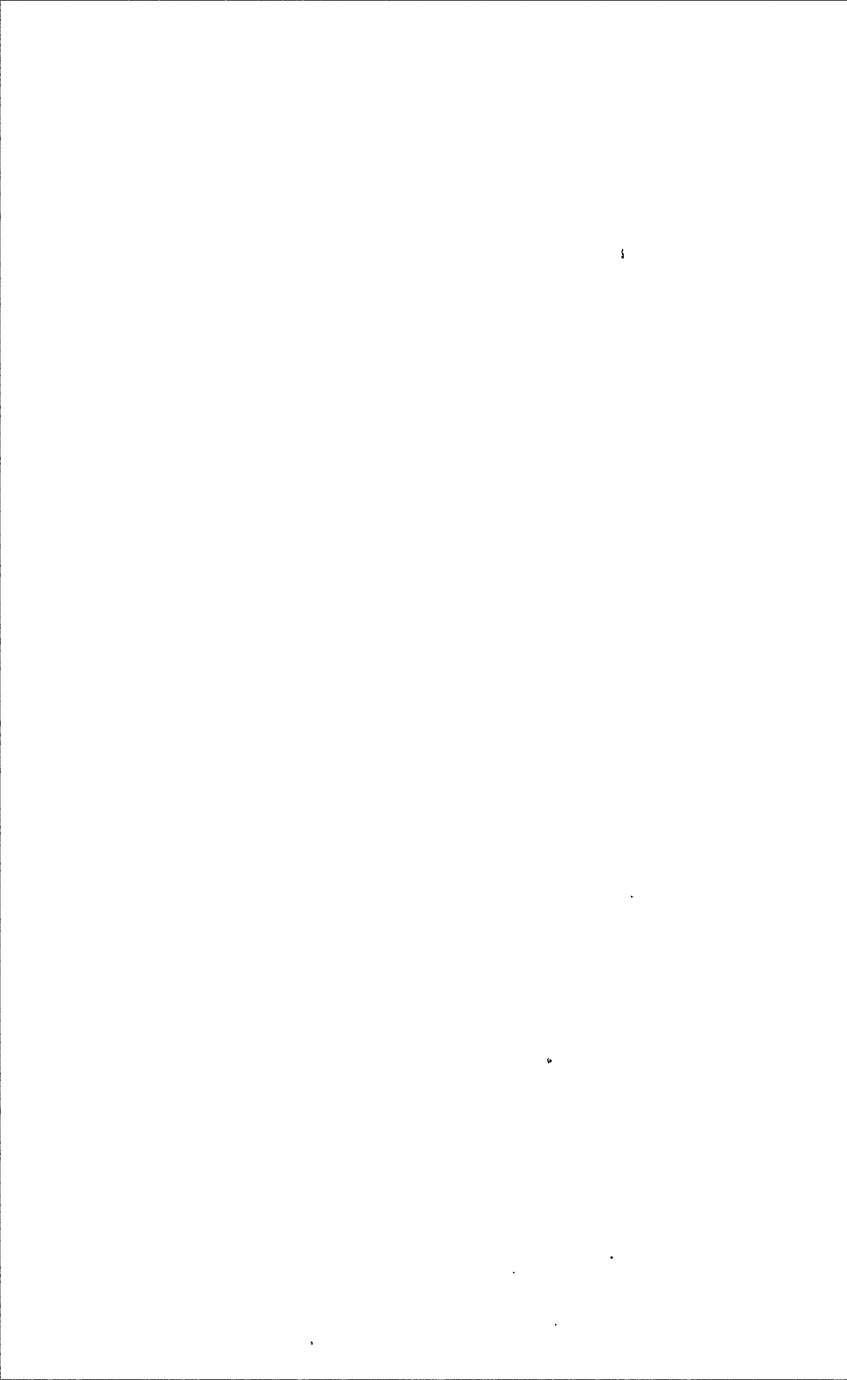
Улетучиваясь, хочу Вамъ напомнить строку Уайльда — единственную строку, кольнувшую меня во всѣхъ двѣнадцати томахъ маэстро церемоній. *Ah happy they whose hearts can break...* Еще разъ жму руку, мечтая о зацвѣтающемъ англійскомъ нагорьи... Очень жалѣю, что гигантскія издержки лишаютъ меня возможности принять участіе въ уплатѣ за номеръ. Ужъ такимъ меня выдумали. Будьте счастливы и ничему никогда не удивляйтесь...»

Строку изъ Уайльда ставлю эпиграфомъ къ запискамъ этого проклятаго резонера.

ОГЛАВЛЕНІЕ

	Стр.
Глава I	Справка о Быстрицкомъ Юріи
	Павловичѣ и объ его запискахъ 9
„ II	О, сверкающее ргутью платье 13
„ III	Домъ дѣтства 21
„ IV	Древо жизни 37
„ V	Первый нордъ-остъ 59
„ VI	Ростбифъ-таргаръ 83
„ VII	У Гольденблата 103
„ VIII	Дѣвочки, дѣвчонки 141
„ IX	Пью чашу до дна 157
„ X	Сны 171
„ XI	Разказъ человѣка съ одиннад- цатью платиновыми коронками 209
„ XII	Нѣкоторыя мысли и единствен- ное письмо Юрія Быстрицкаго 239

Того же автора новыя книги:

1. Герои и воображаемые портреты.

Въ продажѣ. Цѣна 75 мар.

2. Образы расплавленной Москвы.

Въ печати.

ИЗДАНИЯ
„РУССКАГО ТВОРЧЕСТВА“

Berlin, Schillstrasse 3 / Verlag „Russkoje Twortschestwo“

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„РУССКОЕ ТВОРЧЕСТВО“
ИЗДАВШЕЕ НАСТОЯЩУЮ КНИГУ

выпускаетъ въ продажу:

1. „Лунная сырость.“ Повѣсти 21-го года.
Гр. А. Н. Толстого.
2. „Повѣсть о И. С. Стратилатовѣ.“
А. Ремизова.
3. „Ё.“ Тибетскій сказъ.
А. Ремизова.
4. „Сказки обезьяньего царя Асыки.“
А. Ремизова.
5. „Записки Терентія Забытаго.“ Повѣсть.
А. Аросева.
6. „Езуитушка.“ Разказы.
А. Дроздова.
7. „Отрывокъ изъ мемуаровъ.“ Романъ.
Е. Ильиной-Полторацкой.
8. „Какъ мы росли въ старинной усадьбѣ.“
Е. Ильиной-Полторацкой.
9. „Альманахъ Серапионовыхъ Братьевъ.“
10. „Со святыми упокой . . .“ Романъ.
Л. Урванцовъ.
11. „Ниль Мироточивый.“ Повѣсть.
И. Соколова-Микитова.
12. „Заря-Заряница.“ Пѣсенки.
И. Соколова-Микитова.
13. „Сказки.“
И. Пунн. Рисунки К. Богуславской.
14. „Въ будуарѣ.“ Сборникъ статей о дамской
литературѣ до- и послѣ-революціоннаго
періода.
И. Василевскаго (Не-буквы).

ЛИТЕРАТУРНЫМЪ ОТДѢЛОМЪ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
„РУССКОЕ ТВОРЧЕСТВО“
ЗАВѢДУЕТЪ ГР. А. Н. ТОЛСТОЙ
